Лекціи

Профессора И. А. Бодуэна-де-Куртенэ

по

ВВЕДЕНІЮ въ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ

Изд. Кассы Взаимопомощи Сл--цъ В. Ж. К.
под. ред. автора.

Изданіе 1917 года.

Цѣна 2 руб. 60 коп.

ПЕТРОГРАДЪ,
Типо-Литографія И. Юделевича, Владимірскій 13.

Профес. И.А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

ВВЕДЕНІЕ въ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ.

Изданіе пятое

Подъ редакціей профессора

1917 годъ

Литографія Юделевича, Владимірскій пр. 13.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

§ I. Произнося „введеніе въ языковѣдѣніе", мы не представляемъ себѣ при этомъ языковѣдѣніе какимъ то зданіемъ, куда приглашаются посѣтители для обозрѣнія того, что въ этомъ зданіи помѣщается. „Введеніе" въ языковѣдѣніе имѣетъ здѣсь болѣе или менѣе такое значеніе, какъ введеніе въ какую либо книгу, какъ предварительное ознакомленіе съ общими началами, легшими въ основаніе или данной книги, или же данной науки.

Мы не вводимъ слушателей или читателей въ языковѣдѣніе, но, наоборотъ, вводимъ языковѣдѣніе, т.е. лингвистическое мышленіе, въ головы этихъ слушателей или читателей, мы его тамъ насаждаемъ, мы его тамъ разводимъ.

Но человѣческій мозгъ, какъ носитель психики, не представляетъ изъ себя такой абсолютной tabula rasa, какою являются съ одной стороны фонографъ, граммофонъ, съ другой же стороны бумага, доска или т.п., на которыхъ пишутъ. Только то можетъ быть действительно введено въ человѣческую психику достойнымъ ея образомъ, что усваивается ею продуманно и самостоятельно.

Не всѣ носители человѣческихъ головъ и содержащихся въ нихъ психическихъ міровъ смотрятъ на себя такимъ образомъ. Нѣкоторые отожествляютъ себя съ граммофонами, фонографами, бумагой, доской или т.п.

Литографія Юделевича, Владимірскій I3.

Такъ смотрятъ на себя, напр., тѣ, кто, приготовляясь къ экзаменамъ, ограничивается такъ наз. зубрежкой, т.е. механическимъ страдательнымъ заучиваніемъ курсовъ и конспектовъ, безъ надлежащаго пониманія.

Сознательный человѣкъ, заслуживающій этого названія, долженъ ко всему, имъ усваиваемому, относиться сознательно, т.е. и слушать лекціи и читать книги съ пониманіемъ и критически. Онъ долженъ помнить, что человѣческая голова не есть tabula rasa, на которую можно наносить все, что угодно, безъ ея активнаго участія. Въ человѣческой головѣ, какъ въ таковой, хранятся зародыши всѣхъ знаній. Задача же учителя состоитъ въ томъ, чтобы помогать этимъ зародышамъ развиваться и укрѣпляться, въ томъ, чтобы помогать рождаться мыслямъ самостоятельнымъ.

§ 2. Слѣдовательно, и мнѣ приходится не моихъ слушателей вводить въ языковѣдѣніе, а напротивъ того, языковѣдѣніе /точнѣе, лингвистическое или языковѣдное мышленіе/ вводить въ головы слушателей, т.е. способствовать образованію ассоціацій и сцѣпленій понятій, относящихся къ научному мышленію о предметахъ изъ области рѣчи человѣческой и изъ области науки, называемой языковѣдѣніемъ.

Но чтобы вводить что либо, надо прежде всего имѣть свободное мѣсто, свободное помѣщеніе для вновь вводимаго. А имѣется ли такое свободное помѣщеніе въ головахъ людей, прошедшихъ черезъ сред

нюю школу и выдержавшихъ испытанie на аттестатъ зрѣлости? Не исковерканы ли и не разрушены ли въ этихъ головахъ зародыши здравыхъ мыслей о человѣческомъ языкѣ?

Къ сожалѣнiю, благодаря своеобразному усердiю среднихъ школъ, головы ихъ признанныхъ „зрѣлыми" воспитанниковъ засорены по части языковѣдѣнiя такимъ якобы научнымъ хламомъ, что прежде, чѣмъ вводить въ эти головы „здравую научную пищу", приходится первымъ долгомъ произвести ихъ основательную очистку и дезинфекцiю отъ всего этого сора, накопившагося въ нихъ въ теченiе восьми-лѣтняго школьнаго обученiя.

§ 3. Этого можно хоть отчасти достигнуть посредствомъ критики нѣкоторыхъ ученiй и положенiй, прививаемыхъ школьной молодежи съ помощью учебниковъ, не только одобряемыхъ, но и усердно рекомендуемыхъ и даже навязываемыхъ разными „учеными комитетами".

Сюда относятся какъ учебники грамматики „отечественнаго," въ данномъ случаѣ русскаго /съ прибавленiемъ церковно-славянскаго/, такъ и грамматическiя пособiя по изученiю такъ называемыхъ „новыхъ языковъ", такъ и, наконецъ, грамматики „древнихъ" языковъ, изученiе которыхъ, по мнѣнiю такъ называемыхъ „знатоковъ дѣла", служитъ будто бы лучшей „гимнастикой ума" и лучшей подготовкой къ научнымъ занятiямъ.

Всѣ эти учебники, да не только учебники, но и многiя сочиненiя, претендующiя на научность, насаждаютъ въ головахъ путаницу и смѣшенiе понятiй.

Къ сожалѣнiю, я могу удѣлить только немного вре-

мени разбору положеній учебниковъ, населяющихъ въ головахъ учениковъ смѣшеніе понятій и внушающихъ им своею безсмысленностью отвращеніе къ языковѣдѣнію. Кромѣ того, я ограничусь только учебниками русскаго языка, оставляя въ сторонѣ учебники „новыхъ"языковъ и отличающіеся „классическими" нелѣпостями учебники „классическихъ" языковъ.

Глава I.

Изъ русскихъ „грамматикъ", изъ „грамматикъ русскаго языка.

§ 4. Грамматики всякаго такъ наз. „отечественнаго" языка, въ данномъ случаѣ русскаго, должны бы служить самымъ подходящимъ введеніемъ въ языковѣдѣніе. Вѣдь онѣ пользуются готовымъ матеріаломъ, существующимъ въ своей цѣльности и полнотѣ въ головахъ учениковъ. Поэтому ихъ задача могла бы быть крайне благодарной и благотворной. Онѣ должны бы только озарять свѣтомъ сознанія существующія въ безсознательномъ и полусознательномъ состояніи ассоціаціи языковыхъ представленій и черезъ ихъ надлежащее освѣщеніе и умѣлое сопоставленіе помогать носителямъ этого живого матеріала дѣлать самимъ требуемые научные выводы.

Но не тутъ то было. На существующій живой, готовый матеріалъ никто не обращаетъ вниманія. Живой языкъ самъ по себѣ, а обученіе грамматическимъ тонкостямъ само по себѣ. Вмѣсто того, чтобы пріучаться относиться сознательно къ собственному, давно усвое

ному языку, ученики должны зазубривать безсмысленныя опредѣленія и положенія, чуждыя всякой связи съ живымъ матеріаломъ и, стало-быть, психически мертвыя. Куда ни заглянешь въ такой одобренный и даже рекомендуемый учебникъ отечественнаго языка, вездѣ натыкаешься на отсутствіе психической жизненности и логическаго смысла. ÷/

Возьмемъ хоть бы слѣдующія опредѣленія:

I.

§ 5. „Слова состоятъ изъ звуковъ: такъ, напримѣръ, въ словѣ в-о-д-а четыре звука".

На первый взглядъ это положеніе кажется безвреднымъ и невиннымъ, а между тѣмъ оно содержитъ въ себѣ цѣлую массу несоотвѣтствій реальнымъ фактическимъ отношеніямъ. И вотъ почему:

I/ Сама постановка произвольна. Откуда эти „слова"? Развѣ только слова произносятся? Слова являются обыкновенно частями фактически произносимаго. А здѣсь очевидно идетъ рѣчь объ одномъ только произносимомъ и слышимомъ. Ибо только къ слышимому можно примѣнять понятіе звука.

Произносимое и слышимое можетъ состоять изъ звуковъ и ихъ сочетаній. И при этомъ все равно, „понимаемъ" ли мы произносимое и слышимое какъ настоящія предложенія и слова, т.е. ассоціируемъ ли съ произносимымъ и слышимымъ другія имѣющіяся въ

÷/ Я не называю именъ; но скажу только, что даже учебники, составляемые профессорами высшихъ учебныхъ заведеній, насаждаютъ въ головахъ учащихся такую же путаницу, какъ и всѣ остальные.

языковомъ мышленіи представленія, или же ограничиваемся однимъ только восприниманіемъ произносимаго и слышимаго.

При такомъ отношеніи къ слышимому можно произвольно сокращать или увеличивать число „звуковъ" даннаго „слова", объединяя ихъ въ одно произносимое цѣлое свойственнымъ данному языку /точнѣе, произношенію/ построеніемъ со стороны акцента или ударяемости, и все таки будутъ получаться „слова". Напр., не только вода /вода́/, но тоже вода́съ, вода́н, вода́т, вода́р, вода́ка, вода́кла, вода́рт, вода́скис, вода́тыр, вода́корак..., твода́, увода́, овода́, тывода́, совода́..., ода́, да, а..., вод, во... Затѣмъ возможны „слова", „состоящія изъ звуковъ", въ родѣ пули́кара /пу́ликара, пулика́ра, пуликара́/, моловилика /мо́ловилика, моло́вилика, моловили́ка, моловилика́/, сима́нохиха /си́манохиха.../, пурикалами́н /пу́рикаламин/. Вѣдь все это „слова", „состоящія изъ звуковъ"./Ср. Б-де-К.Зад.39/.

Но и тутъ такъ только для слушающаго; для произносящаго прибавляются движенія органовъ произношенія, т.е. элементы, или составныя части мускульныхъ движеній и мускульнаго /двигательнаго/ чувства.

Пойдемъ дальше. Развѣ это есть настоящій составъ, настоящее существованіе даже хотя бы только произносимаго и слышимаго? Что дѣлаетъ возможнымъ произношеніе и слышаніе? Только безпрерывность существованія въ отдѣльныхъ индивидахъ, т.е. въ от-

дѣльныхъ носителяхъ даннаго языковаго мышленія /языковой церебраціи/ представленій мускульныхъ работъ, контролируемыхъ мускульнымъ /двигательнымъ/ чувствомъ, и представленій звуковыхъ, акустическихъ впечатлѣній, вызываемыхъ этими мускульными работами, являющимися причиною акустическихъ колебаній въ окружающей насъ воздушной и вообще упругой средѣ.

§ 6. 2/ Такъ со стороны произношенія и слышанія, единственной для того, кому чуждо пониманіе значенія словъ. Но вѣдь въ полномъ языковомъ мышленіи есть другая сторона, сторона болѣе важная, безъ которой нѣтъ ни словъ, ни предложеній, ни языковаго общенія, ни рѣчи человѣческой вообще. Это сторона значенія и расчленяемости съ этой именно точки зрѣнія.

Для такъ наз. непонимающаго русскаго языка произносимый и слышимый или только представляемый произносимымъ и слышимымъ комплексъ звуковыхъ единицъ <u>вода</u> имѣетъ вполнѣ одинаковую цѣнность съ комплексомъ <u>ода, да, а, вод, во...., водан, водат, водаки, водакла, водатахъ...., свода, твода, тывода, совода</u> и т.д.

Всѣ эти „слова" состоятъ изъ „звуковъ" въ смыслѣ выше приведеннаго опредѣленія.

Для „понимающаго" же русскій языкъ слова состоятъ изъ дальше недѣлимыхъ знаменательныхъ частей. Съ этой точки зрѣнія <u>вода</u> есть слово: но другіе выше поименованные звуковые комплексы являются для русскаго пониманія лишенными смысла. Это не то, что

наборъ словъ, а просто наборъ слоговъ и звуковъ,т
нѣе слоговыхъ и звуковыхъ впечатлѣній, въ связи с
вызывающими эти впечатлѣнія мускульными работами.

Почему же это такъ? Почему вода есть слово, а остальные звуковые комплексы не могутъ быть названы словами?

А вотъ потому, что съ понимаемымъ словомъ вода ассоціируется представленіе извѣстнаго значенія т.е. извѣстное внѣязыковое представленіе, да кромѣ того представленіе извѣстнаго опредѣленнаго морфологическаго построенія слова. /Здѣсь примѣняются понятія изъ области семасіологіи и морфологіи языка/.

Это станетъ яснымъ, если мы сопоставимъ слѣдующія слова, ассоціируя съ ними общее, объединяющее представленіе языковаго общенія въ русской племенной, языковой средѣ:

Вод-а, вод-к-а, вод-оч-к-а, водиц-а /водь-ыц-вод-а, вод-н-ый, водян-ой /водь-ан-ой/, водянистый /водь-ань-ыст-ый/...; вод-а, вод-н-ый, над-вод-н-ы под-вод-н-ый, раз-вод-ни-ть /раз-вод-нь-ы-ть/, раз-вод-нение /раз-вод-нь-энь-ый-э/, на-вод-ни-ть /на-вод-нь-ы-ть/, на-вод-ня-ть /на-вод-нь-а-ть/, на-вод-нение /на-вод-нь-энь-ый-э/...; вод-а, вод-ы, вод-о вод-ам, вод-ах, вод-ами, вод, вод-ы, вод-у, вод ѣ /водь-э/...; водиц-а /водь-ыц-а/, водиц-ы /водь-ыц-без-вод-ы, с-вод-ы, из-вод-ы, в-вод-у, на-вод-у, в-водѣ /в-водь-э/, на-водѣ /на-водь-э/, за-вод-ой.. вод-о-ем /вод-о-йом/, вод-о-с-точ-н-ый, вод-о-снабж-

еніе /вод-о-снабж-энь-ый-э/, вод-о-про-вод, водян-к-а /водь-ан-к-а/...; вод-о-лаз ныр-н-у-л под-вод-у... ÷/

Состоятъ ли всѣ эти слова, какъ слова, изъ звуковъ? Нѣтъ, они, правда, какъ могущія быть произно - симыми, состоятъ изъ рядовъ звуковыхъ представленій,

---

÷/ Прямая отвѣсная черта указываетъ здѣсь не удареніе, не акцентъ, а только дѣлимость слова на морфологическіе элементы или „морфемы". Благодаря своеобразному отношенію между русскимъ письмомъ и русскимъ произносительно-слуховымъ языкомъ, раздѣленіе въ родѣ вод-ѣ, вод-иц-а, на-вод-н-я-ть... наводитъ на ложное представленіе о дѣлимости произносимыхъ и слышимыхъ словъ. Слѣдовательно, мы изображаемъ эту дѣлимость въ видѣ водѣ, водица, на-вод-ня-ть..., указывая этимъ, что изъ цѣлой группы произносительно-слуховыхъ элементовъ, ассоціируемыхъ съ представленіемъ буквъ ѣ, и, я...одинъ изъ элементовъ /именно „мягкость" предшествующей согласной/ входитъ въ составъ предшествующаго морфологическаго элемента, а всѣ остальные /представленіе слогообразованія, представленіе извѣстнаго уклада полости рта/ - въ составъ слѣдующей гласной, какъ составной части слѣдующаго морфологическаго элемента. Граница между морфологическими элементами произносительно - слухового языка приходится здѣсь въ писанно-зрительномъ языкѣ на недѣлимое представленіе буквъ ѣ, и, я, ю, е... и, собственно говоря, тоже всѣхъ остальныхъ буквъ гласныхъ: вода, воды, водой....
См. Б.-де-К. Отн. §§ 90-100.

но, какъ живыя, знаменательныя слова, они состоятъ изъ ряда морфемъ или же изъ основъ и сочетаемыхъ съ ними морфемъ /суфиксовъ, окончаній/, - смотря по тому, съ какой точки зрѣнія мы взглянемъ на ихъ составъ.

§ 7. Итакъ, вмѣсто безсмысленнаго положенія „слова состоятъ изъ звуковъ" слѣдуетъ сказать:

I/ произносимое состоитъ изъ ряда мускульныхъ работъ и вызываемыхъ этими работами мускульныхъ двигательныхъ ощущеній.

2/ Слышимое состоиъ изъ ряда звуковыхъ впечатлѣній и обусловливаемыхъ этими впечатлѣніями возбужденій въ психическомъ центрѣ.

3/ Представляемое произносимымъ состоитъ изъ ряда произносительныхъ представленій.

4/ Представляемое слышимымъ состоитъ изъ ряда акустическихъ, слуховыхъ представленій.

5/ Понимаемое предложеніе является, съ одной стороны, рядомъ представляемаго произносимымъ и слышимымъ, съ другой же стороны оно распадается на понимаемыя слова.

6/ Понимаемыя слова, все равно, какъ части ли предложенія, или же совершенно независимо отъ предложенія, съ одной стороны являются тоже безпрерывнымъ рядомъ представляемаго произносимымъ и слышимымъ, съ другой же стороны они состоятъ изъ морфологически и семасіологически недѣлимыхъ единицъ, которыя мы называемъ морфемами.

§ 8. Въ связи съ понятіемъ „морфемы" мы долж-

ны установить понятіе звуковой единицы языка.

Что такое звукъ языка?

Звукъ языка, какъ его дѣйствительный элементъ, есть чистѣйшая фикція, ученое измышленіе, возникшее благодаря смѣшенію понятій и постановкѣ мгновенно появляющагося, преходящаго вмѣсто постоянно существующаго.

Существуетъ и безпрерывно продолжается въ индивидуальной психикѣ представленіе звуковой единицы, называемой обыкновенно „звукомъ языка". Произнесеніе звука, сопряженныя съ этимъ мускульныя ощущенія, равно какъ и являющееся результатомъ произнесенія акустическое впечатлѣніе есть не что иное, какъ знакъ того, что въ нашей психикѣ существуетъ соотвѣтствующее звуковое представленіе.

Это постоянно въ нашей психикѣ существующее представленіе „звука", т.е. одновременнаго сложнаго комплекса произносительныхъ работъ и получаемыхъ отъ этого впечатлѣній, мы будемъ называть фонемою.

II.

§ 9. Займемся теперь другимъ положеніемъ учебниковъ русскаго языка.

„Знакъ, которымъ звукъ изображается на письмѣ, называется буквой".

I/ Допустимо ли подобное опредѣленіе? „Звукъ изображается". - Изображается вѣдь то, что предполагается (существующимъ существуетъ ли звукъ вообще и „звукъ" языка въ особенности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ содержится въ томъ, что только что было сказано по поводу термина „фонема" /§ 8/. Не „звукъ" существуетъ, а фонема, какъ его психическій источникъ, возникшій путемъ цѣлаго ряда однородныхъ акустическихъ впечатлѣній.

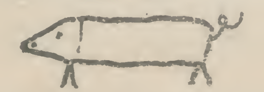
2/ Затѣмъ сказано, что „звукъ изображается". Можно ли такъ сказать?

Изображается вѣдь оптически то, чему свойственны очертанія или что представляется имѣющимъ очертанія.

Изображается акустически то, что дѣйствуетъ на слухъ или что предполагается дѣйствующимъ на слухъ.

Можно „изображать символически", на основаніи ассоціаціи по сходству. Это „изображеніе" можетъ быть или прямымъ, непосредственнымъ, или же „переносным", „метафорическимъ". Метафорически изображаются степени, градусы, война, смерт, округленность, законченность, безконечность и т.п.

Изображеніе, хотя бы и далеко не совершенное, само по себѣ наводитъ на представленіе предмета, т.е. того представленія, съ которымъ оно /изображеніе, точнѣе, представленіе изображенія/ ассоціируется по извѣстному сходству: Такъ напр., „изображенія" свиней:

Въ дурномъ расположеніи духа.

Въ хорошемъ расположеніи духа.

„Торжествующая."

Другія изображенія:

Кошка. Собака.

Ворота, солдатъ и собака /штыкъ вм. солдата, хвостъ вм. собаки/.

§ 10. Извѣстное сходство имѣется тоже при „буквахъ" идеографическаго характера. Такое же историческое начало и нашихъ „буквъ", напр.

∀ A быкъ, корова, aleph, alfa.

При нашихъ же нынѣ существующихъ буквахъ можно говорить не объ „изображенiи", а въ крайнемъ случаѣ объ обозначенiи, – на подобiе цифръ, алгебраическихъ знаковъ и т.п. Здѣсь имѣютъ мѣсто чисто случайныя, исторически объясняемыя и объяснимыя ассоцiацiи /совпаденiя/ или же произвольныя „условныя" примѣненiя.

Почему, напр., извѣстную графическую роль играютъ „буквы": въ русскомъ письмѣ: о е а б в....., въ латинскомъ: a i b c...?

Почему съ представленiемъ буквы или съ графемою с связаны /ассоцiированы/ различныя фонетическiя, произносительно-слуховыя представленiя въ языковомъ мышленiи: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, западно-славянскомъ, италiанскомъ, французскомъ, англiйскомъ?

Обратимъ тоже вниманiе на ассоцiацiонныя связи графемъ: ⸸ въ языковомъ мышленiи западно-славян-

скомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, французскомъ,англійскомъ; у въ языковомъ мышленіи русскомъ, западно-славянскомъ, скандинавскомъ /шведскомъ, датскомъ/ и финскомъ, англійскомъ.....; т въ языковомъ мышленіи русскомъ, латинскомъ.

Во всякомъ случаѣ, если что либо при этомъ изображается съ помощью буквы, такъ это графема, т.е. психически существующее представленіе буквы.

§ II. 3/. Затѣмъ, можно ли говорить „знакъ"? „Знакъ, которымъ звукъ изображается".

Знакъ это то же, что мѣтка, отличительный, произвольно нанесенный или хотя бы только произвольно отмѣченный признакъ. Примѣнимо ли здѣсь это понятіе? Нѣтъ; буквы не есть вовсе мѣтки, не есть вовсе знаки звуковъ.

Это ложное опредѣленіе обязано своимъ происхожденіемъ смѣшенію понятій, безкритичному перенесенію въ психическую область понятій, почерпнутыхъ изъ области внѣшняго міра.

Такъ что же это такое? На этотъ вопросъ отвѣтимъ другимъ вопросомъ:

Что нужно для того, чтобы „звукъ" языка былъ „звукомъ" языка?

Нужно, чтобы онъ былъ преходящимъ, мимолетнымъ знакомъ извѣстнаго произносительно-слухового представленія, т.е. фонемы. Нужна ассоціація съ общимъ представленіемъ принадлежности къ произносимому и воспринимаемому слухомъ въ области извѣстнаго человѣческаго языка /точнѣе, извѣстнаго человѣческаго

языковаго мышленія и междучеловѣческаго общенія/, или же въ области рѣчи человѣческой вообще.

Что нужно для того, чтобы „<u>буква</u>" была „<u>буквой</u>"?

Нужна наличность двухъ сторонъ междучеловѣческаго общенія: стороны центробѣжной /центрифугальной/ и стороны центростремительной /центрипетальной/:

а/ Написаніе /начертаніе/ буквы при условіи ассоціаціи съ фонетическими /произносительно-слуховыми/ и вообще съ языковыми представленіями.

б/ Воспринимание человѣкомъ, подготовленнымъ къ этому надлежащимъ образомъ.

Если извѣстное начертаніе было сдѣлано зря, безсмысленно, если это просто каракули, въ родѣ, напр., , то нѣтъ перваго условія. Это начертаніе такъ себѣ, не преднамѣренное съ точки зрѣнія ассоціаціи съ произносительно-слуховыми представленіями.

Правда, замѣчающій и „читающій" можетъ воспринимать такія начертанія, какъ „буквы", но это будетъ самообманъ, въ родѣ извѣстной анимизаціи всѣхъ замѣчаемыхъ очертаній: на деревьяхъ, на обояхъ, на потолкѣ, на полу, на стеклахъ, покрытыхъ инеемъ. При наличности извѣстныхъ извилинъ, щелей, вообще кривыхъ линій и т.п., мы видимъ человѣческія физіономіи и фигуры, если же не человѣческія, то животныхъ, если не фигуры животныхъ, то растеній /вообще нѣчто живое, организованное, объединенное/.

§ 12. Тутъ то и кроется начало миѳовъ оптическаго происхожденія. На подобіе того, какъ происходитъ

анимизація небесныхъ свѣтилъ и созвѣздій, какъ тучи становятся горами или же коровами, облачка же барашками, какъ „ходятъ по небу бычки" и т.п., точно также названія изъ области алфавитнаго /азбучнаго/ міра переносятся на очертанія частей земного шара или же человѣческаго тѣла: „Дельта" Delta / рѣки Нила / Δ /. Ноги, сходящіяся колѣнками и снизу расходящіяся / X /, получили у нѣмцевъ названіе „X /иксъ/ Beine", ноги же расходящіяся дугами въ колѣнкахъ и сходящіяся пятками: / Ω / - „O Beine".

Затѣмъ, при непониманіи, при частичной или же полной безграмотности, нѣтъ возможности „существованія" буквъ. И тутъ отмѣчаемъ разныя степени недопустимости буквъ:

а/ Для человѣка, никогда не видѣвшаго письма, не можетъ быть рѣчи о буквахъ.

б/ Иначе, для видѣвшаго, но не „изучившаго" грамоты.

в/ Знающіе извѣстную письменность, видя другую, примѣняютъ смутную ассоціацію съ представленіемъ письма вообще.

§ 13. Возвращаясь къ ложному положенію, что „знакъ, которымъ звукъ изображается на письмѣ, называется буквою", и вникая въ суть этого вопроса, спрашиваемъ:

Какъ происходитъ этотъ процессъ предполагаемой живой связи „звука" съ „буквой"? Что при этомъ дѣйствительно существуетъ, какъ реальность?

Существуютъ въ индивидуальныхъ мозгахъ, въ инди-

видуальныхъ психикахъ:

графемы, т.е. графическія, писанно-зрительныя представленія, и

фонемы, т.е. фонетическія, произносительно-слуховыя представленія.

Да кромѣ того, существуютъ /т.е. хранятся въ психической кладовой, оживаютъ и происходятъ/ ассоціаціи /психическія сочетанія, психическія сцѣпленія/ фонемъ съ графемами.

§ 14. Но станемъ на точку зрѣнія автора учебника и допустимъ, что опредѣленіе „знакъ, которымъ звукъ изображается на письмѣ, называется буквой", вѣрно. Но вѣрно ли оно даже съ этой точки зрѣнія, даже при столь грубомъ и мало сознательномъ пониманіи?

Съ грѣхомъ пополамъ /но только съ грѣхомъ пополамъ/ оно примѣнимо къ самымъ простымъ случаямъ, въ родѣ: вода /вода́, хотя ср. съ одной стороны „вода́", съ другой же „во́да"/, сама́ /ср. „сома́" и „са́ма"/, тако́й /„токо́й" и „та́кой"/...

Это опредѣленіе имѣетъ, кажется, въ виду не одно только русское языковое мышленіе въ области связи письма съ произносительно-слуховымъ языкомъ, а вообще письменность у всѣхъ народовъ земного шара. Провѣримъ же его на другихъ, не-русскихъ, письменностяхъ.

Можно ли сказать про польскія буквы и сочетанія буквъ ch, cz, rz, i, h, про нѣмецкія: ch, sch, tsch, trommeln....., что въ этихъ графическихъ сочетаніяхъ каждой изъ „буквъ" свойственно „обозна-

чать" одинъ особый „звукъ"?

Тѣмъ паче французскія: ai, ch, ou; aient, aux, eau, caux, saint, sans, sent, cent, conte, compte, ver, vert, vers, verre, mer, maire, mere; англійскія: ch, sh, enough, knife, knight, ...

§ 15. Но оставимъ „буквы" другихъ письменностей и вернемся къ русскимъ „буквамъ".

Разсмотримъ эти буквы: 1/ въ написаніи цѣльныхъ словъ, 2/ въ отдѣльности.

1/ Въ написаніи цѣльныхъ словъ, ибо вѣдь „буквы" имѣютъ смыслъ только какъ части подобнаго цѣлаго.

Въ словахъ вода и воду „обозначаетъ" ли „буква О одинъ и тотъ же звукъ? Написаніе подать, потомъ даютъ ли точное представленіе о звуковомъ составѣ соотвѣтствующаго произносительно-слухового цѣлаго? По́дать и пода́ть, пото́мъ и по́томъ.

Въ словахъ: теплится, теплый, оттепель „означаетъ" ли „буква" е одинъ и тотъ же звукъ?

Въ словахъ тѣнь и день „обозначаются" ли „буквами" ѣ и е два различныхъ „звука"?

Въ словахъ ногой и нагой, колоть, колесо и калачъ обозначаютъ ли буквы о и а два различныхъ „звука"?

Какъ смотрѣть на связь „буквъ" ти и ть сло́ва тиснуть съ соотвѣтствующими имъ „звуками"?

2/ Отдѣльныя буквы.

Что мы представляемъ себѣ, видя изображеніе графемъ /начертанія русскихъ буквъ/ m̄ /т/, д, с, з...; о, а, ы...; ъ, ь; щ; я, ю, ѣ, е...?

Какъ сложились здѣсь объективныя графически-фонетическія ассоціаціи, существующія независимо отъ всѣхъ теоретическихъ соображеній, на основаніи всей совокупности случаевъ ихъ употребленія?

При этомъ необходимо принимать въ соображеніе первоначальное „крещеніе" буквы, первоначальный актъ названія буквы, являющійся чрезвычайно важнымъ моментомъ въ образованіи ассоціаціи между представленіемъ этой буквы или графемою и соотвѣтствующими ей группами произносительно-слуховыхъ элементовъ.

§ I6. Итакъ, вмѣсто невѣрнаго положенія „знакъ, которымъ звукъ обозначается на письмѣ, называется буквою" мы подставимъ слѣдующія:

I/ Графическія представленія или графемы обнаруживаются и изображаются, съ одной стороны, соотвѣтственными движеніями руки или же другихъ органовъ человѣческаго организма и его продолженій во внѣшнемъ мірѣ, съ другой же стороны, буквами и другими письменными знаками.

2/ Элементами графическаго изображенія во всемъ его разнообразіи являются: а/ отдѣльныя движенія руки, или же другихъ рабочихъ органовъ и орудій, б/ извѣстныя очертанія /фигуры/ буквъ и знаковъ, ихъ относительная величина, ихъ разстояніе и т.д.

Въ психическомъ мірѣ всему этому соотвѣтствуетъ постоянно существующія представленія.

3/ Произносительныя представленія изображаются соотвѣтственными работами произносительнаго аппарата, результатомъ которыхъ являются ряды звуковыхъ впечатлѣ-

ній.

4/ Элементами произносительнаго изображенія я
ляются: а/ отдѣльныя движенія органовъ рѣчи, какъ
стей произносительнаго аппарата, б/ отдѣльныя акус
ческія свойства производимыхъ этими движеніями зву
ковъ.

5/ Возможность существованія графическихъ пре
ставленій обусловливается ихъ ассоціаціей съ пред-
ставленіями изъ міра произносительнаго и вообще яз
кового Существованіе же произносительныхъ и вообщ
языковыхъ представленій вовсе не зависитъ отъ ихъ
ассоціаціи съ представленіями графическими; но они
могутъ ассоціироваться съ этими представленіями. Э
различіе объясняется исторіей возникновенія и пере
дачи языка и письма, какъ во всемъ человѣчествѣ и
всякомъ человѣческомъ обществѣ, такъ и въ индивидѣ
Въ исторіи какъ отдѣльнаго лица, такъ и всего чело
вѣчества, со стороны языковаго общенія, произноси-
тельно-слуховое возникло само по себѣ, самостоятел
но, явилось первымъ; возникновеніе-же графическаго
/писанно-зрительнаго/ было обусловлено предшествов
шимъ ему развитіемъ и упроченіемъ произносительно-
слухового. Языкъ есть признакъ рода человѣческаго
вообще, письмо же - болѣе позднее изобрѣтеніе и прі
обрѣтеніе.

III.

§ I7. Перейдемъ къ новому положенію, заимство-
ванному изъ учебниковъ русскаго языка. Вотъ что там

находимъ по части простѣйшихъ фонетическихъ /произно-сительно-слуховыхъ/ элементовъ этого языка:

„Звуки дѣлятся на гласныя и согласныя" послѣ чего поставлены въ двухъ группахъ обыкновенныя буквы русскаго алфавита:

„Гласные" - де: а, е /ѣ/, э, и /і/, о, у, ы ю, я

„Согласные" б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф /ѳ/ х, ц, ч, ш, щ.

Здѣсь очевидно шиворотъ на выворотъ.

Составители учебниковъ и другіе авторы исходятъ изъ книгъ, вмѣсто того, чтобы исходить изъ жизни, исходятъ изъ заученнаго, вмѣсто того, чтобы исходить изъ усвоеннаго безъ школьнаго обученія.

Грубые логическіе промахи и ошибки, проистекающіе изъ смѣшенія понятій

I/ е /ѣ/, и /і/. ф /ѳ/.

Различіе буквъ, различіе графемъ навязывается области фонетическихъ представленій, навязывается міру звуковъ, міру фонемъ.

Графемы	Фонемы	
е ѣ	je, e	/гласныя е и и съ „мягкостью" предшествующей согласной./
и і	ji, i	
ф ѳ		

2/ г; е (je, jo - o).

Единичность графическая переносится въ область произносительную; между тѣмъ какъ въ этой послѣдней имѣется двойственность и даже тройственность соотвѣтствующихъ представленій:

графемы	фонемы
г	g, γ, (v)
е	je ('e), jo ('o)

3/ щ; е, ѣ, ю, ю, я, и /i/.

Простота, неразложимость графическая навязываются области фонетической, гдѣ ей соотвѣтствуетъ сложность, составъ изъ двухъ единицъ въ порядкѣ временной послѣдовательности:

графемы	фонемы
щ	šč или šš
е	je, jo
ѣ	je, [jo]
ю	ju

§ 18. 4/ а э у о ы

я е,ѣ ю е/ѣ/ и/i/.

Излишекъ произносительно-слуховыхъ свойствъ, представленіе котораго ассоціируется съ представленіемъ буквы /съ графемою/, навязывается самой же области произносительно-слухового, фонетическаго.

Съ графемами, изображенія которыхъ стоятъ здѣсь въ первомъ ряду, ассоціируется, кромѣ представленія извѣстнаго слогообразующаго /гласнаго, сонанта/, еще представленіе отсутствія передъ нимъ среднеязычнаго сближенія /j/; съ графемами же, изображенія которыхъ поставлены здѣсь во второмъ ряду, ассоціируется кромѣ представленія извѣстнаго слогообразующаго, еще представленіе наличности передъ ними средче-язычнаго сближенія.

/Исключеніе составляютъ сочетанія съ ц,ж,ш,ч.щ

5/ б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф/ѳ/, х; ж, ц, ш, щ.

Недостатокъ произносительныхъ свойствъ, представленіе котораго ассоціируется съ представленіемъ буквъ отъ б до х , навязывается самой же области произносительнаго, фонетическаго.

Ни однимъ слозомъ не указано ни на отсутствіе параллелизма рядовъ графемъ съ рядами фонемъ, ни на отсутствіе ассоціаціи представленій „мягкости" /среднеязычности/ и „твердости" /не-среднеязычности/ согласныхъ съ графемами, соотвѣтствующими вообще согласнымъ фонемамъ.

Ни однимъ словомъ не указано на отсутствіе въ русской письменности одной особой графемы для неслогообразующей фонемы j /й, я, ю, е, ѣ, и, і/.

Не указано тоже на различіе ассоціаціонныхъ связей, съ одной стороны, между графемами ц, ш, ж, ч, щ и соотвѣтствующими имъ фонемами, съ другой же стороны, между всѣми остальными согласными графемами и соотвѣтствующими имъ фонемами.

§ 19. Дальнѣйшія свѣдѣнія", почерпнутыя изъ учебниковъ русскаго языка.

Раздѣленіе гласныхъ звуковъ.

Гласные звуки дѣлятся на твердые и соотвѣтствующіе имъ мягкіе.

твердые	а	о, э	у	ы
мягкіе	я	е	ю	и

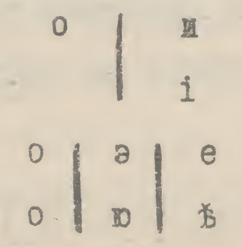
Если бы хотя однимъ словомъ было указано на
въ чемъ состоятъ эта „твердость" и эта „мягкость"
принимаемыя здѣсь основаніемъ дѣленія /классифика-
ціи/ /principium divisionis /. Для чувства л
осязанія „тверды" а, о, э, у, ы, а „мягки" я, е,
Но если даже принять представленное здѣсь дѣленіе
то мы все таки спрашиваемъ: а гдѣ же противополож-
ность о/ё?

Затѣмъ, на различіе отношенія ы:и и отношені
а:я, о:е, э:е/ѣ/, у:ю - здѣсь не обращено вовсе в
манія.

Ни малѣйшаго намека на столь важное въ облас
русскаго произношенія различіе гласныхъ ударяемых
и неударяемыхъ, ослабленныхъ, низведенныхъ до мин
мума самостоятельности и ясно, опредѣленно исполн
мыхъ.

§ 20. Слѣдовало собственно сказать:

I/ Буквы, обозначающія звуки гласные /или од
гласные, или слоги, или же гласные въ сочетаніи с
свойствомъ предшествующаго согласнаго/, дѣлятся п
своему виду на состоящія изъ кривыхъ разнаго очер
нія, на состоящія изъ прямой въ соединеніи съ крив
и т.п., изъ круглой, изъ цѣльной кривой и т.п.

2/ Однѣ изъ буквъ гласныхъ, каковы а, о, э,
возбуждаютъ представленіе извѣстнаго гласнаго раст

ра /уклада/ рта, безъ предшествующаго ему средне-язычнаго сближенія; другіе же, я, е, ѣ, ю, и, возбуждаютъ представленіе извѣстнаго раствора рта, вмѣстѣ съ предшествующимъ ему не-слогообразующимъ средне-язычнымъ сближеніемъ. Если это средне-язычное сближеніе сопровождается другими фонетически локализованными работами полости рта, получаются согласные „мягкіе": b', v', g', d', z', k', l' ....; если же оно является единственнымъ представителемъ не-слогообразующаго момента произношенія, тогда оно усиливается до особаго самостоятельнаго согласнаго, j .

/Исключеніе составляютъ графемы ц, ж, ш, ч, щ/.

3/ Въ самомъ языкѣ, въ самомъ произношеніи и фонаціонномъ мышленіи /т.е. въ мышленіи о произношеніи/ имѣется различіе между отношеніемъ произносительныхъ движеній и впечатлѣній, вызываемыхъ представленіемъ буквъ ы:и/і/, а такими же отношеніями при буквахъ а:я, э:е/ѣ/, о:е, у:ю.

При этихъ послѣднихъ гласные тожественны, тогда какъ при ы имѣется другая локализація съуженія полости рта черезъ приближеніе къ небу, нежели при и/і/: при ы болѣе заднее съуженіе, при и /і/- съуженіе болѣе переднее.

V.

§ 21. „Раздѣленіе согласныхъ звуковъ."

Въ произношеніи согласныхъ звуковъ принимаютъ участіе различные органы: гортань, губы, носъ, зубы, небо, языкъ. Соотвѣтственно этимъ органамъ произно-

ленія, согласные дѣлятся слѣдующимъ образомъ /ср. Б.-де-К.Зад.2/.

гортанные	г, к, х	
губные	б, п, в, ф	
носовые		} м } н
зубные	д, т	
	з, с, ц /свистящіе/	
небные	ж, ч, ш, щ/шипящіе/	
язычные	л, р	

Здѣсь тоже полная путаница, отсутствіе наблюдатель сти, отсутствіе яснаго мышленія, отсутствіе началъ дѣленія или классификаціи /отсутствіе того, что на вается *principium divisionis* ~ /. - Исчисляются буквы, а на „звуки", собственно говоря, не обращае ся никакого вниманія. Въ частности же:

I/ Только отсутствіемъ *principii divisionis* можно объяснить противопоставленіе или же поставле рядомъ: гортань - губы - носъ - зубы - небо - язык Чисто логически можно различать: гортань - не-горт губы - не-губы, носъ - не-носъ, зубы - не-зубы, не не-небо, языкъ - не-языкъ. Топографически же, анат мически и физіологически, можно различать: гортань носъ - полость рта; въ полости же рта:

или языкъ, зубы, небо - губы, зубы
языкъ, небо - зубы - губы,
или же губы, языкъ и мягкое
небо, какъ подвижные и дѣя-
тельные органы /изъ губъ особен-
но нижняя губа/.

зубы съ деснами
и твердое небо,
какъ неподвижныя
мѣста /отчасти
верхняя губа/.

2/ Въ приведенномъ систематизированномъ исчислении очевиденъ прыжокъ и непослѣдовательность съ точки зрѣнія топографической. Области производства согласныхъ исчисляются не по сосѣдству: гортань-гортанные, затѣмъ вдругъ губы-губные, носъ-носовые, зубы-зубные, небо-небные, языкъ-язычные.

§ 22. 3/ Сказано, что „въ произношеніи согласныхъ звуковъ принимаютъ участіе различные органы", но не сказано, какъ они принимаютъ это участіе. Активно ли, или же только пассивно. Развѣ такимъ же образомъ принимаютъ участіе въ произношеніи согласныхъ губы, языкъ и мягкое небо /о которомъ не упоминается/, какъ носъ, зубы и небо? Развѣ эти послѣдніе, т.е. носъ, зубы и небо, - можно считать органами произношенія въ строгомъ смыслѣ этого слова?

„Зубные" и „небные". Зубы и небо являются только пассивными мѣстами прикосновенія дѣятельныхъ органовъ, но вовсе не самими же дѣятельными органами. Губы же и языкъ дѣйствительно дѣятельные, активные органы.

4/ Если съ словомъ „гортань" ассоціировать присвоенное ему въ анатоміи значеніе, то, собственно говоря, нѣтъ ни одного гортаннаго согласнаго. Соглас-

ные, „обозначаемые" буквами г, к, х, на столько же „гортанные", на сколько гортанны всѣ остальные согласные.

Всѣ согласные являются прежде всего ртовыми звуками. Въ полости же рта, смотря по органу, дѣлятся на особые классы.

Сопутствующіе элементы, сопутствующія работы производятся въ полости гортани и въ полости носа. Да и то, со стороны работы, участіе въ произношеніи носового элемента зависитъ отъ работы органа, находящагося въ полости рта, т.е. отъ опущенія небной занавѣски или мягкаго неба.

Съ этихъ точекъ зрѣнія согласные, представления которыхъ ассоціируются съ графемами м, н являются носовыми, всѣ же остальные - неносовые. Затѣмъ, всѣ согласные гортанны, ибо безъ извѣстнаго участія гортани не произносится ни одинъ согласный. По преимуществу же гортанными являются всѣ звонкіе согласные б, д, г; в, з, ж, г /γ/; м, н, л, р... /равно какъ и всѣ гласные/.

§ 23. 5/ Согласившись на перенесеніе „гортани" въ полость рта, т.е. на ея помѣщеніе въ задней части этой полости, мы должны признать, что тогда дѣйствительно г, к, х будутъ „гортанными."

Точно также показаны вѣрно „губные" б, п, в, ф и носовые м, н; но ихъ противопоставленіе остальнымъ согласнымъ нелогично.

6/ Затѣмъ, развѣ только л, р „язычные"? А развѣ согласные д т н, з с ц, ж ч ш /щ/ образуются безъ

участія языка? Развѣ безъ языка возможны г, к, х? Развѣ возможны безъ него даже губные б, п, в, ф, м, если они произносятся „мягко", т.е. съ приближеніемъ средней части языка къ небу?

7/ Развѣ только д т, з с ц „зубные"? А развѣ согласные н, л могутъ быть произведены безъ прижатія языка къ „зубамъ" /точнѣе къ тому мѣсту, къ которому прижимается или же приближается конецъ языка при произношеніи д т, з с ц/?

8/ Развѣ только ж, ч, ш /щ/ небные? Развѣ согласный, представленіе котораго ассоціировано съ представленіемъ русской буквы р, не производится въ томъ же мѣстѣ, что согласные ж, ч, ш? А развѣ г, к, х возможны безъ неба? А всѣ „мягкіе" согласные или согласные средпеязычнаго сближенія, т.е. приближенія средней части языка къ небу? Согласные пь, бь, ть, дь, зь, кь.......?

§ 24. 9/ Помѣщая согласный щ въ числѣ небныхъ, авторы учебниковъ и русскихъ грамматикъ смѣшиваютъ буквы и звуки, въ частности же они навязываютъ міру звуковъ и звуковыхъ представленій /фонемъ/ простоту міра буквъ и буквенныхъ представленій /графемъ/.

Стоя на почвѣ языка, на почвѣ произношенія, мы можемъ съ одинаковымъ правомъ считать простыми согласными ст, зд..; шт, жд...; ждж /зж/...; шш..., сс.., тт.., и т.д. и т.д.

10/ Смѣшеніе буквъ и звуковъ проявляется еще при г.

Единство этой буквы переносится въ міръ звуковъ,

гдѣ ему соотвѣтствуетъ двойственность: g, γ, и даже тройственность: g, γ, [γ].

Точно также единство графическаго міра навязывается міру фонетическому, міру фонемъ при всѣхъ тѣхъ буквахъ согласныхъ, съ представленіями которыхъ ассоціируются двойныя представленія согласныхъ „мягкихъ" и „твердыхъ": п, т, к; б, д, г; м, н; ф, с; в, з; л, р... „твердые" и „мягкіе" согласные.

§ 25. II/ Въ изложеніи учебниковъ и заурядныхъ русскихъ грамматикъ имѣется цѣлый рядъ пропусковъ.

На нѣкоторые изъ такихъ пропусковъ уже указано, а именно: Нигдѣ не сказано, что съ графемою г /г/ ассоціируются представленія двухъ фонемъ: g и γ. Точно также не указано на различеніе „твердыхъ" и „мягкихъ" согласныхъ. По учебникамъ русскаго языка никто не догадается о существованіи этого различія въ русскомъ произношеніи и центральномъ о немъ мышленіи.

Затѣмъ, не упомянуто вовсе о существованіи мягкаго неба и его роли при различеніи присутствія и отсутствія носового резонанса.

12/ Не обращено вовсе вниманія на различенія слѣдующихъ рядовъ /другія родства и различія согласныхъ

а/	п	б	ц	
	т	д	ч	
	к	г		м
	ф	в		н
	с	з		р
	ш	ж		л
	х	г /γ/		й

б/	п	ф	б	в	м		
	т	с, ш	д	з, ж	н	р	л
	к	х	г	г γ			
в/	ц	с					
	ч	ш					

13/ Самымъ же чувствительнымъ недостаткомъ является необращеніе вниманія на столь важное въ русскомъ произношеніи различеніе „мягкихъ" и „твердыхъ", среднеязычныхъ и несреднеязычныхъ, согласныхъ.

Лобъ | ленъ, лотъ | полетъ, торъ | теръ, восъ | несъ, возъ | везъ, сотъ | несетъ....; копотъ, капатъ | копитъ, потолокъ | пятачекъ.

----

§ 26. Ложное и сбивчивое ученіе учебниковъ русскаго языка по вопросу о классификаціи согласныхъ слѣдуетъ замѣнить слѣдующими положеніями:

1/ Строго различая буквы и знаки, графемы и фонемы, мы можемъ классифицировать буквы и графемы согласныхъ прежде всего съ чисто оптической точки зрѣнія. Мы можемъ различать начертанія, состоящія изъ круглыхъ линій, изъ линій кривыхъ, прямыхъ, ломанныхъ, изъ единичныхъ, замкнутыхъ въ себѣ линій и изъ соединенія двухъ или болѣе линій и т.д.

Переходя затѣмъ въ область произношенія, мы должны:

2/ въ полости рта различать органы подвижные, такъ сказать, молоты, и неподвижныя мѣста, такъ сказать, наковальни.

/Остальное будетъ изложено послѣ, въ положитель-

Лит. Юдлевича, Владимірскій 13.

номъ отдѣлѣ „введенія", §§ 50,54 и слѣд./.

VI.

§ 27. Этимъ я заканчиваю подробную критику учебниковъ русскаго языка и надѣюсь, что ея будетъ достаточно для того, чтобы хоть до нѣкоторой степени очистить головы отъ этого вреднаго хлама и сдѣлать ихъ доступными настоящему научному анализу языка, согласному съ реальными отношеніями.

Чтобы дать возможность слушателямъ провѣрить, на сколько они уяснили себѣ элементарные вопросы въ области лингвистическаго мышленія, я имъ предлагаю, въ видѣ задачъ, самимъ разобраться и въ нѣкоторыхъ другихъ положеніяхъ тѣхъ же учебниковъ, одобренныхъ и рекомендованныхъ „ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія". Напр.

„Буква е въ иныхъ случаяхъ произносится какъ йо, напр.. слезы, береза, т.е. = слйозы, берйоза". Слѣдовательно, тоже: ляжетъ, слякоть = лйажетъ, слйакоть; любить, люди = лйубить, лйуди; лѣсъ, блѣдный = лйэсъ, блйэдный; лесть, Глѣбъ = лйэсть, Глйэбъ и, пожалуй даже липа, ливень, глина = лйыпа, лйывень, глйына..

Другіе примѣры можно найти въ моемъ „Сборникѣ задачъ по „введенію въ языковѣдѣніе", по преимуществу примѣнительно къ русскому языку" /СПБ., 1912/ подъ №№ 5-27.

§ 28. Свойственное учебникамъ смѣшеніе понятій въ области графически-фонетическихъ ассоціацій

/т.е. ассоціацій писанно-зрительныхъ представленій съ представленіями произносительно-слуховыми/ сказывается во всѣхъ частяхъ грамматики, прежде всего въ изложеніи ученія о склоненіи и спряженіи. Таковы м.пр. названные въ „Сборникѣ задачъ": .

§ 12. „Каждому роду именъ существительныхъ соотвѣтствуютъ особыя окончанія именительнаго падежа единственнаго числа, которыя потому и называются родовыми окончаніями.

„Родовыя окончанія суть слѣдующія:

ъ : раб-ъ		
ь : кон-ь /родит.п.коня/	}	муж.р.
й : обыча-й...		
а : жен-а		
я : дын-я	}	жен.р.
ь : кост-ь /родит.п.кости/		
о : дѣл-о	}	сред.р."
е : пол-е		

№ 13. „Смотря по гласнымъ падежныхъ окончаній, склоненіе бываетъ твердымъ и мягкимъ: твердые гласные въ падежныхъ окончаніяхъ образуютъ твердое склоненіе, соотвѣтствующіе имъ мягкіе - мягкое. Имена на ъ, - а, - о склоняются по твердому склоненію, а всѣ прочія - по мягкому."

„Таблица:

	I склон.	II склон.	III склон
твердое	а	ъ, о	
мягкое	я	ь, й, е	ь

№ 14. „Слова съ основами на гласную и на ь

имѣютъ въ род.мн.ч.- й, змѣя - змѣ-й, линія - лині-й судья - суде-й."

„Слова съ основами на гласную и на ь имѣютъ въ род.мн. - й: лезвее - лезві-й, имѣніе - имѣні-й, вареніе - варені-й."

№ 16. „Нѣкоторыя слова III-го склоненія имѣютъ въ творительномъ п.мн.ч., кромѣ окончанія - ями, также и- ьми, напр.:лошад-ьми, плеч-ьми, кост-ьми и др.".

№ 9. „Основы этихъ прилагательныхъ оканчиваются на ь, который и остается во всѣхъ падежахъ,кромѣ имен.ед.ч.муж.рода, гдѣ ь переходитъ въ і".

Къ этому выноска:

„Тутъ окончаніе і-й произошло изъ ь-ъ"...

Разбирая безсмыслицы учебниковъ, нельзя ограничиваться однимъ только отрицательнымъ къ нимъ отношеніемъ, а всегда надо ставить себѣ вопросъ: „Чѣмъ слѣдуетъ замѣнить всѣ эти ложныя показанія и безсмыслицы? Какъ слѣдуетъ формулировать замѣняющія ихъ научныя опредѣленія: I/ Съ точки зрѣнія произносительно-слухового состава, какъ взятаго въ отдѣльности, въ отвлеченіи отъ морфологіи, такъ и морфологизованнаго; 2/ Съ точки зрѣнія письменной передачи?" /№ 28 „Сборника задачъ"./

---

§ 29. Общія замѣчанія объ учебникахъ русскаго языка.

Изъ разсмотрѣнія одобренныхъ и навязываемыхъ учебниковъ русской школьной грамматики получаются между прочимъ слѣдующіе выводы:

I/ Учебники эти основаны на полномъ смѣшеніи понятій и вслѣдствіе этого могутъ только или усиливать хаосъ, уже господствующій въ головахъ учениковъ, или же насаждать хаосъ тамъ, гдѣ его раньше не было.

2/ Эти учебники не различаютъ произношенія отъ знаменательной /семасіологической/ и морфологической стороны языка.

3/ Они не различаютъ слова какъ произносительно-слухового цѣлаго, т.е. слова фонетическаго, и настоящаго слова, слова знаменательнаго, въ которомъ съ звуковыми представленіями ассоціируются представленія значенія, т.е. представленія изъ такъ называемаго міра внѣшняго и во всякомъ случаѣ внѣязыкового.

4/ Они признаютъ возможность составленія слова изъ звуковъ, т.е. изъ величинъ, которымъ чуждо безпрерывное существованіе, и появленіе которыхъ обусловлено чувствомъ слуха существъ воспринимающихъ /людей и животныхъ/.

При такомъ взглядѣ на вещи, если составныя части, т.е. звуки, не существуютъ, то не могутъ существовать тоже цѣлыя, конгломераты, т.е. слова.

И дѣйствительно слова какъ произносимыя цѣлыя не существуютъ. Существуютъ же психически звуковыя представленія, простыя и сложныя /составныя/.

5/ Но одобренные учебники произьодятъ дальнѣйшую путаницу, принимая дѣлимость слова только звуковую, а игнорируя вполнѣ дѣлимость на знаменательныя /морфологическія/ части или морфемы.

6/ Затѣмъ, одобренныя учебники русскаго языка внушаютъ ложный взглядъ, будто въ русской письменности, по ея отношенію къ русскому языку, простая буква изображаетъ простой звукъ, и, наоборотъ, для каждаго простого звука существуетъ по одной простой буквѣ.

По ученію этихъ учебниковъ, ь и ъ звуки, щ, ю - простые единичные звуки и т.д.

7/ Довѣряющій ученію одобренныхъ учебниковъ русскаго языка никакъ не догадается, что слѣдуетъ строго различать буквы, какъ оптическія представленія /получаемыя путемъ зрѣнія/, отъ звуковъ, какъ представленій акустическихъ /получаемыхъ благодаря чувству слуха/. Въ этой области учебники эти не только поддерживаютъ, но еще въ значительной степени усиливаютъ хаосъ и путаницу понятій.

§ 30. 8/ Учебники эти исходятъ отъ буквъ и съ точки зрѣнія буквъ судятъ объ отношеніяхъ звуковъ.

Это совершенно превратный методъ, ибо вѣдь раньше былъ языкъ и только послѣ явилось письмо, путемъ медленнаго приспособленія. Да еще и теперь люди нормальные /т.е. не лишенные слуха/ говорятъ, а далеко не всѣ пишутъ и читаютъ. Во первыхъ, существуютъ неграмотные, а затѣмъ, даже въ странахъ достигшихъ верховъ совершенства по распространен

грамотности, все таки есть дѣти, хотя уже говорящія, но только со временемъ усваивающія себѣ искусство читать и писать.

Наконецъ, ассоціація извѣстнаго письма съ извѣстнымъ языкомъ есть простая историческая случайность. Къ каждому языку могло быть примѣнено любое письмо. Напр., русскому языку присвоено нынѣшнее русское письмо путемъ простой случайности. Если бы существовало другое русское письмо, и ученіе грамматиковъ о звукахъ русскаго языка приняло бы совсѣмъ другой видъ.

9/ Напрасно учебники русскаго языка раздѣляютъ звуки на гласные и согласные. Если съ этими терминами не связываются строго опредѣленныя особенности, то гораздо лучше совершенно ихъ избѣгать.

Учебники не даютъ опредѣленій, а своими исчисленіями, съ одной стороны, гласныхъ, съ другой же, согласныхъ, наводятъ на мысль,

а/ что и гласные собственно только буквы, и согласные тоже собственно буквы, которыя можно бы разсматривать со стороны ихъ оптическихъ свойствъ,

б/ и что если вмѣсто буквъ пытаться подставлять соотвѣтствующія имъ произносимыя, то получится выводъ, что „гласные" могутъ быть или дѣйствительно простыми звуками /а, э, о, у, ы/ или же сочетаніями двухъ звуковъ, согласнаго и гласнаго /е, ѣ, и, і, ю, я/, „согласные" же тоже являются или однородными простыми звуками /б, в, ж, з..../, или же сочетаніемъ двухъ согласныхъ звуковъ /щ/.

10/ Вообще польза отъ грамматическихъ учебниковъ разныхъ языковъ, изучаемыхъ въ среднихъ школа[хъ] не только нулевая, но даже просто отрицательная, со знакомъ – /минусъ/.

Индивидъ, не изучавшій вовсе школьныхъ грамматикъ, но за то подготовленный къ строго научному мышленію черезъ изученіе математики и естественныхъ наукъ, гораздо легче пойметъ данныя науки языковѣдѣнія, нежели бѣдный рабъ классической и " языческо[й]" системы нашихъ, т.е. не только русскихъ, а вообще европейскихъ и внѣ-европейскихъ, - среднихъ школъ.

Г л а в а 2.

Простѣйшіе элементы языка.

§ 31. Возьмемъ любое сложное проявленіе языковаго общенія, т.е. рядъ осмысленныхъ предложеній. Напримѣръ:

Что написано перомъ, того не вырубишь топором[ъ].

Какого рода процессы возникаютъ при мобилизаціи этой фразы:?

Прежде всего фраза эта должна возникнуть или оживиться въ индивидуальной головѣ, въ данную минуту въ моей. Она возникла со всѣми своими принадлежностями, общими и частными. Возникаетъ рядъ языковыхъ представленій, точнѣе, возникаютъ параллельн[ые] ряды представленій, другъ съ другомъ ассоціируемы[хъ]. Эти представленія возникли и сложились въ индивидуальной головѣ благодаря воздѣйствію на нее со стороны другихъ индивидовъ даннаго языковаго общенія,

апр., общенія съ помощью такъ наз. русскаго языка.

Конечно, такъ называемый русскій языкъ пред-
тавляетъ изъ себя чистѣйшую фикцію. Никакой рус-
кій языкъ, точно такъ же какъ и никакой другой пле-
нной или національный языкъ, вовсе не существу-
тъ. Существуютъ, какъ психическія реальности, одни
олько индивидуальные языки, точнѣе: индивидуаль-
ыя языковыя мышленія. Племенной же или же націо-
альный языкъ представляетъ изъ себя средній вы-
одъ изъ извѣстнаго количества индивидуальныхъ язы-
овъ. Понятіе племенного языка получается какъ сред-
ій выводъ изъ языковъ индивидуальныхъ, которымъ
при общественномъ обмѣнѣ свойственна одна только
фонаціонно-аудиціонная /произносительно-слуховая/
дѣятельность. Національному объединяющему языку, кро-
мѣ фонаціонной дѣятельности, свойственна тоже дѣя-
тельность графическо-оптическая /писанно-зритель-
ная/.

§ 32. Но вернемся къ разсмотрѣнію процессовъ, сопутствующихъ мобилизаціи фразы:

<u>Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ</u>.

Если эта фраза, какъ и всякое другое языковое сочетаніе, возникла въ головѣ человѣка только говорящаго, но еще не пишущаго и не читающаго, то она возбудитъ въ немъ, со стороны проявляемости во внѣшнемъ мірѣ ради междучеловѣческаго общенія, одни только произносительно-слуховыя представленія. Въ человѣкѣ грамотномъ рядомъ съ этими произносительно-слуховыми представленіями появятся тоже пред-

ставленія писанно-зрительныя или графически-опт
ческія. И даже, благодаря своему болѣе позднему
возникновенію и большимъ усиліямъ при ихъ усвое
эти послѣднія, графически-оптическія, представл
нія ложатся у людей грамотныхъ, точно верхній
слой, на представленія произносительно-слуховыя
заслоняютъ ихъ собою. Поэтому, желая языковыя п
ставленія объективировать во внѣшнемъ мірѣ, гра
мотный человѣкъ видитъ прежде всего буквы; фоне
ческая же сторона, сторона фонаціонныхъ работъ
производимыхъ ими звуковъ, сторона произносите
но-слуховая, выступаетъ нѣсколько слабѣе. У чел
вѣка неграмотнаго эта послѣдняя сторона воздѣйс
на чувства является единственною.

Если индивидъ ограничивается мобилизаціей
зн

„Что написано перомъ, того не вырубишь топор

только для своихъ индивидуальныхъ потребн
то онъ и ограничивается обыкновенно одними тол
представленіями, не производя воздѣйствующихъ
наши чувства /чувство слуха и чувство зрѣнія/ д
женій органовъ. Но если возникаетъ потребность
общить другимъ индивидамъ о возникновеніи въ н
психикѣ этой или любой другой фразы /хоть бы, н
примѣръ, всего того, что я вамъ излагаю въ нас
щую минуту/, то необходимо мобилизовать не тол
центральное языковое мышленіе, но тоже исполни
ные органы.

У человѣка неграмотнаго исполнительными о

нами являются одни только органы произносительные /органы полости рта, органы гортани, грудная полость/, у человѣка же грамотнаго, исполненіе идетъ по двумъ путямъ: не только по пути произносительному съ акустическими, слуховыми результатами, но тоже по пути писательскому и вообще по пути, дающему видимые слѣды, т.е. продукты, дѣйствующіе на зрительно-воспринимательную сторону человѣческаго организма. Конечно, не всегда оба эти пути приводятся въ движеніе, но всегда они на лицо, всегда возможны.

§ 33. Какъ произнесеніе, такъ и написаніе выводятъ рѣчь человѣческую во внѣшній міръ. Безпрерывно въ индивидуальной психикѣ существующія психическія единицы, т.е. языковыя представленія, получаютъ во „внѣшнемъ", физіологически-физическомъ мірѣ слышимые и видимые знаки.

Разница между ними та, что слышимые знаки мгновенны, преходящи, видимые же остаются до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены тѣмъ или инымъ способомъ. Это и выражено въ латинской поговоркѣ: „*verba volant, scripta manent*". Сюда же относится русская поговорка: „Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ". Понятно тоже различіе между устнымъ изложеніемъ и изложеніемъ на письмѣ, между лекціями и печатнымъ или литографированнымъ курсомъ и т.п..

Произнесенное ли, написанное ли /или вообще видимое: печать, слѣды пишущей машины и т.п./толь-

ко тогда исполняютъ свою общественную роль, когда дѣйствуютъ на чувство /слуха или зрѣнія/ другихъ участниковъ человѣческаго общенія. Какъ всякое человѣческое общеніе, такъ и „языковое общеніе" въ частности можетъ осуществляться только съ помощью средствъ изъ внѣшняго міра, т.е. изъ міра физіологическаго и физическаго вообще.

§ 34. Вернемся къ нашей фразѣ: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, всплывшей на поверхность сознанія одного изъ участниковъ русскаго языковаго общенія и вылившейся наружу, съ общественною цѣлью, или въ видѣ ряда преходящихъ мимолетныхъ звуковъ, или же въ видѣ ряда остающихся буквъ, или же и тѣмъ и другимъ способомъ.

Эта фраза является въ извѣстномъ смыслѣ единымъ цѣлымъ, но это единое цѣлое распадается постепенно на все болѣе мелкія частныя единицы. Эта постепенная дѣлимость свойственна обѣимъ сторонамъ физіологически-физическаго проявленія: сторонѣ произносительно-слуховой и сторонѣ писанно-зрительной. Какъ уже замѣчено, наличность обѣихъ этихъ сторонъ возможна только при условіи грамотности данного языца, тогда какъ человѣку неграмотному можетъ быть свойственно обнаруживаніе языковыхъ представленій только въ видѣ произносительныхъ работъ и слуховыхъ ощущеній.

Займемся разборомъ приведенной фразы съ точки зрѣнія ея дѣлимости въ обоихъ направленіяхъ.

Сначала забудемъ о томъ, что мы люди грамотные

ные, т.е. грамотные въ области русской письменности; забудемъ, что эту фразу можно выразить въ видимыхъ очертаніяхъ фактически существующаго національнаго русскаго письма, національнаго зрительнаго русскаго языка. Представимъ себѣ, что мы только говоримъ по русски и воспринимаемъ ряды обнаруживаемыхъ языковыхъ единицъ только съ помощью слуха. Но такъ какъ для наглядности изложенія намъ необходимо прибѣгать къ зрительнымъ символамъ, то мы передадимъ ту же фразу съ помощью „условнаго" „транскрипціоннаго" письма, основывающагося на латинскомъ, западно-европейскомъ.

Примѣняя этотъ способъ письменной передачи, мы сообщимъ данной фразѣ слѣдующій видъ, впрочемъ далеко не совершенный съ точки зрѣнія фонетической /произносительно-слуховой/ точности: Štó nápi-sъnă pĕróm, tăvó nĕvýrubъš tъpăróm.

§ 35. Остановимся на одномъ изъ рядовъ представленій, свойственныхъ этой фразѣ, а именно на рядѣ произносительно-слуховомъ. Съ этой точки зрѣнія вся эта фраза, какъ безпрерывный рядъ, составляетъ одно цѣлое, одну фонетическую, произносительно-слуховую единицу. Затѣмъ она въ связи съ другими языковыми представленіями, распадается и фонетически на двѣ частныя единицы;

1/ Što napísъnă pĕróm,
2/ tăvo nĕvýrubъš tъpăróm.

Затѣмъ каждый изъ двухъ рядовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга и фонетически, дѣлится на болѣе мелкія

части, объединяемыя усиленіемъ голоса или удареніемъ /акцентомъ/ свойственнымъ одному изъ мѣстъ произ-ношенія или одному изъ слоговъ, около котораго груп-пируются другія болѣе слабыя мѣста или болѣе сла-бые слоги. Это будутъ фонетическія или произноситель-но-слуховыя слова: štó năpisъná /или štóna pisъná /, pĕróm, tăvó ně vyrubъš tъpăróm.

Съ своей стороны фонетическія, произноситель-слуховыя слова распадаются на <u>слоги,</u> т.е. съ точки зрѣнія произношенія, на комплексы произносительныхъ работъ, исполняемыхъ во время одного выдыханія /од-ной экспираціи/, а съ точки зрѣнія слуховыхъ впе-чатлѣній, на комплексы этихъ впечатлѣній, объединен-ные впечатлѣніемъ отъ одного выдыханія. Итакъ, въ данномъ случаѣ što nă-pi-sъ-nă pĕ-ró tă-vó ne-vý-ru-bъš tъ-pă-róm.

Идемъ дальше. Слоги не являются послѣдними фо-нетическими единицами. Слогъ можетъ состоять изъ одной только болѣе мелкой единицы, т.е. можетъ сов-падать съ нею, но можетъ тоже состоять изъ двухъ и даже изъ нѣсколькихъ болѣе мелкихъ произносительно-слуховыхъ или фонетическихъ единицъ, вызываемыхъ во время исполненія <u>звуками,</u> а съ точки зрѣнія безпре-рывнаго существованія въ индивидуальной психикѣ <u>фонемами.</u> Въ данномъ случаѣ š-t-ó, n-ă-p-i, n-ă, p-ĕ, r-ó-m, t-ă, v-ó, n-ĕ, v-y, r-u, b-ъ-š, t-ъ, p-ă, r-ó-m.

Однако жъ фонемы не представляютъ вовсе даль...

же неразложимыхъ единицъ; онѣ являются результатомъ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ органовъ рѣчи въ нѣсколькихъ мѣстахъ произносительнаго аппарата и объединяются большею или меньшею одновременностью исполненія этихъ нѣсколькихъ работъ. При этомъ, съ точки зрѣнія слуховой, акустической, получается единичное впечатлѣніе, хотя и разлагаемое на свои составныя акустическія части.

§ 36. Такимъ образомъ <u>фонема,</u> какъ сложная единица, какъ единица, единство которой обусловливается представленіемъ одновременности исполненія нѣ - сколькихъ работъ, разлагается, съ точки зрѣнія произносительной, именно на представленія этихъ работъ, сопровождаемыя каждое изъ нихъ представленіемъ соотвѣтственнаго мускульнаго чувства, а съ точки зрѣнія слуховой, акустической, на представленія акустическихъ оттѣнковъ цѣльнаго слухового или акустическаго впечатлѣнія, обусловливаемыхъ именно этими отдѣльными работами. Такъ напр.:

Фонемѣ <u>t</u> свойственны представленія слѣдующихъ отдѣльныхъ работъ и вообще слѣдующіе психически-фонаціонные или психически - произносительные дальше недѣлимые элементы: представленіе работы передней части языка; представленіе плоскаго положенія языка и прикосновенія его передняго края къ зубамъ и деснамъ; представленіе прижатія /сжатія, смычки/ передняго края языка къ зубамъ и деснамъ, съ послѣдующимъ затѣмъ внезапнымъ раскрытіемъ или „взрывомъ"/хотя представленіе этого „взрыва" не всегда

ассоціируется съ общимъ представленіемъ этой фон
представленіе поднятія мягкаго неба съ цѣлью зак-
рыть снизу носовыя полости; представленіе раскры
голосовыхъ связокъ гортани и неприведенія ихъ въ
дрожаніе. Съ акустической точки зрѣнія общее впе
лѣніе и общее единое акустическое представленіе, а
социруемое съ фонемою t , разлагается на предст
ленія акустическихъ оттѣнковъ, обусловливаемыхъ
шепоименованными фонаціонными или произносительн
работами.

Фонемѣ o' свойственны представленія слѣдующ
работъ: закрытія полостей носа съ помощью мягкаг
неба; сближенія губъ безъ возникновенія въ этомъ
стѣ особаго локальнаго шума; пассивнаго уклада и
раствора всей полости рта; музыкальнаго дрожанія
лосовыхъ связокъ гортани. Такъ на одномъ концѣ п
износительно-слухового общенія, т.е. на концѣ ис
номъ, произносительномъ. На другомъ же концѣ, на
концѣ слуховомъ, акустическомъ, названнымъ произ
сительнымъ впечатлѣніямъ и представленіямъ соотв
ствуютъ частныя впечатлѣнія и представленія, на
торыя разлагается общее представленіе этой фоне

Фонемѣ n свойственны: представленіе работ
передней части языка, приблизительно такое, какъ
фонемѣ t ; представленіе опущенія мягкаго неба с
пропускомъ воздуха въ носовыя полости; представ
ніе звонкаго дрожанія голосовыхъ связокъ гортани
Такъ съ исходнаго конца языкового общенія. На п
тивоположномъ же концѣ возбуждаются соотвѣтству

этимъ фонаціоннымъ или произносительнымъ работамъ слуховыя, или акустическія, частныя впечатлѣнія и представленія, составляющія въ общей сложности единое представленіе фонемы n.

Ни въ обыкновенномъ письмѣ, ни даже въ письмѣ „транскрипціонномъ", „условномъ", мною здѣсь примѣняемомъ, нѣтъ возможности указывать на эти простѣйшіе произносительно-слуховые элементы, на которые разлагается сложное произносительно-слуховое представленіе, называемое фонемою. Графемы или, въ исполненіи, буквы t, o, n - символизуютъ единство и недѣлимость фонемы, но онѣ неразложимы и ни одною своею частью не указываютъ ни на одинъ изъ болѣе мелкихъ, дальше недѣлимыхъ фонетическихъ элементовъ, на которые разлагается фонема. Можно бы, конечно, прибѣгнуть къ особымъ знакамъ или символамъ этихъ простѣйшихъ элементовъ, но, въ виду невозможности осуществить это безъ большой траты времени, я здѣсь отказываюсь отъ подобнаго способа символизаціи.

§ 37. Этимъ я оканчиваю разложеніе языкового цѣлаго съ произносительно-слуховой или фонетической точки зрѣнія. Но вѣдь всякое языковое цѣлое лишь постольку дѣйствительно принадлежитъ языку, по скольку оно ассоціируется съ представленіями, съ одной стороны, изъ міра внѣязыкового /физическаго, соціальнаго, лично-психическаго.../, съ другой же стороны изъ міра морфологіи языка, т.е. изъ міра расчлененія языковыхъ цѣлыхъ на структурные или строитель-

ные элементы.

Съ произносительнымъ цѣлымъ *štó nǎpísənǎ pérəm, tǎvó něvýrubəš təpǎróm* ассоцiируется извѣстное „значенiе", т.е. рядъ представленiй семасiологическаго характера, да кромѣ того оно подходитъ подъ одинъ изъ морфологическихъ типовъ, свойственныхъ данному языковому мышленiю.

Это въ своей совокупности недѣлимое цѣлое распадается, съ той же семасiологически-морфологической точки зрѣнiя, прежде всего на двѣ части, называемыя предложенiями:

1/ *štó nǎpísənǎ pérəm,*
2/ *tǎvó něvýrubəš təpǎróm.*

Затѣмъ, въ обоихъ этихъ предложенiяхъ имѣются части, по своему смыслу и по морфологической законченности, по своей самостоятельности, переносимыя съ тѣмъ же приблизительно значенiемъ въ другiя подобныя сочетанiя, т.е. въ другiя предложенiя. Не только *štó nǎpísənǎ*, но тоже *štó skázənǎ*, *štó sdélənǎ*, *štó uvídəš* и т.п. Не только *štó nǎpísənǎ*, но и *étǎ nǎpísənǎ*, *pəčéti nǎpísənǎ* и т.п. Не только *nápísənǎ pérəm* но и *ukǎlót pérəm*, *pəkǎží pérəm* и т.п.

На основанiи подобныхъ соображенiй мы разлагаемъ нашу фразу на слѣдующiя значащiя слова или на дальше недѣлимыя синтаксическiя единицы / синтагмы/: *štó nǎpísənǎ pérəm*, *tǎvó něvýrubəš* /или *ne vyrubəš* / *təpǎróm*.

§ 38. Но эти единицы недѣлимы только съ синта

сической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія синтаксиса, какъ морфологіи высшаго порядка. Отдѣльныя синтагмы, отдѣльныя синтаксическія единицы, какъ самодовлѣющія морфологическія цѣлыя, могутъ быть или дальше уже неразложимы, или же разлагаться на болѣе мелкія морфологическія части. Это разложеніе достигается прежде всего путемъ сопоставленія словъ съ другими словами, въ которыхъ тѣ же части повторяются приблизительно съ тѣмъ же значеніемъ. Сопоставимъ: štó /что/ съ xtó /кто/, čěvó /чего/, kăvó /кого/ čěmú /чему/, kămú кому/, tó /то/, tăvó /того/...

Это сопоставленіе ведетъ насъ къ раздѣленію слова štó на слѣдующія морфологическія части или морфемы: š-t-ó . При этомъ š является только фонетическимъ замѣнителемъ č /št вм. čt/, имѣющагося въ čěvó, čěmú и т.д..

Затѣмъ сопоставимъ: năṕisənă съ năvárənă, nănós, nəgružíl ....., năṕisənă со spísənă, zăṕiskă, výṕəsət /выписать/, ṕisákă ...., năṕisənă со sdélənă ..... nəṕišát съ ṕisál, năṕisəny /написаны/....

Посредствомъ подобныхъ сопоставленій опредѣляемъ морфологическій составъ слова năṕisənă : nă-ṕis-ə-n-ă.

Этимъ же путемъ опредѣляется морфологическій составъ /составъ изъ морфемъ/ всей фразы: š-t-ó nă-ṕis-ə-n-ă ṕeř-óm, t-avó ńĕ vý-ruḃ-ə-š təpar-óm.

---

§ 39. Резюмируя все выше изложенное и многое другое, мы приходимъ къ слѣдующему выводу относит[ельно] дѣлимости произносительно-слухового языка:

I. Постепенное дѣленіе съ точки зрѣнія фонет[и]ческой, произносительно-слуховой.

1/ Ряды произносимыхъ словъ. Самымъ яркимъ [до]казательствомъ подобной дѣлимости являются стихи.

2/ Произносимыя слова, объединяемыя подчиненіемъ всего произносимаго слогу акцентованному, сл[о]гу ударяемому, какъ слогу въ этомъ отношеніи гос[]подствующему.

3/ Слоги, опредѣляемые отдѣльными экспираці[я]ми или выдыханіями воздуха изъ грудной полости п[ри] участіи голосовыхъ связокъ гортани.

4/ Фонемы, объединяемыя одновременностью нѣскольких произносительныхъ работъ и единствомъ [об]щаго акустическаго впечатлѣнія.

5/ Отдѣльныя свойства фонемъ: съ произносит[ель]ной стороны представленія отдѣльныхъ работъ органовъ рѣчи; съ точки зрѣнія слуховой, акустической -отдѣльные оттѣнки общаго впечатлѣнія, обусловливаемые именно указанными отдѣльными работами органовъ рѣчи.

II. Постепенное дѣленіе съ точки зрѣнія семасіологически-морфологической.

1/ Фразы, предложенія. Синтаксическія цѣлыя их сочетанія.

2/ Синтагмы, знаменательныя слова, слова со значеніемъ и съ морфологическою дѣлимостью, съ с[]

таксической точки зрѣнія недѣлимыя единицы: а/ постоянныя выраженія, неизмѣняемыя сочетанія нѣсколькихъ словъ, б/ слова.

При автоматическомъ повтореніи, при отсутствіи въ данный моментъ творческой работы, вообще при отсутствіи языкового творчества, даже цѣлыя предложенія могутъ принимать характеръ синтаксической недѣлимости. Таковы пословицы, поговорки, заученные стихи.

3/ Морфемы. Ср. напримѣръ,

домъ, ломъ /dom, lom/ дномъ, зломъ,
сномъ /dn-om, zl-om, sn-om/
погромъ, содомъ /pă-gróm, sădóm/
перомъ, штыкомъ, костромъ, виномъ /per-óm, štik-óm, kastr-óm, vin-óm;
скопидомъ, гипподромъ /skəpidóm, gʼəpădróm/ топоромъ, богачомъ,
соловьемъ /təpăr-óm, bəg-ăč-óm, səlăv-j-óm/

4/ Психическія /морфологически-семасіологическія/ составныя части морфемъ. Съ этимъ связана морфологизація и семасіологизація отдѣльныхъ дальше недѣлимыхъ произносительно-слуховыхъ представленій /см. §§ 119-127/.

Глава 3.

Дѣлимость писанно-зрительнаго /графически-оптическаго/ языка.

§ 40. Писанно-зрительный языкъ существенно

отличается отъ языка произносительно-слухового. Язы
произносительно-слуховой сложился, правда, въ чело
вѣкѣ, но сложился „естественнымъ" путемъ, безъ соз
нательнаго участія человѣка. Поэтому ему свойствен
на безпрерывность и безконечность. Производя дѣле-
ніе этого языка, мы его разсѣкаемъ на части, мы ус
танавливаемъ границы тамъ, гдѣ имѣются только пост
пенные переходы предшествующаго въ слѣдующее. Въ от
личіе отъ этого, языкъ зрительный, языкъ оптическі
/точнѣе: писанно-зрительный или графически-оптиче-
скій/ появился путемъ „искусственнымъ", какъ чело-
вѣческое изобрѣтеніе, какъ продуктъ культуры. Вслѣ
ствіе этого ему свойственно дробленіе на отдѣльны
единицы, на самодовлѣющія графемы /представленія
буквъ/, отдѣленныя другъ отъ друга и сами по себѣ
неразложимыя.

Но все таки способы сочетанія графемъ и приме
неніе разныхъ вспомогательныхъ знаковъ /знаки пре-
пинанія, отличеніе большихъ и малыхъ буквъ, абзацы
и т.п./ позволяютъ отражать на письмѣ дѣлимость,
свойственную языку произносительно-слуховому.

Какъ произносительно-слуховыя, такъ и семасі
логически-морфологическія фразы отдѣляются на пис
мѣ знаками препинанія. Напримѣръ: <u>Что написано пе-
ромъ, того не вырубишь топоромъ</u>.

Нѣкоторымъ семасіологическимъ оттѣнкамъ свой-
ственны особые знаки: вопросительный /?/ восклица-
тельный / ! /.

§ 41. <u>Фонетическая дѣлимость</u> текущей рѣчи от

ражается напр. въ русскомъ писанно-зрительномъ языкѣ, т.е. въ русскомъ письмѣ, прежде всего слѣдующимъ образомъ:

а/ тѣмъ мѣстамъ слова, представленіе которыхъ ассоціируется съ представленіемъ слога ударяемаго, свойственна за немногими исключеніями, опредѣленная гласная графема:

то	въ словѣ	что
пи	"	написано
ромъ	"	перомъ,
го	"	того,
вы	"	не вырубишь,
ромъ		топоромъ

то.... пи.... ромъ..... о....... вы........ ромъ. Однако жъ возможны и шолъ и шелъ, и жолтый и желтый, и чорный и черный и т.д., и ель и елка, и тверць и твердый и т.п.

в/ Слогамъ и слогообразующимъ фонемамъ / „гласнымъ"/ слабѣе ударяемымъ, т.е. занимающимъ въ словѣ, съ этой точки зрѣнія, подчиненное мѣсто, свойственны въ области графическихъ представленій неустойчивыя, колеблющіяся написанія, опредѣляемыя уже не путемъ графически-фонетическихъ ассоціацій, а путемъ или ассоціаціи съ родственными морфемами, или же историческаго преданія.

Слово написано, при ударенiи на второмъ слогѣ, могло бы имѣть въ написаніи еще слѣдующія изображенія: нописано, написоно, написынс, нописоно, нописыно, написана, написона, написына, нописана,

нописона, нописына...., и тѣмъ не менѣе произношеніе отъ этого вовсе бы не измѣнилось.

Вмѣсто пером̆ъ мы могли бы имѣть, не нарушая вовсе произносительно-слухового состава тоже пѣромъ. Вмѣсто того тоже таго. Вмѣсто не вырубишь тоже нѣ вырубишь. Вмѣсто вырубишь тоже вырубешь, вырубѣшь, вырубяшъ.

Вмѣсто топоромъ тоже тапоромъ, тыпоромъ, топаромъ, тапаромъ, тыпаромъ.

Схема:

о	а	и	а	о	е	о	о	о	е	ы	у	и	о	о
		–				~		–		–				
	о		о	а	ѣ		а		ѣ			е	а	а
			ы									ѣ	ы	
												я		

с/ Относительная устойчивость и опредѣленность написанія отражается тоже въ примѣненіи графемъ, ассоціируемыхъ съ фонемами /представленіями звуковъ/ неслогообразующихъ /неслоговыхъ/ или „согласныхъ".

Что или што, тово вм. того, вырубишь или вырубишъ или вырубиш или вырубижъ или вырубижъ или вырубиж.

Остальныя графемы согласныхъ опредѣляются произношеніемъ, и прежде всего слуховыми впечатлѣніями.

§ 42. Морфологическая дѣлимость рѣчи человѣческой тоже находитъ себѣ отраженіе въ письменномъ изображеніи.

1/ Синтаксическія цѣлыя, т.е. предложенія и ложныя выраженія, отдѣляются другъ отъ друга знака- препинанія.

2/ Синтагмы, т.е. синтаксически недѣлимыя едицы /слова и слитныя выраженія/ отдѣляются другъ ъ друга графическими паузами или пробѣлами: каж- е „слово" отдѣляется отъ предшествующихъ и слѣдуюихъ.

3/ Дѣленіе словъ на морфемы сказывается въ принени графемъ /буквъ/ не по произношенію, а по дству со словами, въ которыхъ соотвѣтствующая фома находится въ условіяхъ, благопріятствующихъ полму проявленію всѣхъ ея свойствъ.

Что, а не што, потому что чего, чему...; напино, а не нописано, потому что напись, накипь, назнный; написано, а не написоно или написыно, потому о написать, написалъ; написано, а не написана, помy что дано. введено, опредѣлено.

Подобнымъ же образомъ можемъ объяснить написа- е, пе въ перомъ; первое о въ того; не; иш въ рубишь; то и по въ топоромъ.

Вообще можно сказать, что, напримѣръ, въ русской сьменности для положеній фонетически зависимыхъ и ограниченною самостоятельностью нѣтъ отдѣльныхъ афемъ, опредѣляемыхъ путемъ графически-фонетичеихъ ассоціацій, а примѣняемыя въ такихъ случаяхъ афемы опредѣляются съ помощью морфологически-семаологическихъ ассоціацій по сходству или по груп- мъ.

Въ подтвержденіе этого положенія можемъ при сти еще слова: ротъ и родъ, рокъ и рогъ, вести и везти.... годовой, самокатъ....

Кромѣ того на письмѣ, въ письменности отраж ся исторія, т.е. обращеніе въ сторону прошлаго. Ис рія эта является или исторіей самого письма, ка продолжателя прежнихъ написаній, или даже истор произносительно-слухового языка. Въ разбираемой зѣ сюда относятся:

1/ написаніе того съ г;

2/ а/ различеніе е и ѣ: перомъ, а не пѣромъ не, а не нѣ: б/ различеніе и и і: написано, а не напісано, вырубишь, а не вырубішь;

3/ а/ вырубишъ, а не вырубищъ,

в/ что, а не што,

с/ Всѣ почти случаи опредѣленія путемъ м фологическихъ ассоціацій: написано перомъ того вырубишь топоромъ.

Глава 4.

Два главныхъ уклада языковыхъ представлені

§ 43. До опредѣленія простѣйшихъ элементов какъ произносительно-слухового, такъ и писанно-зрительнаго языка мы дошли пока путемъ разбора м билизуемыхъ во время языкового общенія рядовъ пр ставленій:

въ произносительно-слуховомъ языкѣ рядовъ представленій произносительно-слуховыхъ и ассо-

ціируемыхъ съ ними представленій семасіологическихъ и морфологическихъ;

въ писанно-зрительномъ языкѣ рядовъ представленій графическихъ /представленія движеній руки и т.п./ и оптическихъ, ассоціируемыхъ какъ съ представленіями произносительно-слуховыми, такъ и съ представленіями семасіологически-морфологическими.

Все это подходитъ подъ понятіе ассоціацій по смежности въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Но всѣ эти простѣйшіе психическіе элементы языка существуютъ безпрерывно въ языковомъ центрѣ, т.е. въ индивидуальной психикѣ, и тамъ группируются по свойственнымъ имъ примѣтамъ, т.е. на основаніи ассоціацій по „сходству".

Различаются тамъ разные типы фонетическаго построенія предложеній, словъ, слоговъ, и всѣ случаи, подходящіе подъ одинъ типъ, составляютъ особую группу. Каждому изъ членовъ подобной группы свойственно, путемъ ассоціаціи по сходству /являющейся, впрочемъ, только особымъ видомъ смежности въ психическомъ центрѣ/, вызвать въ извѣстныхъ случаяхъ представленія другихъ членовъ той же группы.

Всѣ фонемы, объединяемыя извѣстнымъ общимъ имъ свойствомъ, составляютъ въ психическомъ центрѣ особую группу и подвергаются сходнымъ видоизмѣненіямъ и перерожденіямъ. Особо группируются всѣ фонемы, въ составъ которыхъ входятъ частныя представленія опущенія мягкаго неба и, обусловливаема-

го этимъ, носового резонанса, - въ отличіе отъ группы фонемъ, которымъ чужды эти особенности. Группирую̆тся тоже, по связывающимъ ихъ дальше недѣлимымъ произносительнымъ и слуховымъ элементамъ, слѣдующія фонемы: š ž č /ш, ж, ч/,

d t n s z c

t p k ...,

t' p' k' ...;

всѣ ударяемыя гласныя фонемы;

всѣ гласныя фонемы губного сближенія /u, o /,

всѣ гласныя фонемы крайняго сближенія /u, i .../.

§ 44. Такъ же укладываются въ порядкѣ ассоціацій по сходству всѣ элементы морфологическіе: морфемы, слова, предложенія.

Морфема š слова š-t-ó связана съ морфемой č словъ: čevó, čemú, какъ ея разновидность.

Слова š-t-ó /что/ и xtó /кто/ связаны морфемами t и o и всею совокупностью относящихся къ нимъ формъ: č-ěvó /к-аvo, č-emú /к-ămú...

Слово năpísənă /написано/, благодаря своей первой морфемѣ, na /на/, входитъ въ составъ той же психической группы, что и всѣ остальныя слова съ тою же морфемой.

Семасіологически центральная морфема pis /пис/ является соединительнымъ звеномъ слова năpísənă /написано/ со всѣми словами, въ которыхъ она встрѣчается.

Слово năpísənă, въ соединеніи со всѣми

остальными формами спряженія и словообразованія,может явиться виновникомъ оживленія всѣхъ другихъ словъ /глаголовъ и отглагольныхъ/ того же типа по составу и ударяемости /по акценту/.

§ 45. Всѣ элементы языкового мышленія, какъ фонетическіе, такъ и морфологическіе и семасіологическіе, укладываются сами собою въ группы и разряды. Задача изслѣдователя состоитъ только въ томъ, чтобы вѣрно прочесть въ душахъ человѣческихъ, т.е. озарить свѣтомъ научнаго сознанія то, что въ объективномъ психическомъ мірѣ сложилось и существуетъ помимо всякой науки.

Здѣсь мы ограничимся проникновеніемъ въ русское языковое мышленіе. Оно послужитъ для насъ только однимъ изъ примѣровъ языкового мышленія вообще.

Для того, чтобы получить для своихъ соображеній твердую почву, мы должны прежде всего ознакомиться съ анатомическимъ субстратомъ рѣчи человѣческой, т.е. съ органами рѣчи руководящими, исполнительными и воспринимательными.

Роль центральнаго руководящаго органа играетъ мозгъ, вмѣстилищемъ котораго является голова. Съ его строеніемъ, по отношенію къ психически-языковой дѣятельности, мы знакомиться не можемъ, во первыхъ по субъективной причинѣ, т.е. по отсутствію достаточнаго знакомства съ этимъ предметомъ у самаго преподавателя, во вторыхъ же потому, что эти отношенія вообще еще не достаточно изслѣдованы и составляютъ задачу будущаго развитія науки.

Въ мозговомъ центрѣ образуются всѣ языковыя а-
соціаціи въ томъ числѣ тоже ассоціаціи представле-
произносительно-слуховыхъ или фонетическихъ съ пр
ставленіями писанно-зрительными или графическими.

Отъ руководящаго мозгового центра идутъ нерв
проводники къ исполнительнымъ органамъ /моторные
вы, нервы движенія/, а отъ воспринимательныхъ орг
новъ, отъ органовъ чувствъ, идутъ нервные провод
ки къ руководящему мозговому центру. Точно также
исполнительныхъ органовъ, т.е. отъ мускуловъ,сна
женныхъ нервами, идутъ сенсорные нервные проводн
ки, проводники мускульнаго чувства, дающіе знать
исполненіи работы.

§ 46. У людей только говорящихъ и слышащихъ,
но не пишущихъ и не читающихъ, имѣется только од
видъ какъ исполнительныхъ, такъ и воспринимателы
органовъ. У людей же уже возвысившихся на культу
ную степень грамотности, рядомъ съ тѣми раньше ра
вившимися органами рѣчи произносительно-слуховой,
появляются еще какъ исполнительные, такъ и воспр
нимательные органы, приспособленные къ функціямъ
санія и чтенія. И въ этихъ новыхъ органахъ имѣют
какъ центробѣжные /центрифугальные/, идущіе отъ
гового центра, такъ и центростремительные /центр
петальные/, направляющіяся къ мозговому центру,н
ные проводники.

Не станемъ здѣсь заниматься разсмотрѣніемъ
воспринимательнаго органа въ области языка писан
но-зрительнаго /графически-оптическаго/, т.е. гл

за, ни исполнительнаго органа по той же части, т.е. руки или же ея замѣнителя, ни, наконецъ, воспринимательнаго органа въ области языка произносительно-слухового, т.е. уха. Построенія и функціи этихъ трехъ органовъ, съ одной стороны, слишкомъ просты, съ другой же стороны столь тонки и сложны, что ихъ описаніе, примѣнительно къ процессу языкового общенія, должно быть сопряжено съ микроскопическими гистологическими наблюденіями.

Поэтому я ограничусь здѣсь только описаніемъ произносительно-исполнительнаго аппарата.

Въ заключеніе этой главы прибавлю, что центробѣжный произносительный процессъ языкового общенія называютъ фонаціей, воспринимательный центростремительный процессъ посредствомъ уха и ведущихъ къ центру нервныхъ проводниковъ - аудиціей. Процессы же, происходящіе въ индивидуальномъ мозговомъ центрѣ, обнимаются общимъ названіемъ церебраціи, примѣнительно къ языку - языковой церебраціи.

Глава 5.

Описаніе произносительнаго исполнительнаго аппарата.

§ 47. /Демонструруются діапозитивы или же рисунки вертикальнаго сагиттальнаго разрѣза верхней части человѣческаго тѣла, начиная грудною полостью и кончая головой, съ цѣлью показать внутреннюю сторону произносительныхъ органовъ. Затѣмъ показывается модель гортани/.

На этомъ разрѣзѣ мы видимъ тоже центральн
руководящій органъ рѣчи человѣческой, т.е. моз
Но мы на него только указываемъ, не вдаваясь в
разборъ и описаніе /см.§ 45/.

Сосредоточимся на произносительномъ аппар
Начнемъ съ грудной полости.

Безъ <u>грудной полости</u> не можетъ быть рѣчи
какомъ произношеніи. Грудная полость выдыхает
духъ, необходимый для того, чтобы вызывать въ
гихъ произносительныхъ органахъ акустическое
жаніе и всякаго рода слышимые результаты. Это
общая постоянная роль грудной полости, роль в
теля /экспиратора/ воздуха и единственнаго по
щика этого произносительнаго матеріала.

Затѣмъ грудная полость является регулято
слогового /силлабическаго/ построенія словъ. С
отдѣльныхъ выдыханій или экспирацій, столько
говъ. Кромѣ того грудной полости приходится в
сообразоваться съ произносительными потребнос
другихъ исполнительныхъ органовъ, то увеличив
уменьшая количество выдыхаемаго воздуха.

Надъ грудной полостью мы видимъ дыхатель
горло /trachea/, черезъ которое воздухъ
дитъ изъ грудной полости и стремится наружу.
дыхательнаго горла имѣемъ пищеводъ /oesoph

Дыхательное горло кверху расширяется и о
зуетъ гортань /larynx /, вмѣщающую въ се
лосовыя связки. Гортань ограничена спереди щ
<u>нымъ хрящемъ</u> /cartilago thyreoidea

выдающимся впередъ и образующимъ кадыкъ или такъ наз. Адамово яблоко /у мужчинъ обыкновенно выдается болѣе впередъ, нежели у женщинъ, а это находится въ связи съ различіемъ длины голосовыхъ связокъ и высоты тона голоса/. Щитовидный хрящъ состоитъ изъ двухъ сходящихся спереди хрящей, которые сзади раскрыты, какъ двѣ расходящіяся подъ угломъ стѣнки. Онъ, щитовидный хрящъ, покоится на другомъ хрящѣ, образующемъ замкнутое кольцо, спереди тонкое, сзади же болѣе широкое и уподобляемое къ кольцу съ печатью. Это кольцевидный хрящъ /cartilago cricoidea /. На задней стѣнкѣ этого хряща насажены съ двухъ сторонъ два небольшихъ хряща, имѣющіе видъ нагнутыхъ конусовъ и вращающіеся около вертикальной оси. Эти хрящи носятъ названіе черпаловидныхъ /cartilagines arytaenoideae /.

§ 48. Въ гортани имѣются голосовыя связки /chordae vocales /. Спереди онѣ сходятся и прикрѣплены къ черпаловиднымъ хрящамъ: правая къ правому, лѣвая къ лѣвому. Вслѣдствіе своей подвижности черпаловидные хрящи заправляютъ движеніями голосовыхъ связокъ и могутъ сообщать разнообразныя формы какъ самимъ этимъ хрящамъ, такъ и образуемой между ними /т.е. между голосовыми связками и между черпаловидными хрящами/ голосовой щели /rima glottidis /. Голосовыя связки наклонены всегда другъ къ другу подъ угломъ, верхушка котораго на щитовидномъ хрящѣ, и который можетъ постепенно уменьшаться, до нуля включительно. Это послѣднее

взаимоотношенiе получается тогда, когда голосовыя связки плотно примыкаютъ другъ къ дружкѣ.

Эти голосовыя связки называются тоже настоящими голосовыми связками /chordae vocales verae/. Надъ ними виднѣется другая пара, не играющая никакой роли, пережиточная и называемая ложными голосовыми связками /chordae vocales falsae или spuriae /. Между этими связками, настоящими и ложными, по обѣимъ сторонамъ гортани имѣются углубленiя, называемыя: ventriculi Morgagni.

Голосовыя связки представляютъ изъ себя главный музыкальный инструментъ человѣческаго организма. Онѣ являются единственнымъ источникомъ человѣческаго пѣнiя. Но онѣ играютъ тоже немаловажную роль и въ произношенiи или въ фонацiи. Ихъ напряженiемъ и дрожанiемъ обусловливается звонкость гласныхъ /vocales / и, хотя уже въ меньшей степени, тоже всѣхъ другихъ фонемъ, называемыхъ звонкими /голосными/. При глухихъ /безголосныхъ/ фонемахъ голосовыя связки на столько раскрыты, что текущiй изъ легкихъ воздухъ не можетъ ихъ привести въ музыкальное дрожанiе.

Все то, что называется акцентомъ, ударенiемъ, интонацiей, все это обусловлено дѣятельностью голосовыхъ связокъ. Кромѣ того голосовыя связки могутъ: совершенно сжиматься и внезапно раскрываться или производить взрывъ / plosio /, принимать тоже другiя произносительныя положенiя, которыя, напримѣръ, въ русскомъ произношенiи не иг-

раютъ никакой роли. За то, напримѣръ, въ семитическихъ языкахъ, въ языкахъ кавказскихъ и др.различіе работъ голосовыхъ связокъ и гортани вообще имѣетъ первостепенную важность для фонаціоннаго /произносительнаго/ разнообразія.

Между прочимъ, работою гортани обусловливается такъ называемое придыханіе, свойственное,напримѣръ, языкамъ нѣмецкому, английскому /соотвѣтствующая графема или „буква" h /, латинскому, древнегреческому / „spiritus asper "/.

§ 49. Надъ гортанью находится клапанъ, могущій ее закрывать или открывать. Онъ носитъ названіе надгортанника /epiglottis / и поднятъ вверхъ какъ во время дыханія, такъ и во время произношенія. Когда же мы ѣдимъ или пьемъ,тогда онъ опускается и плотно закрываетъ гортань.Безъ этого пища или питье могутъ попадать въ гортань,черезъ гортань и дыхательное горло въ легкія, что могло бы быть даже жизнеопаснымъ. По опущенному надгортаннику и твердая пища и жидкая опускаются въ пищеводъ.

Тоже надъ гортанью, но более спереди, замѣчаемъ <u>подъязычную кость</u> /os hyoideum /, составляющую твердую границу между гортанью и полостью рта.

Выходя изъ гортани и подымаясь вверхъ, мы черезъ зѣвъ / pharynx / попадаемъ въ главный очагъ произносительнаго производства,т.е. въ полость рта /cavum oris /.

Въ задней части полости рта мы замѣчаемъ сверху подвижную небную занавѣску /velum palati/ или мягкое небо /palatum molle/, являющееся продолженіемъ неподвижнаго твердаго неба /palatum durum/ и дающее возможность открывать или же закрывать снизу носовыя полости или хоаны /choanae/. Мягкое небо играетъ при этомъ роль дверцы между зѣвомъ и полостью рта съ одной стороны и носовыми полостями съ другой. Во время обыкновеннаго дыханія, т.е. когда человѣкъ не говоритъ, не произноситъ, мягкое небо свободно опущено и воздухъ проходитъ черезъ носовыя полости, стремясь то изъ грудной полости, изъ легкихъ, наружу, то, наоборотъ, снаружи въ грудную полость, въ легкія. Во время же произношенія мягкое небо бываетъ опущено и носовыя полости бываютъ открыты гораздо рѣже, нежели наоборотъ, т.е. когда мягкое небо поднято и носовыя полости закрыты. Раскрытіе носа свойственно только такъ назы носовымъ фонемамъ, ассоціируемымъ, напримѣръ, въ русскомъ язвковомъ мышленіи съ графемами м, н, при всѣхъ прочихъ фонемахъ носовыя полости закрыты.

Мягкое небо оканчивается внизу язычкомъ /uvula/, играющимъ тоже особую роль въ произношеніи нѣкоторыхъ племенъ и нѣкоторыхъ лицъ.

§ 50. И вся полость рта и носовыя полости играютъ прежде всего роль надставныхъ трубъ /переводъ съ нѣмецкаго - Ansatzrohr / или резонаторовъ для звонкаго воздуха, приводимаго въ со-

стоянiе звонкости дрожанiемъ голосовыхъ связокъ гортани. Резонансъ носовыхъ полостей свойственъ такъ наз. носовымъ фонемамъ, резонансъ же полости рта сопровождаетъ большинство фонемъ, или только какъ второстепенное свойство, или же какъ главная существенная особенность. Сущность такъ наз. гласныхъ / vocales / сводится къ свойственному имъ резонансу полости рта, мѣняющемуся сообразно съ измѣненiемъ формы рта. Различiе гласныхъ, напр. u /у/, о, а, е, /э/, i и т.д. есть различiе свойственныхъ имъ резонансовъ полости рта, принимающей различную форму благодаря ея съуженiямъ и сокращенiямъ съ помощью то тѣхъ, то другихъ подвижныхъ органовъ: губъ, средней части языка, задней части языка и т.п.

Полости носа могутъ играть въ произношенiи только пассивную, страдательную роль всегда одинаковаго по формѣ резонатора, ибо въ нихъ нѣтъ особыхъ подвижныхъ органовъ, могущихъ стать виновниками какъ видоизмѣненiя формы резонатора черезъ большее или меньшее съуженiе въ томъ или другомъ мѣстѣ, такъ и своеобразныхъ мѣстныхъ шумовъ и вообще звуковъ. За то полость рта представляетъ въ этомъ отношенiи самое богатое разнообразiе. Ея подвижные органы /губы, языкъ въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, мягкое небо, даже нижняя челюсть, могущая то приближаться къ верхней, то отъ нея удаляться/, съ одной стороны, видоизмѣняютъ форму всей полости рта, какъ надстав-

ной трубы или резонатора /при гласныхъ: ср. напр. форму полости рта при ш, і, о, е, а, ӱ, о..../, съ другой же стороны дѣйствуютъ какъ молоты, прои водящіе въ отдѣльныхъ мѣстахъ полости рта своеоб разные акустическіе эфекты /шумы, взрывные звуки и т.п./.

Можно сказать, что полость рта является гла нымъ очагомъ произносительныхъ работъ, главнымъ органомъ человѣческаго языка со стороны его про ляемости ради языкового общенія между людьми, тог да какъ полость гортани представляетъ изъ себя м зыкальный инструментъ человѣческаго организма, т главный органъ пѣнія.

§ 51. Объ активной роли отдѣльныхъ подвижн органовъ полости рта вообще и о локализаціи раб въ полости рта будетъ сказано впослѣдствіи. Здѣс же я ограничуст исчисленіемъ подвижныхъ органов слѣдуя тому же порядку /изъ глубины организма на ружу и сзади впередъ/. Вотъ эти подвижные орган мягкое небо /уже упомянутое/, языкъ, губы, въ о бенности нижняя губа. Неподвижными же мѣстами, на которыхъ работаютъ подвижные органы, являются: твердое небо, продолженіе твердаго неба-верхняя челюсть съ зубами и деснами, въ извѣстномъ смыс верхняя губа.

Самымъ подвижнымъ и вслѣдствіе этого самым важнымъ произносительнымъ органомъ является язы Въ немъ мы отмѣчаемъ: I/ заднюю часть, заднеязы ныя работы, заднеязычную иннервацію, заднеязычн

мускульное чувство; 2/ переднюю часть, переднеязычныя работы и т.д.; 3/ среднюю часть, среднеязычныя работы и т.д.. Кромѣ того надо отмѣтить различіе краевъ языка, какъ произносительныхъ работниковъ языка, и середины языка; различіе кончика языка и остальной его части и т.д. Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что въ произношеніи участвуетъ только верхняя, широкая часть языка, между тѣмъ какъ его основная нижняя часть, его корень, остается внѣ произносительной сферы, хотя, конечно, безъ нея невозможны никакія движенія языка.

Передовая роль языка въ произносительной дѣятельности была причиною перенесенія его названія на всю совокупность явленій, подходящихъ подъ понятіе рѣчи человѣческой или человѣческаго языка.

Какъ всѣ подвижные органы полости рта, такъ и всѣ ея неподвижныя мѣста замѣтны простому глазу. Мы ихъ замѣчаемъ, посмотрѣвъ въ открытый ротъ другихъ, а у себя мы можемъ ихъ видѣть въ зеркалѣ. Конечно, они легче всего поддаются и наблюденіямъ съ помощью осязанія. Кромѣ того, очень легко увеличить мускульное чувство дѣйствующихъ органовъ до такой степени, что оно можетъ быть опредѣляемо вполнѣ сознательно.

§ 52. До сихъ поръ мною указаны были физическія орудія языкового общенія въ самомъ человѣческомъ организмѣ. Какъ въ произносительно-слуховой, такъ и въ писанно-зрительной рѣчи проводниками въ ту и другую сторону, т.е. отъ мозгового

центра, какъ носителя психической жизни, наруж снаружи къ центру, являются нервы, исполнителям же, т.е. какъ произносительными /фонаціонными/, такъ и пишущими /графическими/ или же другимъ с собомъ наносящими видимые слѣды, работниками - скулы. Но если бы только этимъ ограничивалась н ша языковая дѣятельность, направленная во внѣш міръ, она никакъ не могла бы достигнуть своей о щественной цѣли, цѣли общаться съ помощью рѣчи устной или письменной. Для этого необходимо про долженіе нашей дѣятельности во внѣшній міръ. И вообще только посредствомъ физическихъ средств осуществляется обмѣнъ, распространеніе и продол ніе всѣхъ психо-соціальныхъ или психически-обще венныхъ цѣнностей: въ области словесности и лит ратуры, въ области міровоззрѣній, въ области об чаевъ , въ области нравственности, въ области э номической, въ области общественнаго и государ веннаго устройства и т.д..

Что касается языкового обмѣна, то надо раз чать сторону его слуховую /акустическую/ и зрит ную /оптическую./Первая изъ нихъ передается от индивида къ инвиду посредствомъ продолженія ко баній собственнаго организма въ окружающую нас упругую среду, и прежде всего въ окружающій нас воздухъ. Въ новѣйшее время сюда слѣдуетъ приба акустическій обмѣнъ на болѣе или менѣе значител номъ разстояніи съ помощью телефона, благодаря пользованію физической энергіи природы, появля

муся во многихъ отрасляхъ человѣческаго общежитія. Теперь уже не одинъ воздухъ, но и металлы и прочіе проводники динамической энергіи природы стали проводниками произносительно-слухового общенія людей.

Произносительно-слуховое общеніе можетъ сопровождаться тоже проявленіями оптическаго характера, т.е. проявленіями дѣйствующими на зрѣніе. Сюда относятся разныя жесты и всякаго рода движенія тѣла, сопровождающія рѣчь многихъ людей. Конечно, они могутъ дѣйствовать только на небольшомъ разстояніи, только тогда, когда разговаривающіе смотрятъ другъ на друга, и, конечно, только при наличности свѣта. Въ темнотѣ всякія такого рода движенія становятся безцѣльными, хотя однако даже многіе изъ разговаривающихъ по телефону по привычкѣ раскланиваются, ухмыляются и вообще ведутъ себя такъ, какъ будто ихъ собесѣдникъ можетъ замѣчать ихъ тѣлодвиженія.

§ 53. Въ области языка пишущихъ и др. т.п. движеній, равно какъ и видимыхъ слѣдовъ, т.е. въ области языка писанно-зрительнаго /графически-оптическаго/, необходима прежде всего наличность, съ одной стороны, поверхностей и вообще страдательныхъ тѣлъ, на которыя можно наносить видимые слѣды, съ другой же стороны или жидкостей, служащихъ матеріаломъ /чернила, всякаго рода краски, тушь и т.п./, или же орудій, съ помощью которыхъ вырѣзываются или высѣкаются графическія изображенія трехъ измѣреній на деревѣ, на камнѣ, на ска-

лахъ /клинообразныя надписи/ и т.п. Пользуясь
ными жидкостями /напр. чернилами разныхъ цвѣтовъ
красныя чернила/, мы могли бы довольствоваться
сто пальцами; однако же мы уже давно продолжили
лецъ съ помощью пера, сначала гусинаго и вообще
птичьяго, а затѣмъ стального и вообще металличе-
го. Рядомъ съ жидкостями изъ предметовъ внѣшняго
міра графическую службу несутъ мягкія, легко ст-
раемыя тѣла, въ родѣ мѣла, графита или т.п.. От-
да карандаши и т.п.. Использованіе электричест-
даетъ возможность удлинять наши физическія пиш-
орудія до безконечности. Благодаря этому мы по-
чили телеграфъ, какъ опять въ области произноси-
тельно-слуховой дошли, хотя и значительно позже
телефона.

Нельзя, конечно, забывать о такихъ видоиз-
неніяхъ человѣческаго письма, какъ печать, лито-
фія и прочіе способы репродукціи /воспроизведе-
/пишущія машины и т.д./.

Со стороны воспринимательной въ области яз-
ковогo общенія путемъ писанно-зрительнымъ /гра-
чески-оптическимъ/ необходимы такія же условія,
какъ и при всякихъ оптическихъ ощущеніяхъ: нали-
ность свѣта, „естественнаго" /дневного/ или „и-
ственнаго" /„ночного"/ /огонь, электрическій с-
и т.п./; наличность видящаго глаза; отсутствіе
мана и всякихъ другихъ препятствій, появляющих-
на пересѣченіи прямой линіи между читающимъ гл-
зомъ и читаемыми графическими изображеніями.

О различіи акустическаго языкового обмѣна и языкового обмѣна оптическаго съ точки зрѣнія ихъ продолжительности и повторяемости было сказано раньше /§ 33/.

Глава 6.

Упорядоченіе разнообразія произносительно-слуховыхъ элементовъ языка, существующихъ въ психическомъ центрѣ. Классификація фонемъ.-

§ 54. При обозрѣніи и упорядоченіи звукового разнообразія рѣчи человѣческой можно слѣдовать двоякому пути: или стремиться къ систематическому представленію всѣхъ, замѣченныхъ или даже только предполагаемыхъ возможностей, независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или другому опредѣленному языку, или же стать на реальную психическую, точнѣе психо-соціальную почву извѣстнаго обособленнаго племенного или же національнаго общенія.

Первый способъ какъ будто предполагаетъ одинъ общечеловѣческій всемірный мозгъ, одну общечеловѣческію всемірную полость гортани, одну общечеловѣческую всемірную полость рта, одинъ общечеловѣческій всемірный языкъ /языкъ какъ произносительный органъ/, однѣ общечеловѣческія всемірныя губы и т.д.. Конечно, если изслѣдователь представитъ себѣ всѣ фонаціонно-акустическія или произносительно-слуховыя возможности, онъ совмѣщаетъ ихъ въ своей головѣ, и тогда его голова, его психика

становится реальнымъ субстратомъ всѣхъ этихъ фо-
тическихъ возможностей. Но не такъ съ чисто объек-
тивной точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія систе-
тика и классификація всѣхъ „звуковъ" языка, вст-
чающихся или возможныхъ во всѣхъ разновидностя-
рѣчи человѣческой, лишена реальнаго языкового о-
нованія, виситъ въ воздухѣ и является, строго го-
воря, разсмотрѣніемъ внѣ-языковыхъ процессовъ,
чисто звуковыхъ элементовъ и звуковыхъ единиц-

Не трудно угадать, какой точки зрѣнія при-
живаюсь я. Въ заглавіи этой главы сказано: „про-
носительно-слуховыхъ элементовъ, существующихъ
психическомъ центрѣ". А если такъ, то принадле-
щими языку въ полномъ смыслѣ этого слова я мо-
считать только фонемы и ихъ составные элементы, су-
ществующіе въ индивидуальныхъ головахъ. Поскольку
же эти головы окрашены подъ цвѣтъ извѣстнаго
менного или же національнаго языка, онѣ состав-
ютъ вмѣстѣ съ другими такими же головами собир-
тельное цѣлое. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ
здѣсь психическими и психо-соціальными реально-
ми я признаю только единичныя /индивидуальныя/
же собирательно-единичныя /коллективно-индивид-
ныя/ души.

И вотъ, по чисто практическимъ соображеніямъ,
по соображеніямъ доступности матеріала, я огра-
ваюсь разсмотрѣніемъ русскаго языкового мышле-
какъ вмѣстилища цѣлой организованной группы пр-
носительно-слуховыхъ представленій. При этомъ

смотрю на русское языковое мышленіе или на „русскій языкъ только какъ на примѣръ человѣческаго языкового мышленія или человѣческаго языка вообще.

Само собою разумѣется, что, представляя систему произносительно-слуховыхъ представленій коллективнаго русскаго языка, какъ равнодѣйствующей цѣлаго множества индивидуальныхъ языковыхъ мышленій, мы должны допустить возможность колебаній въ разныя стороны, т.е. возможность видоизмѣненій какъ діалектическаго, такъ и чисто индивидуальнаго характера /см.§ 75/.

§ 55. Первымъ условіемъ надлежащаго пониманія системы фонемъ, т.е. цѣльныхъ произносительно-слуховыхъ представленій, свойственныхъ извѣстному языковому мышленію, является освобожденіе своего собственнаго мышленія отъ смѣшенія буквъ со звуками, графемъ съ фонемами. Мы должны забыть, что путемъ обученія грамотѣ, т.е. чтенію и письму, въ нашихъ головахъ насажены графическія представленія, заслоняющія собою сложившіяся раньше представленія произносительно-слуховыя. Въ данномъ случаѣ мы должны въ извѣстномъ смыслѣ забыть, что мы люди грамотные на русскій ладъ, что мы умѣемъ читать и писать по-русски. Мы должны перенести себя мысленно на предшествовавшую ступень личнаго языкового развитія, т.е. на ступень, когда наши головы были еще свободны отъ проявившихся въ нихъ впослѣдствіи писанно-зрительныхъ представленій и ограничивались одними только представленіями произ-

носительно-слуховыми.

Но, для наглядности, намъ все таки приходи
ся прибѣгать къ сознательной ассоціаціи отдѣль
фонемъ съ отдѣльными графемами, т.е., говоря не
точнымъ обыденнымъ языкомъ, къ обозначенію отд
ныхъ звуковъ отдѣльными буквами.

Пользуясь при этомъ русскими буквами, мы м
ли бы вызывать въ читателяхъ сложившіяся въ ни
русскія графически-фонетическія ассоціаціи, мѣ
ющія точному пониманію одной только произносит
но-слуховой стороны языка, въ ея отвлеченіи о
нынѣшнихъ писанно-зрительныхъ или графических
представленій. Во избѣжаніе этого и для достиж
нія большей абстракціи, мы будемъ пользоваться
транскрипціонными условными буквами, заимствов
ными, къ сожалѣнію, изъ точно также весьма нес
вершеннаго латинскаго алфавита, съ необходимы
дополненіями.

§ 56. Вообще обозначеніе фонемъ, ассоціир
мыхъ съ частными представленіями отдѣльныхъ фо
ціонныхъ работъ и обусловливаемыхъ этими работ
ми частныхъ оттѣнковъ цѣльнаго акустическаго в
чатлѣнія, обозначеніе фонемъ съ помощью цѣльны
неразлагаемыхъ буквъ /точнѣе: сознательная асс
ціація разлагаемыхъ психически фонемъ съ нераз
гаемыми психически графемами/ представляетъ из
себя весьма неточный, такъ сказать, топорный н
учный пріемъ. Вполнѣ точная, безукоризненная о
тическая символизація фонемъ, какъ сложныхъ ед

ницъ, разлагаемыхъ на болѣе частныя представленія и съ произносительной /фонаціонной/ и съ слуховой /акустической/ стороны, должна бы стремиться къ такому графическому способу, при которомъ каждому простѣйшему дальше неразлагаемому элементу, какъ въ той, такъ и въ другой области, т.е. какъ въ области произносительной, такъ и въ области слуховой, соотвѣтствовалъ бы и на письмѣ, т.е. въ мірѣ оптическихъ представленій, одинъ простой языкъ или символъ, легко отличаемый отъ другихъ такихъ символовъ и съ нимъ несмѣшиваемый. Такъ напримѣръ, вмѣсто одной неразлагаемой буквы ſ /русское с въ сочетаніи съ а, о, э, у, ы, ъ/слѣдовало бы подставить сочетаніе знаковъ для каждаго изъ слѣдующихъ психическихъ элементовъ или дальше неразлагаемыхъ, безусловно простыхъ представленій: работа передней части языка, образованіе продолговатой щели между органомъ подвижнымъ и неподвижнымъ /въ данномъ случаѣ между передней частью языка и верхними деснами/, не-приближеніе средней части языка къ небу, поднятіе мягкаго неба и закрытіе стремящемуся изъ легкихъ воздуху доступа въ носъ, раскрытіе голосовыхъ связокъ гортани безъ ихъ дрожанія; акустическій оттѣнокъ или частное впечатлѣніе отъ работы передней части языка, акустическій спирантный /щелинный/ оттѣнокъ или „свистъ", впечатлѣніе „твердости" согласной отъ опущенія средней части языка, отсутствіе носового резонанса, глухое /безголосое/ произношеніе со стороны

голосовыхъ связокъ гортани, т.е. отсутствіе их[ъ]
звонкости /см.§ 36/.

Вмѣсто всего этого у насъ и въ „научной т[ран]скрипціи" цѣльныя недѣлимыя буквы, говорящія т[оль]ко объ общемъ акустическомъ впечатлѣніи, но ни[чего] не говорящія объ отдѣльныхъ произносительныхъ [и] слуховыхъ элементахъ.

Это разложеніе на отдѣльные элементы замѣ[ще]но въ предлагаемыхъ здѣсь таблицахъ помѣщені[емъ] условной транскрипціонной буквы на пересѣченіи двухъ рядовъ: горизонтальнаго и вертикальнаго. Какъ этимъ путемъ достигается упомянутый здѣсь анализъ или разложеніе на элементы, мы увидимъ при объясненіи таблицы.

§ 57. Таблица, представляющая классификацію самостоятельно мыслимыхъ фонемъ русскаго языкового мышленія /русской церебраціи/.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	p	b	m	f	v					u	o
2	t	d	n	s	z				l	{	
3								r		im	a
4	k	g		x	(γ)						
5										im	e
6	p'	b'	m'	f'	v'						
7	t'	d'	n'	s'	z'				l'		
8								r'			
9	k'	g'		x'	(γ')						
10						c	[ʒ]				
11				š	ž	č	[ǯ]				
12					j						

§ 58. Примѣчанія къ таблицѣ.

1/ Графическіе символы всѣхъ самостоятельно мыслимыхъ фонемъ, свойственныхъ русскому языковому мышленію, размѣщены въ 12-ти горизонтальныхъ рядахъ, пересѣкающихся съ 11-ю рядами вертикальными.

Въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ, для сбереженія времени и мѣста, я буду пользоваться слѣдующими сокращеніями:

гор. - горизонтальный рядъ или горизонтальные ряды.

верт.- вертикальный рядъ или вертикальные ряды.

Рядомъ съ этими сокращеніями стоятъ цифры, указывающія на то, о какомъ рядѣ или о какихъ рядахъ идетъ рѣчь въ данную минуту.

2/ Въ таблицѣ виднѣются латинскія буквы, какъ знаки или изображенія соотвѣтствующихъ графемъ или графическихъ представленій. Эти графемы ассоціируются съ соотвѣтствующими имъ фонемами вообще по способу, свойственному имъ въ западно-европейскихъ письменностяхъ, пользующихся латинскимъ алфавитомъ.

Никакого особаго объясненія не требуютъ наши условныя транскрипціонныя графемы: p, b, m, f, t, d, n, l, r, k, g. Графемамъ v, s, z, e, u, o, a, ı свойственны ассоціаціи приблизительно по способу западно-славянскихъ письменностей.

О графемѣ ı будетъ сказано послѣ / § 60/.

Графема x замѣняетъ собою ch нѣмецкой и сѣверо-западныхъ славянскихъ письменностей /чешской, польской, словацкой , лужицкой/ ея примѣненіе взято изъ руской письменности.

Въ таблицу введены символы-графемы γ и ʒ съ произвольной ассоціаціей. Объ нихъ будетъ ска-

зано послѣ /§ 65/.

§ 59. 3/ Кромѣ цѣльныхъ, неразлагаемыхъ графемъ /въ исполненіи: „буквъ"/ въ таблицѣ имѣются діакритическіе или аналитическіе знаки: ˇ и ' . Каждому изъ нихъ свойственна ассоціація только съ однимъ дальше неразлагаемымъ произносительно-слуховымъ элементомъ, точнѣе: съ двумя элементами, а именно съ однимъ элементомъ произносительнаго характера и съ однимъ, соотвѣтствующимъ тому, элементомъ характера слухового или акустическаго.

Діакритическій знакъ ˇ /š ž č /, точнѣе его представленіе или соотвѣтствующая ему въ психическомъ центрѣ графема ассоціируется съ представленіемъ особой работы передней части языка и съ обусловливаемымъ этою работою представленіемъ такъ называемаго „шипящаго" оттѣнка произношенія.

4/ Представленіе діакритическаго знака ' , примѣняемаго въ этой таблицѣ, ассоціировано, съ произносительной стороны, съ представленіемъ поднятія средней части языка къ небу и образованія между ними узкаго прохода для текущаго изъ легкихъ воздуха, со стороны же слуховой /акустической/ – съ представленіемъ акустическаго послѣдствія названной работы, т.е. „палатальнаго" /небнаго/ звукового оттѣнка и связаннаго съ нимъ ослабленія другой, главной произносительной работы /напр. при p', b', m', f', v' работы губъ/, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе такъ называемой „мягкости".

Такъ какъ рядомъ съ произносительно-слуховымъ

представленіемъ поднятія средней части языка къ не бу и такъ наз. „мягкости" существуетъ въ русскомъ языковомъ мышленіи, какъ особая произносительно-слуховая единица, представленіе неподнятія средней части языка къ небу въ связи съ представленіемъ такъ называемой „твердости". то безусловная точность графическаго обозначенія или графической си волизаціи требовала бы примѣненія, рядомъ съ экспо нентомъ положительной работы поднятія языка / и „мягкости"/, тоже экспонента работы „отрицательно работы не-поднятія языка/и „твердости"/. Такимъ экспонентомъ могло бы быть ^{0} /нуль/, приставленное къ изображенію графемы, т.е. мы писали бы ря- домъ съ p' b' m' f' v' t' d' s' z' l' r' k' g' x' тоже p^{0} b^{0} m^{0} f^{0} v^{0} t^{0} d^{0} s^{0} z^{0} l^{0} r^{0} k^{0} g^{0} x^{0}.

Но безъ этого можно обойтись, понимая, что отсутствіе всякаго экспонента равносильно здѣсь э кспоненту „отрицательному", точнѣе, нулевому. Если даже въ математикѣ примѣняется этотъ способъ не-обозначенія само собою подразумѣвающихся экспонен товъ и коэфиціентовъ, если въ алгебрѣ вмѣсто $1a^{1}$

÷/ Конечно, термины „положительный" и „отрицате ный" употребляются здѣсь не въ математическомъ, а въ чисто языковомъ смыслѣ: „отрицательный" /мате тически „нулевой"/ обозначаетъ просто отсутствіе вѣстнаго признака, въ данномъ случаѣ представлен средне-язычной работы; хотя впрочемъ съ этимъ „отр цательнымъ" произносительнымъ представленіемъ свя зано и „положительное" представленіе впечатлѣнія т

пишутъ просто *a*, *b* , то тѣмъ паче мы можемъ позволить себѣ подобный пропускъ въ гораздо менѣе точной наукѣ, каковою является языковѣдѣніе.

§ 60. 5. Маленькое *m*, приставленное снизу къ буквѣ въ обоихъ горизонтальныхъ рядахъ /4-мъ и 5-мъ/, является не символомъ какого-либо опредѣленнаго произносительно-слухового элемента, а только значитъ *mutabile* /измѣняемое/. Объ этой „мутабильности" или измѣняемости будетъ сказано въ надлежащемъ мѣстѣ /въ 7-й главѣ, §§ 30-8I/.

Собственно говоря, всѣ транскрипціонныя буквы нашей таблицы слѣдовало бы украсить экспонентомъ „мутабильности", такъ какъ всѣмъ фонемамъ свойственна измѣняемость сообразно съ сочетаніями и общими условіями произношенія. Но тамъ эта измѣняемость подразумѣвается сама собою, какъ извѣстное ослабленіе, ограниченіе и уклоненіе отъ нормы, т.е. отъ полноты проявленія мыслимыхъ свойствъ данной фонемы /напримѣръ, глухое *r* вмѣсто звонкаго въ словѣ *smotr* „смотръ", ослабленное *t* вм. полнаго *t* въ словѣ *pimtka* „пытка" и вм. звонкаго *d* въ словѣ *vòtka* , *vòd-ka* „водка" и т.п./; здѣсь же, по крайней мѣрѣ съ произносительной стороны, нѣтъ единой нормы, нѣтъ единаго типа данной фонемы или даннаго фонетическаго представленія, а исполненіе двоится сообразно съ тѣмъ, что мыслится или представляется передъ началомъ раздваивающейся фонемы *im* мыслится приближеніе средней части языка къ небу, *im*

произносится болѣе спереди и даетъ впечатлѣніе /ассоціируемаго съ русскою графемою и или і/; представляя же себѣ передъ ɯ отсутствіе приближенія средней части языка къ небу, мы исполняемъ ɯ какъ болѣе задній гласный, акустическое впечатлѣніе отъ котораго ассоціируется съ русскою графемою ы /ср. § 80 № 7/.

§ 61. 6. Какъ уже замѣчено при составленіи этой таблицы мною руководили прежде всего соображенія психологическаго характера. Изображаются графемы, ассоціируемыя съ самостоятельно мыслимыми фонемами, а упорядочиваются онѣ съ точки зрѣнія примѣняемости фонетическихъ различій въ морфологіи языка, т.е. съ точки зрѣнія ассоціацій произносительно-слуховыхъ представленій съ представленіями морфологическими /структурными, строительными/.

При произносительныхъ работахъ наше вниманіе и языковое мышленіе направляется по преимуществу въ полость рта. Стало-быть, и помѣщенные въ нашей таблицѣ графическіе символы фонемъ ассоціируются прежде всего съ представленіями работъ полости рта и обусловливаемыхъ этими работами частныхъ акустическихъ впечатлѣній.

8. Однимъ изъ главныхъ различій между работами полости рта является различіе между представленіемъ локализованной /мѣстной/ звукопроизводной работы, исполняемой однимъ изъ подвижныхъ органовъ полости рта, и между представленіемъ

страдательнаго уклада всей полости рта какъ резонатора, уклада, достигаемаго, конечно, тоже посредствомъ работъ отдѣльныхъ подвижныхъ органовъ полости рта, но уже работъ, не производящихъ мѣстнаго локализованнаго шума и вообще звука. Съ акустической стороны, въ первомъ случаѣ получается впечатлѣніе такъ называемыхъ „согласныхъ" /consonantes/, во второмъ же случаѣ впечатлѣніе такъ называемыхъ „гласныхъ" / vocales /, /ср. § 76/.

Какъ извѣстно, каждая работа подвижного органа сопровождается соотвѣтственнымъ мускульнымъ /двигательнымъ/ чувствомъ, а каждое представленіе работы представленіемъ мускульнаго /двигательнаго/ чувства.

9. Съ психологической точки зрѣнія, сообразующейся съ ассоціаціями произносительно-слуховыхъ представленій съ представленіями морфологическими, въ нашу таблицу входятъ, строго говоря, только фонемы, графическіе символы которыхъ помѣщены въ II-ти горизонтальныхъ /I-II/ и въ 9-ти вертикальныхъ /I-9/ рядахъ. Фонемы, графическіе символы которыхъ помѣщены въ I2-мъ гор. / j / и въ 10 и II вертик. / u o im a e /, включены въ нашу таблицу, такъ сказать, въ качествѣ гостей.

Къ нашей таблицѣ принадлежатъ, строго говоря, только символы русскихъ „согласныхъ" фонемъ, русскимъ же „гласнымъ" фонемамъ будетъ впослѣдствіи посвящено особое табелярное обозрѣніе /глава 7, §§ 76 и слѣд./

§ 62. 10. Такъ ограниченная таблица распадается прежде всего на двѣ части: первую изъ нихъ составляютъ гор. 1-9, вторую - гор. 10-11. Въ первой части помѣщены два параллельныхъ отдѣла, различіе которыхъ использовывается /утилизуется/ въ морфологіи. Второй отдѣлъ содержитъ фонемы, съ которыми ассоціируется представленіе положительной средне-язычной работы, т.е. представленіе приближенія средней части языка къ небу. Первому же отдѣлу свойственны фонемы безъ этой работы средней части языка. Эти два отдѣла другъ другу соотвѣтствуютъ и въ русской морфологіи чередуются. Напр. rimba /рыба/, rimb'e /рыбѣ/; stol /столъ/ stălá /стола/, stăl'é /столѣ/...; ńesú /несу/ ńeś-ó-t /несетъ/.....Вообще различеніе представленій этихъ двухъ работъ средней части языка /приближеніе ея къ небу или же не-приближеніе/ имѣетъ въ русскомъ языковомъ мышленіи первостепенную важность.

[При этомъ надо замѣтить, что въ русскомъ языковомъ мышленіи по части морфологіи противоположность 1 и 9 гор. /k g x γ | k' g' x' γ'/ укладывается иначе, нежели противоположность 1 и 6 гор. /p b...|p' b'.../, 2 и 7 гор. /t d.... t' d'.../, 3 и 8 гор. /r | r'/]

§ 63. 11. Ряды 10 и 11 гор. тѣмъ и отличаются отъ всѣхъ предшествующихъ, что имъ совершенно чуждо морфологическое различеніе случаевъ безъ приближенія и съ приближеніемъ средней части язы-

ка къ небу. Если они и могутъ существовать въ двухъ фонетическихъ разновидностяхъ /напр. š и š', ž и ž'/, такъ это будутъ только чисто фонетическія /произносительно-слуховыя/ разновидности въ зависимости отъ условій сочетанія съ другими фонемами, но онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ морфологіи. Затѣмъ, у однихъ лицъ могутъ быть š, ž "твердыя", т.е. безъ приближенія средней части языка къ твердому небу, но č "мягкое", т.е. съ приближеніемъ средней части языка къ небу /č'/; у другихъ всѣ три "мягкія": не только č', но и š' ž'; у третьихъ, наконецъ, всѣ три "твердыя".

Не обращая вниманія на морфологическую роль психическаго различенія двоякой работы средней части языка, а руководствуясь единственно соображеніями локализаціи произношенія, мы должны бы помѣстить: c ʒ во 2 гор., въ случаѣ же ихъ "мягкости" /средне-язычности/ въ 7 гор. /c' ʒ'/, "твердыя" š ž č ǯ въ 3 гор., "мягкія" š' ž' č' ǯ' въ 8 гор..

[Отдѣленіе фонемъ c š ž č въ особую группу /гор.10-11/, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ фонемъ, объясняется исторически: по скольку онѣ свойственны исконно-русскимъ и исконно-славянскимъ морфемамъ, онѣ произошли или путемъ древняго "смягченія" /осреднеязыченія/ фонемъ 4 гор. /k g x/, или же развились изъ сочетаній: sj zj tj dj. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упомянуть, что и нѣкоторые случаи появленія фонемъ

n' l' r' /7 и 8 гор./, являющіяся историчес продолженіемъ сочетаній nj, lj, rj, под дятъ подъ понятіе такой же исторической измѣ мости, какъ š ž č, являющіяся историчес продолженіемъ: sj (š), zj (ž), tj (č), dj (ǯ

§ 64. I2. Различеніе, съ одной стороны, тивопоставляемыхъ другъ другу рядовъ гор. I-5 6-9, со свойственною этому различенію „морфо зацiей", съ другой же стороны рядовъ гор. I0- сказывается не только въ морфологіи, но такж обыкновенной русской графикѣ, въ написаніяхъ вершенно иначе ассоціируются съ соотвѣтствую имъ произносительно-слуховыми представленія ныя написанія въ родѣ: па//пя, ле//ло, сы//с ру//рю, лъ//ль, тъ//ть, а опять иначе написа це//цэ, ше//шэ, ци//цы, ши//шы, жи//жы, чи// щи//щы, шъ//шь, жъ//жь, чъ//чь, щъ//щь. /Ср. пріемышъ, ножъ, мужъ, плащъ..., но ночь, мы дрожь, мощь..../.

Къ рядамъ гор. I0-II слѣдуетъ присоеди тоже гор. I2, т.е. фонему j, такъ какъ он ляется точно также морфологически не-парной и фонемы c, š, ž, ǯ. Если же обратить вни на графически-фонетическія ассоціаціи, то о ся, что фонемѣ j въ русскомъ языковомъ мышл не соотвѣтствуетъ никакая опредѣленная граф /см. § I8/.

§ 65. I3. Графическіе символы фонемъ γ ʒ, ʒ', поставлены у меня въ угловатыхъ ск

гор. 4 [γ], 9 [γ'], 10 [ʒ], 11 [ǯ'] . Это я сдѣлалъ потому, что эти фонемы, какъ независимыя, самостоятельно мыслимыя и исполняемыя, свойственны только заимствованнымъ словамъ /бога, господь, благо..., дзынга, джигитовка... и т.п./; въ обусловленныхъ же, зависимыхъ положеніяхъ /поѣзжай, когда и т п./ онѣ встрѣчаются и въ словахъ исконно-русскихъ.

Что касается γ γ', то, конечно, я имѣю здѣсь въ виду сѣверно-великорусское произношеніе, равно какъ и то произношеніе объединяющаго литературнаго общерусскаго языка, которому свойственна вообще фонема g . Въ языковомъ же мышленіи тѣхъ лицъ, которыя вмѣсто g вообще произносятъ γ,. нѣтъ вовсе мѣста для фонемы g /за исключеніемъ развѣ подражанія иноязычному или хотя бы только „иноличному" произношенію/, и ея мѣсто занимаетъ фонема γ . Тогда, конечно, графическому символу фонемъ γ и γ' /гор.4 и 9/ пришлось бы стоять безъ всякихъ скобокъ, а графическій символъ фонемы g или вполнѣ бы отсутствовалъ, или же былъ бы помѣщенъ въ скобкахъ.

§ 66. 14. Дадимъ себѣ теперь отчетъ въ послѣдовательности горизонтальныхъ рядовъ нашей таблицы и постараемся обосновать эту послѣдовательность.

Если бы мы слѣдовали какъ каждовременному выхожденію произносительной дѣятельности изъ человѣческаго организма, такъ и историческому ходу перемѣщенія произносительныхъ работъ снизу вверхъ и

сзади впередъ, мы должны бы начать съ полости го[р-] тани и кончить губами. Въ этой именно послѣдоват[ель-] ности мы знакомились съ произносительнымъ аппара[-] томъ человѣческаго организма /глава 5, §§ 47-53/. Точно такого же порядка придерживается древне-ин[-] дійскій алфавитъ Devanāgari. Въ этомъ алфави[-] тѣ, отличающемся безукоризненною научностью съ точки зрѣнія физіологическихъ наблюденій соотвѣт[-] ствующихъ ему произносительно-слуховыхъ элемен[-] товъ, графическіе символы фонемъ исчисляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Гласные:

/главный звуковой фокусъ въ полости гортани/ } a ā, i ī, u ū...

Согласные:

/главный звуковой фокусъ въ полости рта/

$k\ k^h\ g\ g^h$ ṅ ... задняя част[ь]
$\check{c}\ \check{c}^h\ \check{z}\ \check{z}^h$ ñ ... средняя "
$ṭ\ ṭ^h\ ḍ\ ḍ^h$ ṇ } передняя по[-] вв[-] пл[-]
$t\ t^h\ d\ d^h$ n } часть яз. ле[-]
$p\ p^h\ b\ b^h$ m ... губы

и т.д.

Я же рѣшилъ придерживаться противоисториче[-] скаго /антиисторическаго/ порядка, т.е. начинат[ь] съ рядовъ болѣе доступныхъ наблюденію, опредѣляе[-] мыхъ даже зрѣніемъ, и затѣмъ идти все болѣе на[-] задъ и вглубь. По правдѣ сказать, подобный поря[-] докъ изложенія могъ бы быть иногда самымъ подхо[-] дящимъ и при обученіи такъ называемой „всеобщей исторіи": наблюдать современное состояніе и за[-]

чаемыя въ немъ непонятныя явленія объяснять какъ продолженіе происходившаго въ прошломъ. Но „всеобщую исторію" мы оставимъ и вернемся къ своимъ горизонтальнымъ рядамъ таблицы фонемъ.

И вотъ мы отмѣчаемъ, что въ каждой изъ группъ рядовъ, установленныхъ на основаніи психологическихъ соображеній /связь съ морфологическими представленіями/, порядокъ слѣдующій: отъ губъ черезъ переднюю часть языка къ задней части языка. Этимъ объясняются послѣдовательности гор. рядовъ: I - 2 - 3 - 4 - 6 - 7 - 8 - 9, IO - II.

Не обращая вниманія на столь важную психически противоположность между представленіемъ приближенія средней части языка къ небу и представленіемъ ея неприближенія, мы должны отожествить слѣдующіе ряды: 1 и 6; 2,7 и IO; 3,8 и II; 4 и 9.

Ибо вѣдь какъ въ I-мъ, такъ и въ 6-мъ работаютъ губы; во 2-мъ, 7-мъ и IO-мъ – передняя часть языка при плоскомъ ея положеніи; въ 3-мъ,8-мъ и II-мъ тоже передняя часть языка, но приподнятая вверхъ, въ 4-мъ и 9-мъ – задняя часть языка.

Ставя 5-й рядъ послѣ 4-го я измѣнилъ соблюдаемому вообще принципу топографической послѣдовательности: спереди назадъ. Вѣдь 5-му ряду свойственна работа средней части языка, лежащей между переднею и заднею.

Не обращая вниманія на психическія взаимоотношенія фонемъ, слѣдовало бы фонему j I2-го гор. ряда помѣстить въ 5-мъ гор. рядѣ.

§ 67. I5. Горизонтальные ряды нашей таблиц
могутъ быть разсматриваемы еще съ точки зрѣнія о
вѣта на вопросы: ассоціируются ли съ фонемами, гр
фическіе символы которыхъ помѣщены въ этихъ ряд
два представленія локализованныхъ работъ въ пол
сти рта, или же только одно подобное представле-
ніе? Иначе: происходитъ ли производство акустиче-
скихъ впечатлѣній въ одномъ только мѣстѣ полост
рта, или же въ двухъ мѣстахъ?

Съ этой точки зрѣнія рядамъ 1-5,I2 свойств
но одно мѣсто, рядамъ же 6-9 два мѣста. Что же
сается рядовъ IO и II, то, по скольку помѣщенны
въ нихъ фонемамъ свойственна „твердость", т.е. н
среднеязычность, они совпадаютъ съ рядами I-5,I
присоединеніе же къ нимъ „мягкости" или средне-
язычности переводитъ ихъ во второй разрядъ, т.е.
въ разрядъ двухмѣстныхъ фонемъ.

[Болѣе тонкое разсмотрѣніе этого вопроса по-
казало бы, что кажущаяся одномѣстность можетъ с
провождаться другою второстепенною произносител
ною локализаціей. Это прежде всего свойственно
I-му гор. ряду, въ которомъ несосложненная средн
язычностью губная работа сопровождается незначи-
тельною, мало замѣтною мобилизаціей задней част
языка. Нѣчто подобное можно отмѣтить при „твер-
дыхъ" š ž č]

§ 68. I6. Локализуя работы полости рта, мы
должны различать подвижные органы, точно молоть
и неподвижныя мѣста, точно наковальни. Съ псих

...ской точки зрѣнія, рѣшающей при всѣхъ лингвистическихъ /языковѣдныхъ/ вопросахъ, гораздо важнѣе подвижные молоты, нежели неподвижные наковальни. Ибо рѣшать то должно относительное количество мускульнаго /двигательнаго/ чувства. И вотъ въ молотахъ у насъ возникаетъ и возбужденіе /побужденіе къ дѣйствію, мобилизація, моторная иннервація/ и ощущеніе отъ исполненія работы, въ наковальняхъ же одно только ощущеніе.

Поэтому то мы примѣняемъ такія названія, какъ губные /гор.1,6/, <u>переднеязычные</u> плоскаго уклада /гор.2,7,10/, <u>переднеязычные</u> съ приподнятымъ кончикомъ языка /гор. 3,8,11/, <u>заднеязычные</u> /гор.4, 9/, <u>среднеязычные</u> /гор.12,5/, избѣгая названій въ родѣ „зубныхъ", „небныхъ", „гортанныхъ". /Это послѣднее, примѣняемое къ k, g, x, γ, является просто безсмыслицей/. Иногда впрочемъ можно употреблять названія, указывающія на страдательныя наковальни, но только какъ второстепенныя, частныя прибавки къ общимъ названіямъ по молотамъ.

§ 69. 17. Съ этой точки зрѣнія, ставящей на первомъ планѣ роль подвижныхъ произносительныхъ молотовъ, мы должны соединить гор. ряды 2,3,10,11, 7 и 8 въ одну группу, такъ какъ всѣмъ имъ свойственно представленіе произносительной работы передней части языка

18. Гор. рядъ 1 долженъ быть противопоставленъ всѣмъ остальнымъ, такъ какъ только ему одному свойственно представленіе чистой работы губъ,

безъ язычнаго осложненія, хотя впрочемъ,какъ
мѣчено въ § 67, къ губной иннерваціи присоеди
ся обыкновенно болѣе или менѣе явственная инн
ція задне-язычная. Въ 6-мъ гор. рядѣ мѣсто эт
сопутствующей заднеязычной работы замѣняетъ р
та среднеязычная, играющая столь важную роль
морфологіи русскаго языкового мышленія.

19. Гор. ряды I и 6 противопоставляются
остальнымъ, ибо только этимъ двумъ рядамъ, I
свойственно представленіе губной работы, тог
какъ всѣмъ остальнымъ рядамъ положительная ра
губъ совершенно чужда.

20. Въ области этихъ остальныхъ, чисто я
ныхъ рядовъ, остающихся по выдѣленіи губныхъ
довъ I и 6, рядамъ 2,3,7,8,10,11 свойственно
ставленіе работы переднеязычной, тогда какъ
представленіе чуждо рядамъ 4,9,5 и 12.

21. Ряды гор. 5,6-9,12 могутъ быть соед
въ одну группу благодаря ассоціаціи свойстве
имъ фонемъ съ представленіями среднеязычной
ты.

22. Оставленные вообще безъ разсмотрѣні
тикальные ряды 10 и 11 / „гласные"/ умѣщаются
первыхъ пяти гор. рядахъ. Въ 6-мъ рядѣ мы бы
стили графическіе символы ü, ö /въ родѣ
мецкихъ ü ö или французскихъ u, eu/,
бы подобнаго рода фонемы имѣлись въ русскомъ
ковомъ мышленіи.

§ 70. 23. Обозрѣніе горизонтальныхъ ря

приводитъ насъ къ заключенію, что въ русскомъ языковомъ мышленіи въ области произносительно-слуховой преобладаютъ представленія работъ передней части языка и представленіе работы средней части языка.

Какъ уже нѣсколько разъ замѣчено, различіе представленія работы среднеязычной и не-средне-язычной морфологизуется въ русскомъ языковомъ мышленіи и проходитъ черезъ всю произносительно-слуховую систему этого мышленія.

24. Въ связи со среднеязычностью слѣдуетъ замѣтить, что въ гор. рядахъ 6-9, благодаря осложненію этою среднеязычностью, всѣ фонемы /p' ... k' .../ со стороны работы главнаго подвижного органа /произносительнаго молота/, на одну степень слабѣе, нежели соотвѣтствующія имъ фонемы въ гор. рядахъ I-4 /p.... k ..... /. Такое же ослабленіе главной работы происходитъ отъ присоединенія къ ней другихъ осложняющихъ работъ или же акустическихъ результатовъ: отъ звонкаго дрожанія голосовыхъ связокъ гортани / b слабѣе p, z слабѣе ʃ ..../; отъ пропуска воздуха въ носъ и носового резонанса / m слабѣе b, n слабѣе d ..../.

Вообще это постепенное ослабленіе можно показать на примѣрѣ изъ губныхъ рядовъ, пользуясь при этомъ знакомъ > въ значеніи „больше", „сильнѣе": $p > {}^{b}p > {}^{b'}m > m'$

При p одна главная работа,

при b осложненіе звонкостью голосовыхъ связокъ гортани,

" p' осложненіе среднеязычныхъ съуженіемъ,

" b' осложненіе двумя сопровождающими работами: звонкостью голосовыхъ связокъ и среднеязычностью,

" m осложненіе звонкостью и носовымъ резонансомъ,

" m' осложненіе тремя сопровождающими работами.

§ 71. Перейдемъ теперь къ обозрѣнію вертикальныхъ рядовъ.

25. Постепенность этихъ работъ основана тоже на различіяхъ работъ въ полости рта, и именно на количественныхъ, пространственныхъ, различіяхъ. Ряды эти слѣдуютъ другъ за другомъ вообще въ порядкѣ нисходящемъ по степени сжатія или съуженія органовъ въ полости рта:

p b m f v u o
t d n s z
k g x γ im a

При этомъ верт. ряды 6-9 исключаются, какъ нарушающіе эту постепенность.

26. Все еще съ точки зрѣнія различія работъ въ полости рта мы можемъ опредѣлять вертикальные ряды слѣдующимъ образомъ.

1-3 - представленіе сжатія, смычки /и обыкновенно разжатія, взрыва/,

4-5 представленіе звукопроизводнаго сближенія

органовъ, щели, протока /спиранты/,

6-7 – согласные „дифтонги", сочетаніе въ общемъ представленіи одной фонемы особенностей рядовъ I-2 съ особенностями рядовъ 4-5,

8 - представленіе дрожанія органа,

9 - представленіе переднеязычнаго сжатія, сопровождаемаго отверстіями по бокамъ языка,

I0-II - пассивный укладъ всей полости рта.

27. 3-й верт. рядъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что въ немъ стоятъ графическіе символы фонемъ, ассоціируемыхъ съ представленіями опущенія мягкаго неба и носового резонанса, вызываемаго проходомъ звонкаго воздуха въ носъ. Всѣмъ остальнымъ рядамъ чужды эти произносительно-слуховыя представленія.

28. Только I,4 и 6 верт. рядамъ свойственна ассоціація съ представленіемъ раскрытія голосовыхъ связокъ гортани, обусловливающаго такъ наз. „глухой" /безголосый/ оттѣнокъ сложнаго акустическаго впечатлѣнія данной фонемы. Всѣ же остальные ряды сопровождаются въ той или иной мѣрѣ ассоціаціей съ представленіемъ напряженія голосовыхъ связокъ, вызывающаго акустическое впечатлѣніе „звонкости" /голосности/. Одно впечатлѣніе звонкости, впечатлѣніе болѣе слабое, свойственно верт. рядамъ 2,5,7, другое, болѣе сильное - рядамъ 8 и 9, другое - ряду 3-му; самымъ же сильнымъ впечатлѣніемъ и постояннымъ представленіемъ звонкости отличаются, благодаря открытому резонансу полости рта, верт. ряды I0 и I1.

§ 72. 29. Разсмотрѣніе вертикальныхъ рядовъ со стороны участія произносительныхъ работъ и акустическихъ результатовъ не въ полости рта, а въ другихъ полостяхъ, въ полости гортани и въ носовыхъ полостяхъ, приводитъ насъ къ заключенію, что въ русскомъ языковомъ мышленіи преобладаютъ фонемы, ассоціируемыя, съ одной стороны, съ представленіемъ звонкости голосовыхъ связокъ гортани, съ другой же стороны, съ представленіемъ поднятія мягкаго неба и отсутствія носового резонанса.

30. Принято различать „звуки" „мгновенные" и „длительные". Мы тоже обратимъ вниманіе на это различеніе; но при этомъ должны различать мгновенность и длительность со стороны отдѣльныхъ произносительныхъ работъ, со стороны фонетической, отъ мгновенности и длительности со стороны акустическаго результата. Самъ я здѣсь этой мысли развивать не стану, а только прошу разобраться въ фонемахъ:
p b m f v u o ; c z r l ; p' b' m' и опредѣлить, какое изъ ассоціируемыхъ съ ними частныхъ представленій, какъ произносительнаго, такъ и слухового /акустическаго/ характера, является длительнымъ, и какое мгновеннымъ.

31. Точно такъ же могутъ не совпадать сложность и простота произносительныхъ работъ и вызываемаго ими акустическаго результата.

§ 73. До сихъ поръ мы занимались обозрѣніемъ и характеристикою фонемъ нашей таблицы по преимуществу съ произносительной точки зрѣнія, примѣшивая

однакожъ къ этому и соображенія акустическаго характера. Теперь же сосредоточимъ свое вниманіе на акустической классификаціи фонемъ, т.е. на классификаціи по слуховымъ впечатлѣніямъ и представленіямъ.

Съ этой точки зрѣнія отличаемъ прежде всего фонемы шумныя /geräuschlaute/ и сонорныя /Sonore Laute /: при шумныхъ перевѣсъ на сторонѣ мѣстнаго шума, возникающаго въ полости рта, при сонорныхъ же перевѣсъ на сторонѣ резонанса всей полости рта.

"Шумными" надо признать верт.ряды I,2,4-7,т.е. p t k, p' t' k', f s x, f' s' x' š, c č, b d g, b' d' g', v z γ, v' z' γ', ž, ʒ ǯ.

"сонорными" же верт.ряды 8,9,3,10,11, т.е. r r', l l', m n, m' n', u iɯ o a e.

Къ сонорнымъ слѣдуетъ прибавить тоже фонему, графическій символъ которой помѣщенъ на пересѣченіи 12-го гор.ряда съ 5-мъ верт.рядомъ,т.е.фонему j.

Всѣ сонорныя фонемы отличаются представленіемъ болѣе или менѣе сильнаго резонанса всей полости рта. Къ этому въ 3-мъ верт.рядѣ присоединяется представленіе носового резонанса.

Фонемы I-го верт. ряда можно считать ,по ихъ главному, основному моменту произношенія, съ точки зрѣнія акустической, абсолютно нѣмыми.Во время сжатія органовъ рѣчи при p t k, p' t' k' не слышно никакого звука, тогда какъ при b d g, b' d' g' /2-й верт/ можно, усиливая напряженіе голосовыхъ

связокъ, вызвать явственный гортанный /голосовой, голосовыхъ связокъ/ звукъ именно во время сжатія въ полости рта. Сжатіе же въ полости рта при фонемахъ 3-го ряда, m n, m' n' не мѣшаетъ вовсе сл... ному резонансу носовыхъ полостей и полости рта: при m m' всей, а при n n' укороченной.

Различіе шумныхъ и сонорныхъ отражается въ ф... нетическомъ построеніи словъ въ зависимости, напр... мѣръ, отъ ударенія /акцента/: сонорныя фонемы могутъ быть и слоговыми /слогообразующими, сонантами/ и сослоговыми /кон-сонантами, „сонантическими коэфиціентами"/, и просто не-слоговыми /консонантами/, тогда какъ шумнымъ приходится обыкновенно иг... рать въ слогѣ роль однихъ только не-слоговыхъ /не-слогообразующихъ, консонантовъ/ /ср.§ 81/.

§ 74. 33. Какъ выше /§ 65/ замѣчено, въ углов... тыхъ скобкахъ помѣщены у меня графическіе символ... рѣдкихъ фонемъ: [γ], [ʒ], [ǯ] . Къ этому слѣдовало бы прибавить [š'] и [ž'] , появляющіяся рядомъ съ š и ž только въ исключите... ныхъ условіяхъ сочетанія и положенія въ словѣ.

34. Это замѣчаніе вводитъ насъ вообще въ ра... смотрѣніе такихъ видоизмѣненій основныхъ фонемъ ... шей таблицы, появленіе которыхъ обусловливается ... вѣстными сочетаніями /см.§ 60/.

Такъ, напримѣръ, рядомъ съ фонемами t d n 2-го гор.ряда имѣются, по мѣсту прикосновенія ко... ца языка къ небу, такія же фонемы 3-го /и II-го/ гор.ряда: štuka /штука/, štan'i /штаны/

ždat' /ждать/, káždьj /каждый/, šnúr /шнуръ/, možna /можно/ и т.п. О ʒ, ǯ см. § 65.

Точно также не предвидѣны въ таблицѣ глухія фонемы r r', l l', n n', m m', т.е. фонемы r r' и т.д. безъ музыкальнаго дрожанія голосовыхъ связокъ гортани. Между тѣмъ, благодаря непреодолимымъ силамъ сочетанія въ области периферій произносительнаго аппарата, таковыя фонемы появляются въ русскомъ произношеніи. Такъ напримѣръ, p'otr /Петръ/, smotr /смотръ/, m'in'istr /министръ/, bodr /бодръ/, myśl' /мысль/, p'eśn' /пѣснь/, draxm /драхмъ/, žandárm / жандармъ/ и т.п.

Объ ослабленныхъ гласныхъ, о гласныхъ глухихъ /безголосыхъ/ и т.п. будетъ сказано впослѣдствіи /§ 81/.

35. И вотъ мы убѣждаемся въ необходимости отличать фонемы, самостоятельно мыслимыя и вмѣстѣ съ тѣмъ исполняемыя согласно съ произносительнымъ намѣреніемъ, отъ фонемъ, измѣняющихся въ исполненіи, т.е. принимающихъ въ исполненіи видъ не соотвѣтствующій опредѣленному произносительно-слуховому намѣренію.

Сначала отъ этого могутъ получаться только преходящія слуховыя впечатлѣнія, не вызывающія въ психическомъ центрѣ постоянныхъ представленій; но затѣмъ накопленіе /кумуляція/ особыхъ впечатлѣній можетъ вести къ появленію новыхъ, самостоятельныхъ, автономныхъ фонемъ.

Такъ, напримѣръ, въ русскомъ языковомъ мышле нія нѣтъ пока мѣста для упомянутыхъ подъ № 34 фо- немъ t d n 3-го гор.ряда, но со временемъ о могутъ отдѣлиться отъ t d n и укрѣпиться въ м говомъ центрѣ какъ нѣчто самостоятельное. Нѣтъ п ка глухихъ r l' n' m какъ самостоятельныхъ произносительно-слуховыхъ представленій, но никт не можетъ поручиться за то, что онѣ современемъ явятся.

§ 75. 36. Только что затронутое разнообразі исполненія одинаковыхъ психически фонемъ свойств но одному и тому же носителю извѣстнаго языково мышленія. Кромѣ того необходимо отмѣтить колебан въ зависимости отъ разныхъ носителей той научно фикція, которая называется общерусскимъ языкомъ, е. въ зависимости или отъ индивидуальныхъ особе ностей, или же отъ діалектической принадлежност /отъ происхожденія изъ среды того или иного гово ра/ /ср.§ 54/.

О γ , могущемъ замѣнять собою g во всѣхъ случаяхъ его появленія, мною сказано въ § 65.

Затѣмъ извѣстно, что довольно значительный процентъ носителей русскаго языкового мышленія, бенно изъ такъ называемой „интеллигенціи", не в состояніи исполнять передне-язычное r и замѣняет его сходною по исполненію фонемой задне-язычна и вообще задне-ртоваго образованія. Для такихъ мѣсто графическому символу фонемы r не въ 3-м а въ 4-мъ гор. рядѣ.

Точно также еще большему проценту лингвистическихъ русскихъ не дано переднеязычное исполненіе фонемы *l* ; они замѣняютъ ее фонемою губной локализаціи, чѣмъ то въ родѣ неслогового *u* / *u̯*/. Графическому символу такой фонемы мѣсто не во 2-мъ, а въ 1-мъ гор.рядѣ.

Глава 7 /продолженіе 6-й главы/.

Обозрѣніе и упорядоченіе гласныхъ фонемъ /*vocales* / русскаго языкового мышленія.

§ 76. При согласныхъ / *non-vocales* / главною, со стороны исполнительныхъ работъ, является звукопроизводная локализація въ полости рта. Работы полости рта сопровождаются работами полости гортани.

При гласныхъ / *vocales* / же нѣтъ въ полости рта звукопроизводнаго фокуса. Звукопроизводный фокусъ находится въ гортани, но характеръ гласнаго зависитъ отъ свойственной ему формы всей полости рта, являющейся резонаторомъ или надставною трубой / *Ansatzrohr* / /ср. § 61 № 8/.

Стоя на психической точкѣ зрѣнія, я помѣстилъ въ общую таблицу фонемъ русского языкового мышленія графическіе символы почти только тѣхъ фонемъ, которыя исполняются согласно съ ихъ постоянно существующимъ психически составомъ изъ дальше неразлагаемыхъ произносительно-слуховыхъ элементовъ. Здѣсь же, при систематическомъ обозрѣніи особой группы, группы гласныхъ фонемъ, т.е. фонемъ резо-

нанса всей полости рта безъ какого бы то ни был
мѣстнаго шума, я привожу не только графическіе
символы фонемъ самостоятельныхъ и максимально
зависимыхъ /или же минимально зависимыхъ /, но
фонемы зависимыя, причемъ эта увеличенная зави
мость можетъ быть двухъ или даже болѣе степене

Иначе: въ этомъ обозрѣніи нашли себѣ мѣст
не только фонемы, исполняемыя сообразно съ про
носительнымъ намѣреніемъ, но тоже фонемы, испо
ніе которыхъ далеко не совпадаетъ съ этимъ про
носительнымъ намѣреніемъ.

И все таки я и здѣсь стою на психологичес
точкѣ зрѣнія. Вѣдь, если бы даже произноситель
намѣреніе во всѣхъ случаяхъ было одинаково, въ
можно сомнѣваться, то однакожъ имѣются при эт
столь разнообразные слуховые /акустическіе/ рез
таты, что, по крайней мѣрѣ со стороны восприни
тельной, со стороны слуховой, участники данна
языкового общенія получаютъ совершенно обособл
ныя впечатлѣнія, способствующія образованію и
роченію особыхъ фонемъ. Фонема ǎ въ слогахъ не
ударяемыхъ средняго уровня /§ 77 и слѣд./ обо
лась не только отъ o, но и отъ a высшаго ур
/т.е. отъ a въ слогѣ ударяемомъ/. Фонемы ə
какъ нельзя смѣшивать съ фонемами á, a, o, e,
Развитіе и упроченіе новыхъ фонемъ подобнаго
имѣетъ важное значеніе для будущаго даннаго п
ного или національнаго языка, т.е. для продол
въ будущемъ современнаго коллективнаго языково
мышленія /ср. § 74, № 35/.

§ 77. Таблица гласныхъ фонемъ / vocales / русскаго языкового мышленія.

	губное сближеніе.	язычное сближеніе. задне-язычное	язычное сближеніе. средне-язычное	
высшій уровень	u	i̇m	i̇m	крайнее съуженіе
	o	a	e	среднее съуженіе
средній уровень	ŭ	i̇m	i̇m	крайнее съуженіе
		ă	ĕ	среднее съуженіе
низшій уровень	ŭ		ə → 0 (нуль)	крайнее съуженіе
				среднее съуженіе

§ 78. Объясненія и примѣчанія.

1. Губное сближеніе, видоизмѣняющее укладъ всей полости рта, какъ резонатора, сопровождается обыкновенно тоже сближеніемъ задней части языка съ нёбомъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе сильной иннерваціей этой задней части языка. При u не только округляются губы, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно высоко подымается задняя часть языка /ср.§§ 67 и 69, № I8/.

2. Благодаря анатомическому устройству, губное сближеніе является болѣе опредѣленнымъ, нежели сближеніе язычное. Въ языкѣ имѣемъ три главныхъ фокуса произносительной иннерваціи и произносительной ра-

боты: въ передней части языка, въ средней и за
Кромѣ того отличаемъ работы краевъ языка и его
редины, работы при напряженномъ состояніи муск
языка и при ихъ вяломъ состояніи, и т.п. Но эт
различенія не играютъ въ русскомъ произношені
какой роли, за исключеніемъ развѣ различія по
ряженности, сопровождающаго различіе по уровн
произносительной силы и слухового /акустическ
впечатлѣнія.

Гласныя фонемы передне-язычнаго сближені
строгомъ смыслѣ этого слова отсутствуютъ въ я
вомъ мышленіи громаднаго большинства извѣстны
намъ племенъ и народовъ, въ томъ числѣ такъ
въ русскомъ языковомъ мышленіи. За то въ этом
языковомъ мышленіи очень важную роль играетъ
личеніе среднеязычной работы и работы задне-я
ной, находящееся въ тѣсной психической связи
морфологизованнымъ различіемъ между не-средне
ными /„твердыми"/ и среднеязычными /„мягкими"
гласными /§§ 59, 62 - 64/, равно какъ и съ из
мостью общаго представленія ι въ зависимост
предшествующихъ ему произносительныхъ предст
ній: ιm становится то заднеязычнымъ /у люде
мотныхъ ассоціація съ графемою ы /, то сред
язычнымъ /ассоціація съ русскими графемами и

Заднеязычное сближеніе у меня поставле
часъ послѣ губного и передъ средне-язычнымъ
слѣдующимъ причинамъ: 1/ между губною и ~~сред~~ задне-
язычною иннерваціей и мобилизаціей существуе

...ия связь /§ 78 № I, §§ 67 и 69 № I8/; 2/ фонемамъ ...и $\underline{\alpha}$ высшаго уровня соотвѣтствуетъ на среднемъ ...овнѣ фонема $\underline{\alpha}$ заднеязычнаго сближенія.

§ 79. 3. Различеніе трехъ главныхъ уровней си...и самостоятельности гласныхъ фонемъ русскаго ...ыкового мышленія диктуется тѣмъ общимъ соображе...емъ, что въ русскомъ произношеніи болѣе, чѣмъ во ...огихъ другихъ, произносимое слово является строй...ымъ единымъ цѣлымъ, въ которомъ одна господствую...ая часть, одно господствующее произносительное мѣс... /слогъ съ „удареніемъ"/ подчиняетъ себѣ всѣ ос...альныя. Это господствующее произносительное мѣсто ...средоточиваетъ на себѣ произносительное вниманіе, ...слѣдствіе этого ослабляется точность исполненія ...альныхъ произносительныхъ мѣстъ /т.е. остальныхъ ...оговъ и слоговыхъ фонемъ/.

Высшій уровень тожественен /идентиченъ/ со ...огомъ ударенымъ /самаго сильнаго ударенія/. На ...еднемъ уровнѣ стоятъ слоги непосредственно пред...ствующіе ударенному /в<u>о</u>да́, год<u>о</u>во́й, сам<u>о</u>ка́тъ, бе...а и т.п./, равно какъ и конечные гласные звуки ...онечныя гласныя фонемы/ словъ, т.е. гласные въ ко...чныхъ открытыхъ слогахъ /го́д<u>а</u>, бе́рег<u>а</u>, вы́пил<u>и</u>, мо́...и т.п./ На низшій уровень нисходятъ слоги и сло...вые фонемы во всѣхъ прочихъ положеніяхъ, т.е. пе...дъ удареніемъ, начиная со второго слога /г<u>о</u>дово́й, ...иточо́къ, к<u>и</u>пято́къ, в<u>о</u>д<u>о</u>воро́тъ, в<u>о</u>д<u>о</u>воро́тами, п<u>ере</u>...ой и т.п./, и во всѣхъ слогахъ послѣ ударенія, вклю...чая и послѣдній если онъ „закрытъ", т.е. окан...

чивается согласною фонемою /вы́ѣхать, ши́воротъ,п
года, ко́локолъ, разбра́сывать и т.п./.

4. Звуковой фокусъ фонемъ гласныхъ находит
въ полости гортани, а полость рта является резо
торомъ, сообщающимъ впрочемъ каждому гласному з
ку его специфическую окраску. Точно также работ
голосовыхъ связокъ гортани регулируется всякаго
да акцентъ, какъ экспираторный /выдыхательный,
центъ силы, ударенія/, такъ и музыкальный /инто
ція/. Отсюда понятно, почему столь сильное влія
на исполненіе гласныхъ имѣютъ отношенія ударен
сти.

5. Въ русскомъ языковомъ мышленіи ударяем
слоговъ и слоговыхъ фонемъ морфологизуется,а р
идетъ рѣчь о морфологизаціи, то мы должны согл
ситься, что, хотя въ исполненіи ударяются /акц
туются/ слоги и фонемы, то однакожъ съ психоло
ческой точки зрѣнія или съ психической стороны
реніе свойственно не произносительно-слуховымъ
стямъ словъ, а частямъ морфологическимъ, т.е.
фемамъ. Въ формахъ берега́, колокола́, учителя́,
та́ .... ударяется конечная морфема, окончаніе
въ вы́нести, вы́ѣхать, вы́дѣлка и т.п. начальная
фема vý /vim – вы/; въ бо́роду, го́лову и т.п.
первая гласная фонема, какъ составная часть /к
компонентъ/ главной морфемы или корня / bóro
gólov /; въ ха́живать, наста́ивать, забра́сыват
заподо́зривать и т.п. – послѣдняя гласная фонем
морфемѣ, непосредственно предшествующей суффик

ɨm v-a- (вы, - ива) и т.д..

Въ русскомъ языковомъ мышленіи морфологизова-
прежде всего двѣ противоположности: 1/ при сог-
сныхъ фонемахъ указанная раньше /§§ 62-64/ про-
воположность работъ средней части языка /„твер-
сть" и „мягкость"/, 2/ при гласныхъ фонемахъ
„противоположность ударяемости и неударяемости.

§ 80. 6. „Среднимъ съуженіемъ" называемъ или
днятіе даннаго произносительнаго органа /той или
угой части языка/ вверхъ, или же округленіе губъ,
только поднятіе или округленіе первой степени.
случаѣ же „крайняго съуженія" данная часть язы-
поднимается еще выше, губы образуютъ еше мень-
е отверстіе. Но и то и другое сохраняетъ роль
доизмѣненія всей полости рта, какъ общаго резо-
тора, не производя въ данномъ мѣстѣ полости рта
кализованнаго специфическаго шума. Напримѣръ, ок-
гленіе губъ, свойственное фонемѣ u /ассоціація
русскими графемами у ю /, только видоизмѣняетъ
полость рта, сообщая ей форму своеобразнаго ре-
натора; увеличивая это съуженіе, мы производимъ
стный губной шумъ и переводимъ гласную /вокаль-
/ фонему въ область согласныхъ /не-вокаловъ, кон-
нантовъ/.

7. Значеніе графическаго символа ɨm объяснено
ньше /§ 60/. Здѣсь же я пополню изложенное тамъ
дующимъ замѣчаніемъ:

Психическое отожествленіе двухъ разновидностей
онемы ɨm /одной, ассоціируемой съ графемой ы, дру-

гой же, ассоціируемой съ графемами и і/ сказы
ся въ стихотворствѣ: кобыла и носила даютъ без
ризненную рифму.

8. Въ моемъ обозрѣніи помѣщено только по
ному графическому символу для фонемъ a e вы
го уровня и для фонемъ ă ĕ средняго уровня.
тически же каждая изъ этиха фонемъ разнообраз
въ зависимости отъ сочетанія съ слѣдующими со
сными фонемами со стороны ихъ несреднеязычнос
/ "твердости"/ и среднеязычности / "мягкости"/
напримѣръ баба и бабѣ, матъ и мать, мятъ и мя
пятый и пять, этотъ и эти, шестъ и шесть, вѣ
ка и вѣсть..., дала и вдали, зато и затѣмъ,
и валокъ, соглядатай и гляди, котомъ и котѣ,
ла и стрѣлять, несу и несетъ... Эти оттѣнки
существовать пока только въ исполненіи и про
цить различныя впечатлѣнія на ухо и па воспр
мательную способность вообще; но они могутъ
усиливаться до такой степени, что каждому из
соотвѣтствуетъ въ языковомъ мышленіи даннаго
вида особая фонема.

§ 81. 9. Вмѣсто графическаго символа ə
низшемъ уровнѣ можно бы для большинства случ
оставить ъ. Но это было бы только для бо
шинства, а не для всѣхъ случаевъ. Графема ə
волизуетъ только полное обезличеніе гласной
мы и ея низведеніе на низшую ступень самост
ности. Изъ всѣхъ частныхъ представленій, ас
руемыхъ съ общимъ представленіемъ гласной фо

за фонемами, объединяемыми этимъ символомъ ǝ остается только представленіе слогообразованія или сонантности, да кромѣ того отрицательное представленіе отсутствія губной работы. Фонемы ǝ исполняются только съ помощью языка, или болѣе впереди /средняя часть/, или болѣе назади /задняя часть/, въ полной зависимости отъ представленія, ассоціируемаго съ предшествующею согласною фонемой /„твердость" или не-среднеязычность, „мягкость" или среднеязычность/.

Въ этомъ положеніи появляется, въ благопріятныхъ случаяхъ, стремленіе къ полному устраненію особаго гласнаго момента произношенія, стремленіе къ „нулю", что и символизовано мною съ помощью знака → 0 /нуль/. При нахожденіи въ данномъ слогѣ одной изъ сонорныхъ фонемъ /§ 73/ эта сонорная фонема становится носителемъ слогового акцента, становится сонантомъ /слогообразовательнымъ/. Примѣры: nákr̥mu /на корму/, vǝr̥r̥tenó /веретено/, pl̥kăvódʼsǝ /полководецъ/, gór̥t /городъ/, gór̥da /города/, gol̥t /голодъ/, gol̥da /голода/, dóm̥m /домомъ/, dám̥m /дамамъ/, pʼésn̥ka /пѣсенка/, vʼisǝl̥t /выселить/ и т.п.. Конечно, каждый такой сонорный слоговой сопровождается гласнымъ укладомъ всей полости рта, видоизмѣняемой чрезъ поднятіе языка то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Графическій символъ ₒ подъ графемами r l m n...

ассоціируется съ представленіемъ сонантности или слогообразованія.

На низшемъ уровнѣ имѣются въ русскомъ произно- шеніи и затѣмъ тоже въ русскомъ языковомъ мышленіи глухія гласныя фонемы, т.е. такія фонемы, при кото- рыхъ голосовыя связки гортани не успѣваютъ натянут- ся и прійти въ состояніе музыкальнаго дрожанія, стр- мящійся же изъ легкихъ воздухъ не можетъ стать зв- кимъ /голоснымъ/ и, благодаря этому, вызываетъ въ лости рта глухой резонансъ. Примѣры: покатиться, т- ковой, сапоги, кипятокъ, пятачокъ, скотоводство, к- пать, копоть, десять, рукопись, слушатель... Пово- домъ къ подобному ослабленію гласной фонемы являе- ся ея нахожденіе между двумя глухими согласными.

§ 82. 10. Изъ обозрѣнія гласныхъ фонемъ въ р- ныхъ положеніяхъ явствуетъ, что самою устойчивою самою неподатливою на обезличивающее вліяніе удар- нія является фонема u /ассоціація съ русскими гр- фемами у, ю/. Она остается болѣе или менѣе таков на всѣхъ уровняхъ. И мужъ, и мужья, и муженекъ, и замужъ; и пустъ, и пустоватъ и выпустить; и люди, и людская, и людоѣдъ и т.п.

11. На среднемъ уровнѣ невозможно среднее ст- ніе /округленіе/ губъ, и оно замѣняется одною то- ко работою задней части языка. Слѣдствіемъ этого ляется смѣшеніе на среднемъ уровнѣ фонемъ о и а одной фонемѣ a, обособившейся, какъ кажется, психически. Само собою разумѣется, я здѣсь имѣю в виду такъ называемое „акающее" произношеніе. Друг-

дѣло произношеніе „окающее", свойственное тоже нѣкоторымъ носителямъ общерусскаго языка, и отличающееся сохраненіемъ различія между о и а тоже на среднемъ уровнѣ.

12. На низшемъ уровнѣ имѣется только одна обособленная фонема, сохраняющая свои индивидуальныя особенности, фонема u /у, ю/. Все остальное обезличено и доведено до максимума зависимости /§ 81/. И u, и ə фонемы крайняго съуженія, единственно возможнаго на низшемъ уровнѣ. На этомъ уровнѣ нѣтъ гласныхъ фонемъ средняго съуженія.

§ 83. 13. Гласнымъ фонемамъ высшаго уровня свойственно самое богатое разнообразіе психическаго характера, разнообразіе въ психическомъ центрѣ, т.е. высшая степень обособленности и опредѣленности именно съ этой точки зрѣнія. Фонемы высшаго уровня рѣзко отличаются между собой, какъ обособленныя психическія единицы. На низшемъ уровнѣ разнообразіе психическое нисходитъ до минимума, но за то появляется разнообразіе исполненія, вслѣдствіе чего получаются болѣе разнообразныя, хотя и слабыя, слуховыя /акустическія/ впечатлѣнія.

Въ этомъ кроются для будущаго русскаго языкового мышленія зародыши новыхъ самостоятельныхъ фонемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ у иныхъ индивидовъ, можетъ быть, уже мыслятся таковыми, т.е. существуютъ какъ особыя произносительно-слуховыя представленія. Средній уровень далъ особую фонему ǎ, низшему же уровню мы обязаны возникновеніемъ цѣлаго

ряда новыхъ фонемъ, которыя въ будущемъ отчаст[и разо]зовьются въ болѣе опредѣленно обособленныя, отч[асти] же сольются съ другими наличными фонемами.

14. Съ точки зрѣнія связей морфологическ[ихъ] и семасіологическихъ, мы можемъ главные типы г[ласных]ныхъ фонемъ русскаго языкового мышленія изобра[зить] въ слѣдующемъ видѣ:

Высшій уровень		и	оа	е	ы
Средній	"	й̆	ă	ĕ	ы̆
Низшій	"	й̆	ъ		

Г л а в а 8.

<u>Связь писанно-зрительныхъ /графически-опт[и]ческихъ/ представленій съ представленіями, съ о[дной] стороны, произносительно-слуховыми /фонаціон[но-] аудиціонными/, съ другой же стороны, съ предс[тав]леніями морфологическими и др. даннаго языково[го] мышленія.</u>

§ 84. Конкретнымъ примѣромъ будетъ намъ [слу]жить руское языковое мышленіе грамотныхъ люд[ей].

Въ сложномъ процессѣ мобилизаціи произно[си]тельно-зрительныхъ /точнѣе: произносительно-п[ись]менныхъ и слухово-зрительныхъ/ ассоціацій, т.е. [ас]соціацій между фонемами и графемами, надлежит[ъ раз]личать слѣдующее:

1/ Въ области самого произносительно-слу[ховог]о, т.е. въ области рѣчи человѣческой: мыслим[ое] /фонемы/ и исполняемое /звуки/.

2/ Графику /фонемографію/ и правописаніе

морфемографію/.

Система фонемъ даннаго языкового мышленія не ждается въ ассоціаціонной связи съ графическими редставленіями.

Сборникъ /перечень/ же графемъ /представле - ій буквъ/ данной письменности обусловленъ ассо - іаціей съ соотвѣтственными фонетическими или про- зносительно-слуховыми представленіями /ср.§ 87 5/.

Въ письменности, т.е. въ области писанно-зри- тельныхъ представленій, свойственныхъ извѣстному зыковому мышленію, различаемъ три стороны: I/ал- вита /азбуку/, какъ полный сборникъ графемъ и ѣхъ вообще графическихъ представленій, 2/ гра - ику /фонемографію/, 3/ правописаніе или ареогра- ію /морфемографію/.

Разсматривая алфавитъ или азбуку, мы опредѣ- ляемъ его наличный составъ безъ установленія про- стѣйшихъ произносительно-зрительныхъ ассоціацій группахъ графемъ и фонемъ. Тутъ, напримѣръ, въ усской письменности предстаетъ вопросъ о разли - іи между ѳ и ф, между и и і, между е и ѣ; опросъ - ъ и ь /столъ | столь, полка | полька, орка | горько и т.п./.

Подъ понятіе „графики" /фонемографіи/ подхо- дитъ установленіе простѣйшихъ недѣлимыхъ ассоціа- ціонныхъ связей между нераздѣлимыми съ этой точки зрѣнія группами графемъ /графическихъ представле- ній/ и группами фонемъ /произносительно-слуховыхъ

представленій/. Напр. въ русской письменности: ла | ля, лъ | ль, лы | ли; а | я, щ | сц...

Въ правописаніи же или ореографіи /морфемог- фіи/ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова опредѣляемыя графикою отношенія или произносительно-зритель- ассоціаціи осложняются ассоціаціонными связями с морфологическими и семасіологическими представле- ніями /съ морфемами и т.д./ даннаго языкового мы- ленія. Напр. въ русской письменности: ротъ | ро- рокъ | рогъ, бобъ | попъ, ровъ | ревъ, сѣлъ | се- просьба, косьба, выгода | выгадать, желтизна | - лизна, камышъ | мышь и т.п. /ср. § 92.

§ 85. Относительно буквъ, составляющихъ со- мѣстно алфавитъ данной письменности, слѣдуетъ п- де всего спросить:

Что мы представляемъ себѣ, видя начертанія буквъ, т.е. письменныя изображенія существующих въ нашей письменности графемъ, напр. изображені- русскихъ графемъ: J (т̄) , д, с, з; о, а, ы; - ь; щ; я, ю, ѣ, е ?

Объективныя графически-фонетическія ассоціа- существующія въ насъ независимо отъ всѣхъ теоре- ческихъ соображеній, слагаются на основаніи все- совокупности случаевъ ихъ употребленія.

При этомъ необходимо принимать въ соображе- объективно-психически развивающееся въ области - нетическихъ представленій различеніе мыслимаго - немъ и представленій входящихъ въ ихъ составъ - износитель-слуховыхъ элементовъ, и исполняемаго

/звуковъ/.

Мыслимое /фонемы/, съ одной стороны, идетъ во внѣшній міръ по центробѣжнымъ /центрифугальнымъ/путямъ, т.е. посредствомъ мобилизуемыхъ произносительныхъ работъ, съ другой же стороны оно подвергается вліянію центростремительныхъ /центрипетальныхъ/слуховыхъ, аудиціонныхъ впечатлѣній.

Въ результатахъ исполненія фонемъ, т.е.въ преходящихъ звукахъ мы отмѣчаемъ одно только центростремительное, или доходящее, или даже не доходящее до психическаго центра.

Конечно, первое, т.е. доходящее до психическаго центра, по своимъ послѣдствіямъ гораздо сильнѣе.

§ 86. Къ тому же оно усиливается и поддерживается первоначальнымъ внушеніемъ, получаемымъ при обученіи чтенію, при называніи буквъ алфавита. Сообразно съ первоначальнымъ „крещеніемъ" буквъ /въ психическомъ центрѣ: графемъ/, мы ихъ называемъ способомъ, благопріятствующимъ проявленію всѣхъ обозначаемыхъ свойствъ соотвѣтственной фонемы,т.е. согласныя въ соединеніи съ гласными, гласныя же съ удареніемъ, т.е. на высшемъ уровнѣ произношенія.

Исчислимъ русскія графемы по разнообразнымъ видамъ изъ названій:

б в г д з п т /названія съ прибавленіемъ средне-
ц ч ж   язычности или „мягкости"./
к х ш щ

л м н р с ф,

ѳ /фита/, ѵ „ижица"/.

а у с э / „е оборотное"/,

я ю є,

ѣ / „ять"/, и / „і осьмеричное"/, і / „і десятеричное"

Представленіе произносимаго, ассоціируемое съ графемой, является равнодѣйствующею /конечнымъ результатомъ / всѣхъ предшествующихъ впечатлѣній.

Конечно, при старинномъ называніи буквъ: „аз", „буки", „вѣди", „глаголь", „добро"... /въ родѣ сохранившихся по сіе время „ять", „фита".../ вліяніе внушенія этого момента, рѣшающаго для грамотности даннаго лица, было несравненно слабѣе, но смѣшеніе понятій проявлялось еще сильнѣе.

Самое сильное внушеніе получается при сокращенномъ называніи: б, не бе; в, не ве и т.ц..Гласныя при этомъ исключаются: а о........., я е; но ѣ = „ять".

§ 87. Взаимоотношеніе между графемами и фонемами можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

I/ Графическія представленія или графемы....

2/ Элементами графическаго изображенія.....

3/ Произносительныя представленія..........

4/ Элементами произносительнаго изображенія являются.....

5/ Возможность существованія графическихъ представленій......

/Этотъ параграфъ представляетъ изъ себя дословное повтореніе §-а I6-го/.

§ 88. 6/ Каждовременное произносительное и
[у]стически воспринимаемое цѣлое состоитъ, съ одной
[ст]ороны, изъ безпрерывнаго ряда движенiй, съ дру-
[го]й же стороны изъ безпрерывнаго ряда объективно-
[аку]стическихъ вибрацiй /колебанiй упругихъ тѣлъ/,
[но] только отдѣльные единичные моменты какъ того,
[та]къ и другого ряда, воспринимаются, съ одной сто-
[роны], мускульнымъ чувствомъ, съ другой же, слухомъ.
[Пе]реходные моменты остаются въ области внѣшняго
[мі]ра и не воспринимаются /не апперципируются/.

7/ Каждовременныя графическiя цѣлыя /графиче-
[ск]iе ряды, мобилизуемые и исполняемые въ одинъ
[пр]iемъ/ состоятъ, съ одной стороны, изъ безпрерыв-
[на]го движенiя руки /или ея замѣнителя, въ родѣ но-
[ги], рта и т.п./ /или одной только, или же вооору-
[же]нной пишущимъ снарядомъ/, съ другой же стороны
[изъ] оптическихъ слѣдовъ, оставляемыхъ этими дѣй-
[ст]вiями /движенiями/ на физическомъ носителѣ пись-
[мен]наго изображенiя и воспринимаемыхъ зрѣнiемъ.
[...]3 Можно писать просто пальцемъ /безъ пера/,
[оку]наемымъ въ краску /чернила, вакса, тушь, кровь/.

8/ Надо указать на различiе движенiй руки и
[ус]тановокъ при обыкновенномъ письмѣ, при наборѣ
[для] печати /осложненiе цѣлымъ механизмомъ/ и при
[пис]анiи на пишущей машинѣ; то же при телеграфѣ
[/от]дѣльныя движенiя руки, приводящiя въ движенiя
[от]дѣльныя буквы/.

§ 89. 9/ Каждовременное изображенiе мобилизо-
[ва]нныхъ графическихъ представленiй зависитъ, съ од-

ной стороны, отъ скрещиванія центрально-психи-скихъ ассоціацій, съ другой же стороны, отъ исп-нительныхъ мускульныхъ движеній /рефлексивныя ...-женія/.

Неточности перваго рода даютъ начало „ошибкамъ" „малограмотностямъ", неточности второго рода д... начало „опискамъ" /lapsus calami/. Напр... ротъ вм. родъ, будишь вм. будешь, считъ вм. щи... бѣлаго моряго вм. бѣлаго моря и т.п.

10/ При томъ и другомъ процессѣ, т.е. какъ ... процессѣ произносительнаго, такъ и при процесс... писательнаго и вообще графически-оптическаго ... раженія, должны быть отмѣчены слѣдующія части:

Начинается центробѣжнымъ /исходящимъ изъ... ри/ исполненіемъ, сопровождаемымъ сію же минут... въ моментъ своего возникновенія, центростреми... ными мускульными ощущеніями /впечатлѣніями/ /и... отъ дѣйствій органа рѣчи, или же отъ дѣйствія ... ки/;

Оканчивается же центростремительнымъ /вхо-щимъ во внутрь/ восприниманіемъ результата, ка... тѣхъ, такъ и другихъ дѣйствій, т.е. съ одной ст...роны, звуковъ, съ другой же стороны, буквъ.

II/ При процессѣ письменнаго общенія муск... ныя и оптическія ощущенія и впечатлѣнія, при ...цессѣ же языкового общенія /въ живой рѣчи/ муск... ныя и акустическія ощущенія и впечатлѣнія явля...ся средствомъ контроля надъ точностью мобилиза... и исполненія даннаго графическаго или же произ...

ительнаго представленія.

§ 90. 12/ Въ графемахъ замѣчаемъ вездѣ и всегда гораздо болѣе шаткости, колебанія, неустойчивости, неопредѣленности, нежели въ фонемахъ.

а/ Нѣсколько типовъ одной и той же графемы объединяются въ одну группу ассоціацій съ единой фонемой /т.е. многообразіе графемы при однообразіи единствѣ фонемы/:

α/ разное письмо: печать, курсивъ, антиква, рукопись,

β/ разныя, большія и малыя, „буквы" /графемы/: а...

γ/ нѣсколько типовъ даже при полной одинаковости съ точекъ зрѣнія α) и β): ъ = ь; m = ј; д = g

б/ вліяніе личности: различіе индивидуальныхъ почерковъ, почерки извѣстныхъ эпохъ въ исторіи письма.

Умѣніе различать почеркъ по эпохамъ, столѣтіямъ и т.п. составляетъ одну изъ задачъ палеографіи.

в/ Исполненіе даже вполнѣ опредѣленныхъ одинаковыхъ типовъ бываетъ весьма разнообразно.

Это отражается въ исторіи письма, въ отличіе отъ исторіи языка. Иначе идетъ распаденіе алфавитовъ, а иначе распаденіе фонетической стороны языка.

/греческія/ A α, /латинскія/ A α, /кирилловское/ α, /глаголическія/ ✕ + , /армянскія/ ա Ա...

C латинское и русское,

B латинское и русское.

§ 91. 13/ Соціальное общеніе въ области пр
носительныхъ представленій и въ области предста
леній письменныхъ /графическихъ/ происходитъ ра
личнымъ образомъ:

Общеніе въ области произношенія и живого я
кового обмѣна вообще должно вершиться сейчасъ ж
немедленно. Здѣсь время не растяжимое, не истор
ческое, оно носитъ на себѣ тотъ же характеръ, что
время при физическихъ, химическихъ и др. естеств
ныхъ процессахъ.

При общеніи же въ области графическихъ пред
ставленій оба конца этого процесса отдѣлены, раз
единены. Видимые слѣды остаются. Время здѣсь ра-
стяжимое, историческаго характера.

Даже примѣняя искусственныя приспособленія
въ родѣ телефона и т.п., мы не можемъ измѣнить
рактера минутности, характера преходящаго, свойс
веннаго голосовому-языковому обмѣну.

Прочность же оптическихъ слѣдовъ письма и
родственныхъ ему сферъ общественной жизни завис
отъ употребленія окрашивающихъ физическихъ тѣлъ
изъ міра внѣшняго, или же отъ примѣненія нарѣзо
и другихъ углубленій /въ три измѣренія/ на твер
тѣлахъ /напримѣръ: клинообразныя надписи/.

Это различіе произносимаго и писаннаго выр
жено въ старой поговоркѣ: *verba volant, scri
manent* /ср. § 33/.

Здѣсь напрашивается сравненіе съ различіемъ музыки, пѣнія и поэзіи, съ одной стороны, и пластическихъ искусствъ /живописи, скульптуры, зодчества или архитектуры/ съ другой стороны.

§ 92. Въ такихъ письменностяхъ, какъ русская, т.е. въ письменностяхъ, элементами которыхъ состоятъ графемы, ассоціируемыя съ фонемами,и гдѣ рядомъ съ этимъ принимается въ соображеніе дѣлимость словъ на морфемы, повторяющіяся въ другомъ видѣ въ другихъ словахъ, въ такихъ письменностяхъ отношеніе графемъ письма къ фонемамъ произношенія и акустическаго восприниманія разлагается на отношеніе графики /фонемографіи/ къ произношенію и на отношеніе правописанія /морфемографіи/ къ языку. Такъ, напримѣръ, отношеніе графемъ русскаго письма къ фонемамъ русскаго произношенія и акустическаго восприниманія разлагается на отношеніе русской графики /фонемографіи/ къ русскому произношенію и на отношеніе русскаго правописанія/морфемографіи/ къ русскому языку /ср.§ 84/.

Я здѣсь не стану развивать эту тему. И только для примѣра укажу на нѣкоторыя ассоціаціи графическихъ представленій съ представленіями фонетическими въ области согласныхъ [consonantes].

Въ отдѣлѣ „графики", т.е. въ отдѣлѣ отношеній русской графики къ русскому произношенію, даже въ минимально зависимыхъ / „независимыхъ"/ положеніяхъ графемами согласныхъ не опредѣляется окончательно ассоціируемое съ данной фонемой про-

износительно-слуховое представленіе той или другой работы средней части языка / „мягкости" или „твердости"/. Напр. одна графема п, безъ помощи другихъ, оставляетъ насъ въ недоуменіи, имѣется ли въ виду губная фонема съ несреднеязычностью / „твердая"/ или же губная фонема со среднеязычностью / „мягкая"/: попъ, палка, пытка......, но песъ, пятница, пить.... /ср.§§ 57 и слѣд./

фонемы	графемы	фонемы	графемы	фонемы	гр[...]
p, p'	п	č	ч, щ	γ, γ'	
t, t'	т,	b, b'	б	ž	
k, k'	к	d, d',	д	m, m'	
f, f'	ф	g, g'	г	n, n'	
s, s'	с	v, v'	в	l, l'	
š	ш	z, z'	з	r, r'	
(š'	щ)				

Съ точки зрѣнія правописанія /ороографіи/, т... въ отдѣлѣ науки о графически фонетическихъ ассоціаціяхъ, принимающемъ въ соображеніе не одну только произносительно-слуховую сторону языка, но также его морфологическую дѣлимость, доводящую до дальше неразложимыхъ морфологическихъ элементовъ, т.е. до морфемъ, въ этомъ отдѣлѣ устанавливаются графически-фонетическія и графически-морфологическія ассоціаціи, съ обращеніемъ вниманія на зависимыя положенія рядомъ съ „независимыми" /минимально-зависимыми/. Дѣло идетъ здѣсь прежде всего о различеніи <u>глухихъ</u> /безголосыхъ/ и <u>звонкихъ</u> /голосныхъ/, а топографическою областью этого разли-

...нія является полость гортани /тамъ же, т.е. въ от-
...дѣлѣ русской графики, обращаетъ на себя вниманіе
...полость рта, и въ частности средняя часть языка,
...дѣйствующая на твердомъ небѣ/.

Сообразно съ этимъ перечень соотвѣтствій гра-
...фемъ фонемамъ осложняется:

фонемы	графемы
p, p'	п, б; попъ, пупка, рабъ, пробка..., сыпь, дробь...
t, t'	т, д: ротъ, катка, родъ, водка..., муть, гладь...
k, k'	к, г: рокъ, рогъ....
f, f'	ф, в: пуфъ, ровъ, лавка....
s, s'	с, з: носъ, возъ.., брось, мазь и т.д..

§ 93. Формула русской графики /фонемографіи/.

Постараемся выразить въ математической фор-
...мулѣ отношенія между простѣйшими сочетаніями фо-
...немъ русскаго произносительно-слухового языка и
...простѣйшими сочетаніями графемъ русскаго писанно-
...зрительнаго языка /т.е. русскаго письма/.

Строго говоря, объ отношеніи писанно-зритель-
...наго въ чистомъ видѣ къ произносительно-слуховому
...въ чистомъ видѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ
...вѣдь это разнородныя представленія, несоизмѣримыя
...величины. Мы можемъ ихъ сравнивать математически
...только въ такомъ случаѣ, если вмѣсто тѣхъ и дру-

тихъ подставимъ нѣчто третье, однородное, со
римое, а именно ихъ психическіе элементы, пр
ленія, переводя и ту и другую сторону въ обл
произносительно-слухового. Какъ общее писан
тельное представленіе, такъ и общее предста
произносительно-слуховое ассоціируются, - пе
посредственно, второе непосредственно - съ и
нымъ количествомъ частныхъ представленій про
сительныхъ и слуховыхъ; а суммы этихъ послѣд
/т.е. произносительныхъ и слуховыхъ представ
во всякомъ случаѣ однородны и могутъ быть ср
ваемы и съ математической точки зрѣнія.

Дѣло идетъ объ опредѣленіи графически-ф
ческихъ отношеній въ такихъ простѣйшихъ соче
ніяхъ, какъ ла | ля, ба | бя, то | те, сэ | се,
вы | ви и т.п., т.е. объ установленіи общей
лы при сочетаніяхъ консонантовъ /согласныхъ/
сонантами /съ гласными, какъ съ фонемами сл
ми/.

При этомъ мы пользуемся слѣдующими сим

φ ..... фонемы   γ ..... графем

φc ..... фонема согласная /консонантная/

φv ..... фонема гласная /вокальная/.

γc ..... графема, ассоціируемая по преим
съ согласною /консонантною/ фон

γv ..... графема, ассоціируемая по преим
съ гласною /вокальнюэ фонемой.

n, m, s ..... опредѣленныя количества частных
ставленій, или свойствъ данной ф

главнымъ образомъ представленій работъ средней части языка по отношенію къ твердому небу и обусловливаемыхъ ими акустическихъ оттѣнковъ общаго единаго акустическаго впечатлѣнія.

§ 94. Итакъ, разсматривая только что поименованныя сочетанія /ла | ля, ба | бя, ну | ню, то | те, сэ | се, лэ | лѣ, вы | ви и т.п./ и др. имъ подобныя, мы устанавливаемъ въ области русскаго языкового мышленія слѣдующія отношенія:

$$\frac{\varphi c}{\gamma c} = \frac{n}{n-s} \quad \ldots\ldots (1)$$

Что это значитъ?

Съ общимъ представленіемъ согласной фонемы ассоціируется извѣстное количество частныхъ представленій, n представленій. Соотвѣтствующая этой фонемѣ графема /б, т, с, л, в, р/ вызываетъ всѣ частныя представленія фонемы, оставляя однако не обозначенными: съ одной стороны представленіе акустическаго оттѣнка, обусловленнаго или приближеніемъ или же неприближеніемъ средней части языка къ небу, т.е. представленіе такъ наз. „мягкости" или же „твердости", съ другой же стороны представленіе именно названной работы приближенія или неприближенія средней части языка къ небу, представленіе физіологическаго характера. Стало быть, въ этой формулѣ $s = 2$, т.е. I /представленіе извѣстной работы органовъ рѣчи/ ÷ I

/представленіе обусловденнаго этою работою акус
ческаго оттѣнка./

Обозначеніе этихъ представленій выпадаетъ
долю слѣдующей графемы, графемы гласной /вокаль
ной/: я, ю, ѣ, и ... а, у, э, ы... Но эти графе
вызываютъ тоже извѣстное количество частныхъ,ка
слуховыхъ /акустическихъ/, такъ и произноситель
ныхъ /фонаціонныхъ/, представленій, свойственн
соотвѣтствующей фонемѣ, положимъ, количество m
Эти соображенія даютъ намъ другую частную форму

$$\frac{\varphi v}{\gamma v} = \frac{m}{m+s} \quad \dots \quad (2)$$

Слѣдовательно.

$$\frac{\varphi c}{\gamma c} > 1 \qquad \frac{\varphi v}{\gamma v} < 1$$

/ $>$ значитъ "больше", $<$ значитъ "меньше"

$$\frac{\varphi c}{\gamma c} > \frac{\varphi v}{\gamma v} \quad \dots \quad (3)$$

§ 95. Эта общая формула обнимаетъ собою с
ственно всѣ случаи подобныхъ сочетаній. Но есть
тоже частные случаи, которые получаются при пре
положеніи, что входящія въ эти формулы величин
колеблются между извѣстными лимитами или предѣ
ми, а именно могутъ быть:

I/ Для писанно-зрительныхъ сочетаній въ р
бъ, въ, лъ, нъ, съ, тъ..., бь, вь, ль,
сь, ть....

$\varphi v = 0$ /нуль/; стало быть

$$\left.\begin{aligned}\frac{\varphi c}{\gamma c} &= \frac{n}{n-s}\\ \frac{\varphi v}{\gamma v} &= \frac{0}{s} = 0\end{aligned}\right]$$

/нуль/

Итакъ, $\frac{\varphi c}{\gamma c} > \frac{\varphi v}{\gamma v}$ остается безъ измѣненія.

2/ Для произносительно-слуховыхъ сочетаній въ родѣ <u>я</u>, <u>ю</u>, <u>є</u>, <u>ѣ</u>:

$\gamma c = 0$ /нуль/, $s = n$; слѣдовательно.

$\frac{\varphi c}{\gamma c} = \frac{n}{0} = \infty$ /безконечно большая величина/

$\frac{\varphi v}{\gamma v} = \frac{m}{m+n}$

$\Big\} \frac{\varphi c}{\gamma c} > \frac{\varphi v}{\gamma v}$

3/ Для случаевъ въ родѣ <u>а</u>, <u>у</u>, <u>о</u>, <u>э</u>:

$$\varphi c = 0,\ \gamma c = 0,\ \varphi v = m,\ \gamma v = m.$$

Конечно, по скольку частныя представленія данной гласной фонемы обозначаются соотвѣтствующею графемой, независимо отъ сочетаній и положенія въ словѣ. Стало-быть:

$\frac{\varphi c}{\gamma c} = \frac{0}{0}$ /неопредѣленная величина/,

$\frac{\varphi v}{\gamma v} = \frac{m}{m+}$

4/ Для сочетаній въ родѣ <u>ша</u>, <u>жа</u>, <u>ча</u>; <u>шу</u>, <u>жу</u>, <u>чу</u>; <u>шо</u>, <u>жо</u>, <u>чо</u>, <u>що</u>; <u>ше</u>, <u>же</u>, <u>че</u>, <u>ще</u> или <u>шэ</u>, <u>жэ</u>, <u>чэ</u>, <u>щэ</u>:

$$\varphi c = n,\ \gamma c = n,\ \varphi v = m,\ \gamma v = m+.$$

$$\frac{\varphi c}{\gamma c} = 1, \quad s = 0 \left(\frac{\varphi v}{\gamma v} = \frac{m}{m+}\right) < 1$$

Особое объясненіе требуется для шю, жю и т.п. въ брошюра, Сэнъ Жюстъ и т.п..

5/ Для объясненія цы или ци, затѣмъ ши, жи, чи, щи надо бы ввести новый психическій элементъ, но мы это оставимъ здѣсь безъ разсмотрѣнія.

Все это касается „графики" /фонемографіи/, т.е. опредѣленія отношеній фонемъ къ графемамъ только съ чисто произносительной, графически-оптической точки зрѣнія. Принимая же въ соображеніе расчлененіе словъ на знаменательныя части, т.е. на морфемы, мы должны бы установить другія, болѣе сложныя, формулы.

Глава 9.

Измѣненія и переходы въ языкѣ.

Чередованія /альтернаціи/.

§ 96. Не только въ одобренныхъ „ученымъ комитетомъ Нар.Просв." учебникахъ, но и въ сочиненіяхъ, претендующихъ на научность, мы находимъ утвержденіе, что та или другая часть одного слова „измѣняется" или „переходитъ" въ такую-то часть другого слова. Эти „измѣняющіяся" или „переходящія" другъ въ друга части могутъ быть или частями фонетическими / „звуками"/, или же частями, относящимися къ словоизмѣненію и словообразованію /по нашему „морфемами"/.

Такъ напримѣръ,

г словѣ другъ, нога „измѣняется" де въ ж словѣ друж-ба, нож-ка;

к словѣ рук-а, пек-у „переходитъ" де въ ч словѣ руч-ка, печ-ошь....

е словѣ вез-у, бер-у „измѣняется"де въ о словѣ возъ, боръ /на-боръ, с-боръ/,

о словѣ носить, ходить „переходитъ" де въ а словѣ нашивать, хаживать............;

о, е словѣ лобъ, день „выпадаетъ" де въ лб-а, дня...

д, т словѣ веду, цвѣту „выпадаетъ"де передъ л словѣ велъ, цвѣлъ.....

Точно также:

„имена на - анинъ, янинъ / ! / инъ теряютъ" де „во множ. числѣ звуки - инъ" - ;

„названія молодыхъ животныхъ на енокъ /!/ перемѣняютъ" де „во множ. ч. окончаніе на ята"/!/ „или ата";

„иныя имена во множ.ч. прибавляютъ къ основѣ ь или ов-ь, ев-ь /друзья, мужья, кумовья, зятья/";

„слова чуд-о, неб-о принимаютъ де „наращеніе" во множ.ч.,слова же мать, дочь „принимаютъ наращеніе" уже „начиная съ род.пад.ед.числа" и т.п..

§ 97. Всѣ подобныя переходы" и „измѣненія" являются досужими измышленіями грамматиковъ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не имѣется. Никто никогда не видалъ, какъ g /г/ слова нога „перехо-

цило" въ ž /ж/ словъ ножекъ, ножка. Никому никогда не удалось подмѣтить „выпаденія" или „исчезновенія" гласнаго о слова лобъ въ словахъ лб-а, лбу и т.п. Никто не посмѣетъ утверждать, что присутствовалъ при томъ, какъ на словѣ mat' /мать/ „наростало" ər /ер/ для того, чтобы могли возникнуть слова mát'ər'-i /матери/, mát ər'ju /матерью/ и т.д.. Каждый новый членъ даннаго языковаго общенія, въ настоящемъ случаѣ каждый новый индивидъ, подвергающійся оязыковленію на русскій ладъ, получалъ готовыми всѣ эти слова. Въ его голову проникала не только нога, но и ножка, ножекъ; не только нога, но и ноги, ногѣ и т.д.; не только лобъ, но и лба, на лбу; не только несу, но и несетъ, и несъ, и носитъ; не только мать, но и матери, и съ матерью, и матерей; не только жеребенокъ, жеребенка, но и жеребята, жеребятъ и т.д., точно также какъ проникалъ туда отецъ, независимо отъ матери, ходить независимо отъ сидѣть, пить независимо отъ ѣсть, я независимо отъ ты, тамъ независимо отъ здѣсь и т.д. И даже часто случалось, что мнимое производное /напр. ножка, на лбу, матери и т.п./ проникало въ психическій міръ даннаго индивида раньше, нежели мнимое первобытное /нога, лобъ, мать и т.д./

Только послѣ усвоенія данною головою извѣстнаго запаса параллельныхъ формъ совершается въ ней, благодаря ассоціаціи по сходству, упорядо-

ченіе этого богатства и установленіе произноси-тельно-слуховыхъ группъ и морфологическихъ типовъ.

Утверждать, что, напримѣръ, ž /ж/ словъ možǝt /можетъ/ развилось изъ g /г/ слова măgu /могу/, это почти тоже, что, замѣтивъ въ кухнѣ глиняный горшекъ и котелъ, или же глиняный горшекъ и кострюлю, считать данный котелъ или данную кострюлю происшедшими изъ даннаго горшка. Правда, исторически, въ исторіи культуры имѣется связь между горшкомъ и кострюлей и между горшкомъ и котломъ вообще; но о переходѣ наличнаго горшка въ наличную кострюлю или въ наличный котелъ рѣчи быть не можетъ.

§ 98. Само собой разумѣется, что, говоря, напримѣръ, о „переходахъ" или „измѣненіяхъ" „звуковъ", мы, съ нашей точки зрѣнія, должны вмѣсто „звуковъ" подставлять ихъ психическіе эквиваленты, т.е. фонемы. Звукъ, какъ переходящее акустическое впечатлѣніе, продолжаться и существовать не можетъ; поэтому мы никакъ не въ правѣ говорить объ измѣненіяхъ и переходахъ звуковъ, а могли бы только допускать измѣненія и переходы фонемъ въ фонемы. Но и это въ обыкновенномъ пониманіи не допустимо. Слово <u>можетъ</u> существуетъ въ нашемъ языковомъ мышленіи рядомъ съ словомъ <u>могу</u>. Эти слова сосуществуютъ тамъ какъ недѣлимыя цѣлыя и какъ цѣлыя, состоящія изъ частей. Слѣдовательно сосуществуютъ соотвѣтствующія другъ другу

морфемы: măg - /мог-/ //mož - γ - /мож-е-/;
- u /у/ // - γ - t /етъ/; да кромѣ того сосуще-
ствуютъ входящія въ составъ морфемъ фонемы: m /
ă // ó ; g // ž . .

§ 99. Откуда взялось это ученіе о подобныхъ „переходахъ" и „измѣненіяхъ" „звуковъ" въ „звуки" формъ въ формы и т.д.?

Оно является слѣдствіемъ свойственнаго нашему мышленію и міровоззрѣнію субъетивизма и смѣшенія понятій. Съ одной стороны наше грамматическое міровоззрѣніе является продолженіемъ грамматическаго міровоззрѣнія греческаго и римскаго. У Грековъ и Римлянъ грамматика была порабощена логикой въ грамматикѣ разсматривались прежде всего синтаксическія связи, и самое главное въ синтаксическомъ построеніи являлось тоже основнымъ для морфологическихъ сопоставленій и выводовъ. Формальнымъ центромъ предложенія было подлежащее, т.е. въ большинствѣ случаевъ именительный падежъ; и вотъ почему именительный падежъ сталъ основною формой изъ которой выводятся всѣ остальныя. „Звуки", свойственные формѣ именительнаго падежа, первичны, и „переходятъ" въ соотвѣтственные „звуки", встрѣчающіеся въ другихъ падежахъ. Изъ трехъ грамматическихъ родовъ родъ мужескій считается господствующимъ; поэтому при прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ принимаютъ основною исходною формой форму именит. пад. ед. ч. муж. рода и, съ помощью разныхъ „переходовъ" и „измѣненій", выводятъ изъ

нея всѣ остальныя формы. Во всемъ этомъ сказывается смѣшеніе синтаксиса съ морфологіей, т.е. вторженіе синтаксиса въ область морфологіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Съ другой стороны, благодаря эгоцентризму, свойственному каждому человѣческому мышленію вообще и языковому мышленію въ частности, основною формой въ глагольныхъ системахъ считается I-ое лицо единственнаго числа, и изъ этой якобы основной формы выводятся всѣ остальныя какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и по отдѣльнымъ частямъ. Поэтому не мудрено, что g /г/ формы могу переходитъ въ ž /ж/ формъ можешь, можетъ, можемъ, можете, а k формы сѣку переходитъ въ č /ч/ формъ сѣчошь, сѣчотъ, сѣчомъ, сѣчоте.

§ 100. Имѣются ли однакожъ въ языкѣ какіе либо дѣйствительные переходы и измѣненія?

Строго говоря, переходы въ собственномъ смыслѣ могутъ быть свойственны только безпрерывному ряду явленій, безъ всякихъ перерывовъ и пробѣловъ. Въ языковой области субстратомъ такихъ безперывныхъ явленій можетъ быть только индивидуальное языковое мышленіе. Между однимъ и другимъ индивидуальнымъ языковымъ мышленіемъ нѣтъ вовсе непосредственной связи, а взаимное пониманіе и общеніе обусловлено утилизаціей /использованіемъ/ окружающей насъ физической среды, до нашего собственнаго тѣла включительно. Слѣдовательно въ области племенного или національнаго языка, составляющагося

въ нашемъ теоретическомъ лингвистическомъ мышл-
нiи какъ гипотетическая /предположительная/ рав-
дѣйствующая /точнѣе, слагаемая/ отдѣльныхъ инд-
видуальныхъ языковыхъ мышленiй, не можетъ быть
рѣчи о переходахъ и постепенныхъ измѣненiяхъ в
строгомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь могутъ быть
только историческiя послѣдовательности, т.е.по-
ленiе въ языковомъ мышленiи лингвистическихъ п-
томковъ того, чего не было въ языковомъ мышле-
лингвистическихъ предковъ.

Итакъ, какiе же бываютъ переходы и измѣне-
въ области языка вообще?

§ IOI. I/ Переходы въ текущей рѣчи, во вре-
мышленiя вообще, сопутствуемаго особыми рядами
языкового мышленiя. Тутъ предшествующiя предс-
ленiя смѣняются слѣдующими: первыя „переходят-"
во вторыя. Это относится какъ къ произносител-
слуховымъ, такъ и къ морфологическимъ предста-
ленiямъ: фонема предшествующая „переходитъ" въ
слѣдующую; морфема предшествующая „переходитъ"
слѣдующую; синтагма предшествующая „переходит-"
въ слѣдующую.

[То же самое mutatis mutandis имѣет-
мѣсто въ области писанно-зрительнаго или граф-
чески-оптическаго языка.]

Конечно, если при этомъ мобилизуются тоже
исполнительные органы и мы „произносимъ", смѣ-
произносительно-слуховыхъ представленiй сопро-

ается тоже смѣною ихъ /тихъ представленій/ внѣшихъ знаковъ или дѣйствующихъ на наши чувства выразителей: смѣною группъ мускульныхъ работъ и мускульныхъ ощущеній; смѣною соотвѣтственныхъ слуховыхъ впечатлѣній.

Такъ напр. въ мыслимой фразѣ „сама себѣ раба бьетъ":

Представленія отдѣльныхъ работъ въ полости рта, въ полости гортани и т.д. слѣдуютъ другъ за другомъ по очереди;

точно также слѣдуютъ другъ за другомъ соотвѣтствующія тѣмъ представленіямъ представленія частныхъ акустическихъ /слуховыхъ/ оттѣнковъ,

фонема s переходитъ въ фонему ă, фонема a въ фонему m, фонема m въ фонему á, фонема a въ фонему s' и т.д.,

представленіе слога sa смѣняется представленіемъ слога ma', это послѣднее представленіемъ слога sĕ и т.д.,

морфема sam - переходитъ въ морфему á, морфема a въ морфему s' -, морфема s' - въ морфему - eb' -, - eb' - въ - á, - a въ răb,- răb - въ - á, - á въ bj -, bj - въ -o'- -o'- въ t;

синтагма /слово/ sămá смѣняется синтагмой sĕbá, синтагма sĕbá синтагмой răbá, а эта послѣдняя синтагмой bjót.

Въ произносительно-слуховомъ исполненіи названной фразы мы получимъ дѣйствительно переходы пред-

шествующихъ звуковъ въ слѣдующіе: они будутъ
довать другъ за другомъ въ томъ же порядкѣ,
соотвѣтствующія имъ фонемы.

§ 102. 2/ Мы можемъ вызывать въ своемъ
ковомъ мышленіи произвольную очередь фонетич
/произносительно-слуховыхъ/ представленій,
производить, такъ сказать, произвольные „опы
въ этой области. При этомъ мы можемъ: а/ или
людать постепенность, подставляя напр. при
махъ только по одному частному представленію
сто другого /p p' b' m' n' d' d g
x ʒ ʒ' z' z .... рядъ фонемъ бли
ше „родственныхъ" по исполненію и по акусти
скому результату/; б/ или же, не стѣсняясь
постепенностью, подставлять безъ ограниченій
бое представленіе вмѣсто другого. Это послѣд
имѣетъ мѣсто, независимо отъ нашего сознате
го руководства, во время текущей рѣчи, что и
ло разсмотрѣно подъ № I въ § 101.

Нѣчто подобное происходитъ тоже въ голо
„ученыхъ" и менѣе ученыхъ, которымъ кажется,
например̌ъ, g слова могу переходитъ въ ž
за можешь: подумалъ сначала могу съ фонемою
затѣмъ можешь съ фонемою ž, и вотъ g пере
него въ ž.

Точно также въ некритическихъ головахъ
ки" разныхъ языковъ могутъ переходить друг
друга: церковно-слав. жд переходитъ въ рус
ж; церковно-слав. ра, ла въ русское оро, о

ческое φ въ латинское f , въ славянское
и т.д.. При этомъ, конечно, эти некритическія
ловы грѣшатъ постоянно смѣшеніемъ буквъ со зву-
ми, графемъ съ фонемами.

§ 103. 3/ Гораздо болѣе важнымъ является пе-
ходъ фонаціоннаго /произносительнаго/ намѣренія
исполненіе, т.е. несовпаденіе намѣренія съ
полненіемъ, фонаціонной /произносительной/ мо-
лизаціи съ ея осуществленіемъ, т.е. фонаціон-
мъ /произносительнымъ/ дѣйствіемъ. Фонаціонное
мѣреніе ограничивается или даже совсѣмъ пара-
зуется какъ непреодолимою силой (vis major)
роенія органовъ рѣчи и механики ихъ движеній,
къ и привычками къ извѣстному построенію фоне-
ческаго цѣлаго /фонетическаго слова, фонетиче-
ой фразы/ Это подходитъ подъ общее понятіе
йственой нашему организму автоматизаціи и не-
оизвольныхъ рефлексовъ.

Такъ напр. одинаковая фонема d' мыслимыхъ
овъ день и дня иначе исполняется въ одномъ /день/,
въ другомъ /дня/Фонема a, упрочившаяся въ
шей психикѣ въ рядѣ формъ го́да, го́ду, го́домъ,
…., хо́лода, хо́лодомъ..., должна въ исполне-
и словъ годъ, холодъ... дать и видоизмѣненный
мплексъ работъ, и другое акустическое впечат-
ніе. Мыслимая звонкая фонема r въ словахъ ми-
стръ, Петръ, смотръ ... становится глухою. Глу-
я среднеязычная фонема δ', проявляющаяся въ
полненіи въ независимыхъ /минимально-зависи-

мыхъ/ положеніяхъ въ такихъ словахъ, какъ про
проситъ, просятъ. въ словѣ просьба волей нево
становится звонкою. Въ словахъ, съ одной стор
косточка, костоправъ и т.п., съ другой же сто
ны кости, кость и т.д., въ сочетаніяхъ st, s't'
только вторыя фонемы мыслятся самостоятельно,
какъ несреднеязычная / "твердая", въ st /, или
какъ среднеязычная / "мягкая", въ s't' /, прои
шеніе же предшествующихъ имъ фонемъ со сторон
работы средней части языка опредѣляется сочет
ніемъ.

Какъ уже замѣчено въ § 74 подъ № 35, рас
деніе одинаковыхъ психически фонемъ на разно
ности со стороны исполненія можетъ сначала д
вовсе не замѣчаться, затѣмъ, при передачѣ язы
выхъ представленій путемъ междучеловѣческаго
щенія отъ предшествующихъ поколѣній къ покол
ніямъ слѣдующимъ, замѣчаться, со стороны вос
нимания, какъ обособившіяся акустически фоне
но обособившіяся пока только акустически, и
нецъ, завершиться упроченіемъ въ языковомъ м
ніи тоже обособленности со стороны фонаціон
/произносительной/. И это ведетъ къ созданію
выхъ вполнѣ опредѣленныхъ психически единицъ
языковомъ мышленіи даннаго племени со сторо
произносительно-слухового состава этого мышле

§ 104. 4/ Подобныя появленія въ языков
мышленіи потомковъ того, чего не было въ язы
вомъ мышленіи предковъ, подходятъ подъ понят

<u>историческихъ</u> измѣненій, историческихъ послѣдовательностей, переходовъ въ исторіи языка.

Такъ напр. въ словахъ *vóz* /везъ/, *lód* /ледъ/... точнѣе, со стороны воспринимательной, *vós*, *lót*..., мы имѣемъ:

Новѣйшее исторически явленіе конечныхъ глухихъ согласныхъ *s*, *t*........., можетъ быть, у нѣкоторыхъ носителей русскаго языкового мышленія уже отдѣлившихся, какъ всесторонне самостоятельныя фонемы, отъ фонемъ *z*, *d* .... формъ *véz-lá* /везла/, *véz-ú* /везу/... *l'd-a* /льда/; *l'd-om* /льдомъ/...

Въ формѣ *vós* отсутствіе въ концѣ слова послѣ *s* всякаго рода согласнаго /нуль согласнаго/, восходящее однакожъ къ предшествовавшей стадіи глухого согласнаго *l* : **vós'l* x/ .....

Отсутствіе въ концѣ обѣихъ этихъ формъ всякой гласной фонемы /нуль гласнаго/ восходитъ исторически къ ослабленной гласной фонемѣ *ŭ* /въ первоначальной церковно-славянской письменности съ ней ассоціировалась графема *ъ*, „еръ"/. Подобныя слабѣющія при передачѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію фонемы сначала еще всегда произносятся, т.е. исполняются согласно намѣренію, затѣмъ становятся <u>факультативными</u>, т.е. только всегда мыслимыми, но не всегда исполняемыми, и наконецъ, все болѣе слабѣя, исче-

x/ Съ помощью звѣздочки передъ письменною передачей извѣстнаго слова, извѣстной морфемы, извѣстной фонемы... принято указывать на ихъ гипотетичность

заютъ окончательно и изъ языкового центра, какъ вмѣстилища произносительно-слуховыхъ представлений.

Начальныя согласныя фонемы этихъ словъ, l'ot теперь самостоятельно средне-язычны, или „мягки", но эта ихъ самостоятельная среднеязычность въ исторіи племенного языка, т.е. при передачѣ произносительно-слуховыхъ представленій отъ предковъ къ потомкамъ, обязана своимъ происхожденіемъ произносительному сосѣдству со свойственною историческимъ предшественникамъ этихъ словъ среднеязычною гласною фонемою e .

Вызвавъ среднеязычность или „мягкость" въ своемъ непосредственно предшествующемъ сосѣдѣ, т.е. въ начальной согласной фонемѣ слова, заразивъ, такъ сказать, своего предшествующаго сосѣда среднеязычностью, сама эта гласная среднеязычная фонема e стала подвергаться постепенно воздѣйствію своего слѣдующаго сосѣда, т.е слѣдовавшей за нею несреднеязычной фонемы, или. Благодаря этому вмѣсто прежней фонемы e появилась со временемъ въ такихъ сочетаніяхъ фонема o, т.е. совершился историческій „переходъ" фонемы e подобныхъ словъ въ фонему o .

§ 105. Точно также совершился историческій переходъ фонемъ k, g ....., подвергшихся осреднеязычненію / „смягченію"/ со стороны слѣдовавшихъ за ними среднеязычныхъ фонемъ, снача

ъ самостоятельно среднеязычныя k', g' .... и за-
тѣмъ историческое перерожденіе этихъ k', g' ....,
поведшее въ окончательномъ результатѣ то къ č,
ǯ, то къ c, ʒ, то къ ć, ž, то къ c, z, то
къ š, ž, то къ s, z и т.п..

Осреднеязычненныя" / смягченныя"/ переднеязычныя фонемы t', d', s', z', тоже перерождаются исторически по направленію къ c', ʒ' ... или т.п.

Латинская фонема j перерод̇илась исторически въ разныхъ романскихъ языковыхъ областяхъ въ разныя другія фонемы. Точно также различно перерождалась и переродилась латинская фонема k въ сочетаніи ka при постепенномъ переходѣ въ новороманскія языковыя состоянія. Ср. хотя бы французскія chambre, chandelle, chanson, chose /лат. causa /, chien /лат. canis /... и соотвѣтствующія имъ слова въ другихъ романскихъ языковыхъ областяхъ: ладинской /фурлано-гриджонской/, итальянской, провенсальской, испанской, румынской и т.д..

§ 106. Покажемъ эти различныя измѣненія, т.е. съ одной стороны, переходы намѣреній въ исполненія въ данный моментъ исторіи языка, точнѣе говоря у одного и того же носителя даннаго языкового мышленія, съ другой же стороны, историческіе переходы при передачѣ языковыхъ представленій отъ предковъ къ потомкамъ, на словахъ или же формахъ одного и того же слова день /дён̈ъ/ дня..., въ транскрипціонной услов-

ной символизаціи произносительно-слуховыхъ представленій: d'eń , d'on , dńa ....,
а съ соблюденіемъ дѣленія на морфемы: d'eń , d'on, dń-a.

Переходъ произносительныхъ /фонаціонныхъ/ намѣреній въ дѣйствительныя исполненія касается: распаденія фонемы d' на двѣ разновидности, одну въ d'eń , d'on , другую въ dńa ; исполненія фонемы e слова d'eń приноровительно къ слѣдующей фонемѣ среднеязычной /„мягкой"/, т.е. со съуженіемъ /см. § 80 № 8/.

Историческіе „переходы", касающіеся этихъ словъ, можно представить наглядно слѣдующимъ образомъ:[x]

* dĭn-ĭ ⇒ * d'ĭń-ĭ ⇒ d'eń (d'ĭń)
* dĭn-ŭ ⇒ * d'ĭn-ŭ ⇒ * d'en ⇒ d'on
* dĭn-e ⇒ * d'ĭń-e ⇒ { * d'ĭń-e ⇒ dń... / * d'ĭń-i ⇒ dń...

Что же при этомъ произошло?

1/ Осреднеязыченіе /„смягченіе"/ согласныхъ фонемъ въ сочетаніи со слѣдующими среднеязычными /палатальными/ гласными фонемами ĭ и e;

2/ устраненіе изъ языкового мышленія особыхъ гласныхъ фонемъ ĭ и ŭ; онѣ или совершенно исчезли, или же слились съ другими: вм. ŭ появились или 0 /нуль/, или o, вм. ĭ – или 0 /нуль/, или e;

3/ вслѣдствіе этого слова, въ составъ кото-

x/ Знакъ ⇒ значитъ: предшествующее перешло въ слѣдующее.

[и]хъ входили раньше эти гласныя фонемы ĭ, ŭ, [со]кратились на одинъ слогъ: dĭnĭ ⇒ dén; [dĭ]n-ŭ ⇒ dén; dĭn-e ⇒ dń-e;

4/ гласная фонема e, въ сочетаніи со слѣдую[щ]ею несреднеязычною гласною фонемой, "перешла" [ис]торически въ 0.

§ 107. До сихъ поръ все въ порядкѣ, все сво[д]ится къ историческимъ замѣнамъ прежнихъ фонемъ, [од]нѣхъ фонемъ, новыми фонемами. Но какъ быть съ пе[ре]ходомъ dĭń-e въ dĭń-i и затѣмъ съ пе[ре]ходомъ какъ dń-e, такъ и dń-i въ dń-a? [Н]ужели здѣсь конечная гласная фонема e "пере[шл]а" въ i, а обѣ эти фонемы e и i въ a? [Н]икоимъ образомъ. Здѣсь имѣемъ дѣло не съ замѣной [ф]онемы фонемой, а съ замѣной морфемы морфемой. Тутъ [пре]дставитель рѣдкаго, пережиточнаго, исчезающаго [ти]па склоненія уподобился типу сильному, типу жи[во]му, типу господствующему: при замѣнѣ формы [dĭ]ń-e формою dĭń-i произошло уподобленіе [бол]ѣе сильному типу, съ конечной морфемой i въ род. [ед]. /ср. put́-i, *gost-i, *golub-i ...../; [пр]и появленіи же формы dń-a, вмѣсто какъ [d]ń-e такъ и dń-i, произошло уподобле[ні]е самому сильному типу существительныхъ муж. р., [съ] конечною морфемою a въ род. ед. /vóz-a, [g]ód-a, stol-á, koń-á,.../.

Точно также вм. прежнихъ gósť-i, gólub́-i [k]áméń-i /и раньше káméń-e/....появились [g]ost́-a, golub́-a, káméń-a и [k]...

/съ подведеніемъ основы склоненія подъ другой тип
Въ gost'-a, golub'-a окончаніе - a не м
жетъ быть исконнымъ; если бы оно было таковымъ,
тогда мы бы имѣли *gòšč-a, *gòlubl'-a.

Подобныя замѣны не фонемъ фонемами, а морфем
морфемами носятъ названіе измѣненій по „аналогіи"
Болѣе подходящимъ надо считать терминъ: морфологи-
ческая ассимиляція, морфологическое уподобленіе,
морфологическое уодноображеніе.

§ 108. Изъ предшествующаго явствуетъ, что мы
никакъ не можемъ называть звуковыми измѣненіями
или переходами то, что обыкновенно окрещивается
этимъ именемъ.

Измѣненій или переходовъ слѣдуетъ искать въ
другихъ областяхъ /§§ 103, 104/. То, что некрити-
ческіе поверхностные умы понимаютъ какъ „переход"
или „измѣненіе", подходитъ подъ понятіе сосущест-
вованія, совмѣстнаго нахожденія, нахожденія рядо
въ одномъ и томъ же языковомъ мышленіи. Такого р
да сосуществованіе разновидностей мы называемъ ч
редованіемъ или альтернаціей.

Чередованія или альтернаціи бываютъ разныхъ
видовъ и степеней. Здѣсь мы укажемъ только на дв
главныхъ вида:

I/ Однѣ альтернаціи объясняются настоящимъ
даннаго племенного языка, точнѣе: объясняются тѣ
что по необходимости происходитъ въ каждомъ носи-
телѣ даннаго языкового мышленія. Источникомъ под
ныхъ альтернацій является несовпаденіе фонаціон

/произносительнаго/ намѣренія съ исполненіемъ /§ 103/. Ср. тоже то, что сказано о фонемѣ im . ассоціируемой съ русскими графемами или <u>ы</u> или же <u>ы</u>, <u>i</u>, §§ 60, 80 № 7.

2/ Другія альтернаціи объясняются только исторически, какъ развѣтвленія первоначально единаго на два или болѣе видоизмѣненій, совершившіяся съ теченіемъ времени, при передачѣ языкового мышленія отъ лингвистическихъ предковъ къ лингвистическимъ потомкамъ /§ 104/.

Исходною точкой или базисомъ перваго рода альтернацій слѣдуетъ считать однородную фонему, исполненіе которой приспособляется къ условіямъ сочетанія фонемъ, къ условіямъ фонетическаго построенія слова и къ условіямъ произношенія вообще. Исходною же точкою или базисомъ альтернацій второго рода слѣдуетъ считать не единую, однородную фонему, а морфему, опредѣляемую, съ одной стороны, своимъ произносительно-слуховымъ составомъ /т.е. составомъ изъ произносительно-слуховыхъ представленій/, съ другой же стороны ассоціаціей какъ съ представленіями внѣязыковыми семасіологическими, такъ и съ представленіями морфологическаго характера.

Такъ напр. чередованіе или альтернація двухъ разновидностей фонемы d' въ словахъ dèn' и dńa имѣетъ своимъ основаніемъ /базисомъ/ и исходною точкой отвлеченное единство именно этой фонемы. Но рядомъ съ этимъ мы имѣемъ историческую альтернацію или историческое чередованіе морфемъ

d́en // d́on // d́in x/ . А такъ какъ

фема состоитъ по необходимости изъ фонемъ и во

изъ произносительно-слуховыхъ представленій,

альтернація морфемъ разлагается на альтернаціи

немъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ альтернаціи:

e // o // 0 /нуль/; n // ń .

Точно такъ же въ словахъ v́os /везъ/,

v́ĕz-l-á /везла/, v́ĕz-ĺ-í /везли/; v́ĕz-

/везу/, v́ĕz-ót /везетъ/, vos /возъ/, vó

/воза/, vŏz-í-ť /возить/... мы констатируемъ

тернаціи перваго рода: -s//-z-, -o//-ă-,

кромѣ того альтернаціи второго рода: v́ // v

0 /нуль/ // l; o // e; l // ĺ; z // ź.

§ 109. Нѣкоторыя изъ альтернирующихъ особе

ностей „морфологизуются", т.е. становятся призна

комъ извѣстныхъ формъ, иначе: ассоціируются съ

представленіемъ той или другой формы. Объ этомъ

уже говорилъ при обозрѣніи произносительно-слухо

вого состава русскаго языкового мышленія /§§ 62,

63, 64, 76, 79 № 5/.

Напр., среднеязычность и несреднеязычность

гласныхъ фонемъ въ склоненіи существительныхъ

/stol // stoĺ -; stén - // sťén -...

въ спряженіи глаголовъ /ńes - // ńeś, v́e

v́eď ...../, въ словообразованіи /vod - // v

nos - // noś .../; / k // č, g // ž

словообразованіи /tok - // toč -, rok - // roč

mnog - // množ -, ruk - // ruč -, no

x/ Знакъ // служитъ символомъ чередованія или альте

nož -/, въ спряженіи /p'ek -//p'eč -, t'ek -// t'eč -, b'er'eg -//b'er'ež -/; ударяемость /b'er'eg-á, kolokol-á ..., na b'er'eg-ú, v xăd-ú ...; xáž-iv-a-t', t'áx-iv-a-t'.../и.

Благодаря „морфологизаціи" фонемъ и произносительно-слуховыхъ представленій вообще совершаются, путемъ личнаго языкового творчества, подстановки однихъ видовъ морфемъ вмѣсто другихъ, унаслѣдованныхъ путемъ историческаго преданія.

§ 110. Особаго рода историческія альтернаціи получаются благодаря усвоенію изъ другого близкаго языка цѣлаго ряда словъ съ извѣстнымъ фонетическимъ /произносительно-слуховымъ/ составомъ, соотвѣтствующимъ опредѣленному фонетическому составу въ родственныхъ словахъ, сложившихся въ такомъ видѣ безъ всякаго заимствованія, при простой передачѣ племенного и національнаго языкового мышленія отъ лингвистическихъ предковъ къ лингвистическимъ потомкамъ.

Сюда относятся, напримѣръ, русскія слова, перешедшія въ русское языковое мышленіе путемъ книжно-церковнаго вліянія, съ Балканскаго полуострова. Такія морфемы и сочетанія морфемъ, какъ grad- и gražd- /градъ, градоначальникъ, гражданинъ, заграждать/, vrat- и vrašč- /врата, привратникъ, вращаться/, mrak- и mrač- /мракъ, мракобѣсіе, мрачный/, nrav- и nravl'- /нравъ, нравиться, нравлюсь/, sram- и sraml'- /срамъ, посрамлены/, krat- и krašč- /кратъ, кратный, сокращать/...., glav- и glavl'- /глава,

заглавіе, главный, оглавленіе/, mlad-/млад
нецъ/, vlak-/ и lak-/ и vlač-
(lač-) /влачить, облако, облачно/, vlag
и vlaž- /влага, влажный/, vlad- и
vlas- /владать, владѣть, власть/, slad
/сладкій/, zlat- /златая чаша/...... bŕeg-
и bŕež- /небрежно/, pŕed- /представить,
предокъ/, sŕed- /среда, средній/, čŕed- и
čŕežd- /учредить, учредительный, учрежденіе
žŕeb- /жребій/..... mĺek- и mĺeč
/млекопитающія, млечный/, vĺek- и vĺeč-
/влеку, влеченіе/, pĺen- /плѣнъ, плѣнить/..
рядомъ съ другимъ исконно русскимъ видомъ тѣхъ
съ точки зрѣнія историческаго источника, морфем
а именно: gorod- и gorož- /городъ, горо
ничій, городовой, горожанинъ, загороженъ/, vorot
и voroč- /ворота, воротить, ворочу/, moro
и moroč- /морокъ, мороковать, морочить/, no
rov- и norovl'- /норовъ, приноровленъ/, sor
/соромъ/, korot- и koroč- /короткій, укороч
golov- /голова, головной, изголовье/, molo
и molož- /молодъ, молодецъ, моложе/, volok
и voloč- /волока, волокъ, сволочь/, volod
и volos- /волость/, solod- /солодъ/, zolo
и zoloč- / золотой, золоченый/..., beŕeg-
beŕež- /берегу, бережошь, бережно/, peŕed
/передъ, передникъ, передокъ, передовой/, seŕed
/середа, середина/, čeŕed- /чередъ, чередо
ваться/, žeŕeb- /жеребенокъ/...., molo

molo*č*-/молоко, молочный/, volok- и volo*č*- /волоку, волочь/, polon-/полонъ, полонить/...., показываютъ опредѣленное соотвѣтствіе сочетаній -ra-, -la-, -re-le- въ словахъ церковно-славянскаго происхожденія сочетаніямъ -oro-, -olo-, -ere-, -olo- словъ исконно-русскихъ.

Нѣчто подобное повторяется и въ началѣ словъ, гдѣ сочетанію ra- словъ церковно-слав,происхожденія соотвѣтствуетъ ro- въ словахъ исконно-русскихъ, продолжающихъ тотъ же историческій источникъ: rab- /рабъ/, rav- /равный, равенство/, raz-/разумъ, распря/.... рядомъ съ rob- /робкій, робота, робѣть/, rov /ровный, ровня/, roz /розыскъ, роспись/....

§ III. Параллельные ряды морфемъ и ихъ сочетаній, съ одной стороны вошедшихъ въ русское языковое мышленіе въ составѣ цѣльныхъ словъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянской письменности /изъ церковно-славянскаго писанно-зрительнаго языка/ и изъ произносительно-слухового языка церкви, съ другой же стороны, получившихъ теперешній видъ путемъ передачи русскаго языкового мышленія по прямой линіи отъ лингвистическихъ предковъ къ лингвистическимъ потомкамъ, такіе параллельные ряды имѣются тоже въ тѣхъ случаяхъ, когда фонемамъ ž и č исконно-русскихъ словъ соотвѣтствуютъ сочетанія фонемъ šd и šč /šš/ въ словахъ церковно-славянскаго происхожденія. Примѣры:

съ одной стороны xožd-/хожденіе, пр… хожденіе/, rožd-/рожденіе, рождество, рожда… vožd-/навожденіе, вождь/, m̆ežd-/межд… междометіе/, vŕežd-/поврежденіе/, pŕežd… /прежде, предупреждать/, tŕužd- /утружд… gražd-/гражданинъ, награжденіе/, slaž… /услаждать/, čŕež-d- /учреждать/. …. śvešč- /освѣщать, просвѣщеніе/, muš… /возмущать, возмущеніе/, vrašč-/возвращат… развращать, вращаться, совращеніе/, krašč… /сокращать, сокращеніе/…., -ušč -,-ašč… /могущій, дремлющій, висящій, горящій…./…. mošč- /мощь, мощный/, nošč-/всенощная…

съ другой же стороны, xož- /хожу, хож… хожалый, хаживать/, rož-/рожу, роженица, ро… vož- /вожу, вожака, вожатый/, m̆ež- /ме… межевой/, vŕež- /обезвреживать/, pereč… /опереживать/, tŕuž- /труженикъ/, goro… /горожанинъ, горожу, загораживать/…, śveč… /свѣча, свѣчу, просвѣчивать/, muč-/мучу, … чивать/, voloč- /волочу, ворочать ворачив… koroč-/корочу, укорачивать/….. - uč… -ač-/ могучій, дремучій, висячій, горячій… moč /мочь, моченька/, noč /ночь, но… ночникъ/.

§ 112. Эти и этимъ подобныя чередованія и… альтернаціи, въ родѣ чередованій русскихъ морф… съ -oro-//-ra-, -olo-//-la-… или же въ родѣ чередованій русскихъ морфемъ с…

- ž -//- žd -, - č -//- šč -, могутъ укладываться въ параллельные ряды сами собой, безъ всякаго посредничества третьихъ альтернирующихъ или чередующихся фонемъ или сочетаній фонемъ. Вѣдь каждой изъ подобныхъ чередующихся группъ, смотря по ея историческому происхожденію, свойственны другого рода семасіологическія ассоціаціи: слова исконно-русскія характеризуются ассоціацiей съ семасіологическими представленіями более конкретными, будничными, простыми, свѣтскими, словесными, тогда какъ словамъ церковно-славянскаго происхожденія свойственны ассоціаціи съ представленіями более абстрактными /отвлеченными/, праздничными, сложными, духовными, литературными....

Но возможно тоже возникновеніе подобныхъ сводныхъ альтернацій или чередованій при содѣйствіи психическаго процесса, напоминающаго математическое умозаключеніе: двѣ величины, равныя третьей, равны между собой, или т.п.. Точно также и здѣсь: двѣ фонемы или группы фонемъ, чередующіяся съ третьей фонемою или группою фонемъ, чередуются /альтернируютъ/ между собою. Если въ цѣломъ рядѣ морфемъ ž чередуется съ d'i /рожать/родить/ и если žd чередуется съ d'i /родить/рождать/, то, понятно, и ž чередуется съ žd /рожать/рождать/. Если č чередуется съ t'i /свѣтить/свѣчу/ и если šč чередуется тоже съ t'i /просвѣтить/просвѣщеніе/, то, конечно, и č чередуется съ šč . Чередованіе -ra-//- oro -

/вертѣть/ворота/ и -er -//- ra- /вертѣть/в
та/ ведутъ, какъ къ послѣдствію, къ чередовані
-oro-//-ra- /ворота/врата/...; но здѣсь т
именно, при -oro-//-ra-, -olo-//-la-,
-ere-//-re ....., такіе предположительно
средничавшія чередованія /альтернаціи/, -er
-oro- и -er-//-ra-, -ol-//-olo ...
весьма рѣдки, такъ что объ ихъ посредничествѣ
возникновеніи тѣхъ чередованій или альтернацій
/-oro-//-ra- и т.д./ и рѣчи быть не мож

§ 113. Сходное явленіе возникновенія альт
націй, составленныхъ изъ одного члена, развивш
гося въ собственной языковой /племенной или на-
ціональной/ средѣ, и изъ другого члена заимств
ваннаго, встрѣчаемъ, напримѣръ, во французском
языковомъ мышленіи. Рядомъ съ исконно-французск
ми chant /историческое продолженіе латинск
го cantus/, chanoine/лат. canoni
chaine /лат. catena/, chair /ла
caro/, chaire /лат. cathedra/, cha
leur /лат. calorem/, chaud/лат.
calidus/, chambre/лат. camera/
champ /лат. campus/, choir
/лат. cadere/, chandelle /лат. cand
la/, changer /лат. cambiare, chap
/лат. capitulum/, chef /лат. capu
charbon /лат. carbonem/, charité
/лат. caritatem/, charte /лат. char
chasser/лат. captiare/, chétif

лат. captivus /, chaste /лат. castus/, hat /лат. catus /, château /лат. cas-llum /, cheminée /лат. caminata/, her /лат. carus /, cheval /лат. ca-allus /, cheveu /лат. capellus /, chèvre лат. capra /, chien /лат. canis /, hose /лат. causa / ..... имѣются вошед-ія во французское языковое мышленіе или изъ ла-нской письменности, или же въ рѣдкихъ случаяхъ, зъ другихъ романскихъ языковыхъ областей: cantique, anonique, carnivore, cathédrale, alorifère, camp, cadence, can-llabre, cambium, capitule, ca-itaine, carbone, carte, captif, aste, castel, cavalier, capi-llaire, caresse, caprice, ca-nicule, cause ....

Такимъ образомъ, головы, начиненныя француз-имъ языковымъ мышленіемъ, являются вмѣстилищемъ атеріала для извѣстной части „сравнительной грам-атики" романскихъ языковъ и для исторіи одной изъ бластей этого языкового міра.

§ II4. И вообще носителемъ матеріала для сравнительной грамматики и для сравнительной ха-ктеристики нѣсколькихъ языковыхъ мышленій яв-яется всегда одна человѣческая голова. Вѣдь если то либо занимается этими вопросами въ качествѣ сслѣдователя и ученаго, онъ долженъ перенести о свою голову, въ видѣ представленій, сравнивае-

мые факты, - дѣйствительные ли факты, или только предположительные /гипотетическіе/, - это все равно.

Но не только голова изслѣдователя является носителемъ матеріала для сравнительной грамматики. Какъ мы только что видѣли, такимъ вмѣстилищемъ матеріала для извѣстнаго отрывка или вырѣзка изъ сравнительной грамматики является голова самаго обыкновеннаго француза. Точно также голова, начиненная русскимъ языковымъ мышленіемъ, поелику въ ней имѣются чередованія /альтернаціи/ морфемъ, заключающихъ въ себѣ фонему <u>č</u>, съ морфемами, заключающими въ себѣ фонему <u>jč</u> /точно также <u>ž</u> // <u>žd</u>, oro // ra, olo // la и т.д./, вмѣщаетъ въ себѣ матеріалъ для сравнительной грамматики. Мы можемъ, такъ сказать, открыть эту голову, вглядѣться въ нее и вычитать въ ней вырѣзокъ изъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ.

Мы можемъ идти дальше и найти въ русскимъ языковомъ мышленіи матеріалъ не для одной только сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, но и для сравненія славянскихъ языковъ съ другими языками аріоевропейскими.

Наличность въ русскомъ языковомъ мышленіи словъ <u>братъ, фратеръ</u> /илъ латинскаго названія католическаго монаха/, <u>брудершафтъ</u> /изъ нѣмецкаго/ даетъ намъ матеріалъ, правда, тощій, но все таки матеріалъ для сравненія славянскихъ языковъ съ латинскими и германскими.

[со]поставимъ еще:

[...]ь, матери.../матрица, матрикула/ метрика, метро[пол]ія или митрополія, митрополитъ [славянскія, ла[тин]скія, греческія];

[...]ь, мышца /мускулъ, мускулистый/ міологія......,

[...]а /гинекологія.......;

[...]ь, дѣять, дѣло /тезисъ.......;

[...]ь, даръ, данный /дата.......;

[де]сять, десятникъ /деканъ, децемвиръ, дециметръ/ [де]калогъ, декаметръ.......;

[...], сотникъ /центиметръ/ гектаръ, гектометръ....;

[...]ъ, возница /вагонъ, вагоновожатый.........;

[со]браніе, соборъ /конференція......

Въ иныхъ случаяхъ въ русскомъ объективномъ [язы]ковомъ мышленіи находимъ матеріалъ для сравни[те]льной грамматики двухъ или больше аріоевропей[ски]хъ языковъ, съ исключеніемъ славянскаго языко[во]го міра. Такъ напр.: диктатура /дидактика, дан[ти]стъ/ одонтолитъ...

Наконецъ, вглядываясь въ русское языковое мыш[ле]ніе, мы найдемъ въ немъ матеріалъ для опредѣле[ні]я различныхъ источниковъ словъ, входящихъ въ это [мыш]леніе: съ точки зрѣнія географіи, т.е. мѣста, [отк]уда получилось слово; съ точки зрѣнія исторіи, [т.]е. времени заимствованія; съ точки зрѣнія раз[лич]ія между заимствованіемъ словеснымъ, въ обла[сти] языка произносительно-слухового, и заимствова[ні]емъ книжнымъ, путемъ вліянія письменныхъ памятни[ко]въ. Напр.: хоромы /храмъ/ гаремъ...; магистръ

/мастеръ/ метръ /метрдотель/....

§ 115. Получивъ изъ русской головы, вмѣщаю[щей] въ себѣ слова /точнѣе: морфемы/ съ č и слова съ šč, слова съ ž и словъ съ žd, слова съ -oro-, -olo- и слова съ -ra-, -la- и т.д., матеріалъ для сравнительной грамматики, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ толчекъ къ извѣстнымъ [со]ображеніямъ, выводамъ и умозаключеніямъ.

Прежде всего мы замѣчаемъ, что,какъ вообще при альтернаціяхъ /чередованіяхъ/ историческаго характера, такъ и здѣсь сравненіе фонемъ основы-вается на ихъ принадлежности къ извѣстнымъ морфе-мамъ.

Не всякое вообще ž чередуется съ žd и на-оборотъ, а только такія ž и такія žd, кото-рыя со своей стороны чередуются или могли бы че-редоваться съ d'i. Фонема ž морфемы vož- въ словѣ vož-u /вожу/, связанномъ съ voz /возъ/, voz- -/возить/, морфемы kaž- /скаж[у], скажешь..../, морфемы mož /можешь, можетъ/ и т.п. никогда не можетъ чередоваться съ žd. Со-четаніе фонемъ žd въ словахъ ждать, вражда и т.п. не можетъ чередоваться съ ž.

Фонема č морфемъ roč /урочный,пророч[ество]/, ruč- /ручка/, šeč- /сѣчотъ.../ и т.п., чередующаяся съ фонемою k, а не съ сочетані[емъ] фонемъ t'i, никакъ не можетъ чередоваться съ šč. Точно также сочетаніе фонемъ šč / šš/ въ мор-фемахъ ščem -щемитъ/, ščuk- /щука/, išč- /ищ...

rošč - /роща/, *pušč* - /пущу/ .... чередуется, правда, или могло бы чередоваться со *sk* - /оскомина, искать ..../, или же со *sti* - /пустить.../, но объ его чередованіи съ однимъ только *č* рѣчи быть не можетъ.

§ 116. Затѣмъ, всякое ли *-oro-*, *-olo-* и т. д. словъ исконно-русскихъ должно чередоваться съ *-ra-*, *la-* родственныхъ словъ, вошедшихъ въ русское языковое мышленіе, путемъ книжнаго вліянія, съ Балканскаго полуострова, или же всякое ли такое *-oro-*, *-olo-* или же *-ra-*, *-la-* можетъ послужить матеріаломъ для сравнительной грамматики въ указанномъ только что смыслѣ?

Развѣ рядомъ съ градъ /не „городъ", а метеорологическое явленіе/ возможно городъ, а рядомъ съ храсть, правый .... тоже короcть, поровнй? Рядомъ съ гладкій, плакать, слава.... возможны ли голодкій, полокать, солова? Допустимы ли для бредъ, древній, гремѣть, гребетъ, грести... альтернаціи съ бередъ, деревній, геремѣть /? жеремѣть/, геребетъ /? жеребетъ/, герести /? жерести/?

Имѣются ли и могутъ ли вообще быть допустимы формы бравикъ, пракъ, плавина, глаледица...., какъ альтернанты /чередующіяся/ для боровикъ, порокъ, половина, гололедица....?

Почему родъ, рокъ, ровъ, рота, ропотъ.... никогда не чередуются съ радъ, ракъ, разъ, рата, раpотъ.... а радъ, рацъ, разъ, рана... никогда не че-

редуются съ родъ, рокъ, розъ, рона....?

Уже одно логическое мышленіе должно бы нас
навести на предположеніе /гипотезу/, что русскі
-ra-, -la- съ одной стороны никогда не чер
дующіяся съ -oro-, -olo- въ томъ же русском
языковомъ мышленіи, съ другой же стороны повто
щіяся въ такомъ же видѣ, -ra-, -la-, въ други
славянскихъ языковыхъ областяхъ, должны имѣть
гой историческій источникъ, нежели -ra-, -la-
хотя и русскія съ точки зрѣнія современнаго со
нія языка, но вошедшія въ русское языковое мыш
ніе со стороны, и чередующіяся /альтернирующія
исконно-русскими -oro-, -olo-, которымъ въ
гихъ славянскихъ языковыхъ областяхъ соотвѣтст
/корреспондируютъ/ то -ra-, -la- /на югѣ/,
-ro-, -lo- /на
верозападѣ/.....

Это предположеніе вполнѣ подтверждается
шireніемъ круга сравниваемыхъ языковыхъ мышле
т.е. привлеченіемъ къ сравненію очевидно родс
ныхъ исторически словъ и морфемъ въ другихъ,
славянскихъ, аріоевропейскихъ языковыхъ облас
И въ языкахъ аистскихъ /литовскомъ, латышском
древне-прусскомъ/, и въ языкахъ германскихъ, и
языкахъ кельтскихъ, и въ языкахъ италійско-ро
скихъ, и въ языкахъ греческихъ, и въ языкахъ
дійскихъ /санскритъ и др./ и т.д., вездѣ нахо
сочетанія въ родѣ -ra-, -la- /т.е. не тол
-ra-, -la-, но тоже -ro-, -lo-, -ru-

-lu- и т.п., во всякомъ случаѣ съ фонемами r и l передъ гласными/ въ случаяхъ, соотвѣтствующихъ сочетаніямъ -ra-, -la-, повторяющимся болѣе или менѣе одинаково, т.е. съ -ra-, -la-, во всѣхъ славянскихъ языковыхъ областяхъ /ср.напр., лит. broter-, brolis, нѣм. bruder, лат. frater, греч. φράτωρ, φρήτηρ, санскр. bhrâtar- ... ; нѣм. glatt .... и т.п./.

За то случаямъ съ русскими -oro-, -olo-, чередующимися съ -ra-, -la- ...., соотвѣтствуютъ въ другихъ аріоевропейскихъ языкахъ сочетанія фонемъ, въ которыхъ гласная фонема предшествуетъ фонемѣ r или l. Напримѣръ, морфемамъ borod- и brad- /борода, брадобрей/ соотвѣтствуютъ: въ литовскомъ barzd-, въ нѣмецкомъ bart-, въ латинскомъ barb-; морфемамъ gorod- и grad-/городъ, градъ/: нѣм. gart- /garten-/; морфемамъ korot- и krat- /короткій, кратъ, краткій/: лит. kart-; морфемамъ poros- и pras-/поросенокъ.../: лит. parš- лат. pork-/porcus/, герм. farh-, farah- /нѣм. ferkel../; морфемамъ voron- и vran- /воронъ, ворона/: лит. varn- ...; морфемамъ golov- и glav-/голова, глава/: лит. galv-; морфемамъ molot- и mlat-/молотъ/: лат. mall- malleus / изъ *malt-; морфемамъ solod- и slad-/солодъ, сладкій/: лит. sald-(saldùs), нѣм. salz-; морфемамъ solom- и slam-/солома/: нѣм. halm -; морфемамъ sorom- и sram-

/соромъ, срамъ/: нѣм. harm- ; морфемамъ volo-/volos-/ и vlad-/vlas-/ /волость, вла-дѣть, власть/: лит. vald-, нѣм. walt-/walten-/ и т.д..

§ 117. Психическимъ субстратомъ или реальны[м] носителемъ какъ альтернацій /чередованій/, такъ [и] корреспонденцій /разноязычныхъ соотвѣтствій/ мо-жетъ быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ только о[дна] человѣческая голова. Прежде всего таковою являет[ся] голова каждаго изслѣдователя, сопоставляющаго и сравнивающаго какъ факты одного однороднаго язы[ко]вого мышленія, такъ и соотвѣтствующіе другъ дру[гу] факты въ разныхъ языковыхъ мышленіяхъ.

Кромѣ того носителемъ не только альтернацій, но и корреспонденцій можетъ быть, съ объективно[й] точки зрѣнія, каждая человѣческая голова, насы[щен]ная различнымъ языковымъ мышленіемъ. Разъ въ о[дну] и ту же голову введены, напримѣръ, русское и по[ль]ское языковое мышленіе, цѣлые ряды одинаковост[и] и фонетически-морфологическихъ соотвѣтствій соз[да]ютъ объективно живыя корреспонденціи и могут[ъ вы]зывать фонетически-морфологическія переложенія одного языкового мышленія на другое [Ср. нап[р.] польскія furtecrka, przestudzić, zębrz... и т.п., созданныя по образцу русскихъ форточка, простудить, зубрить и т.п.]

Точно также могутъ образоваться подобныя ... зи и происходить подобныя фонетически-морфоло[гиче]скія переложенія въ головахъ, насыщенныхъ, напр[.]

итовскимъ языковымъ мышленіемъ и однимъ изъ сла-
вянскихъ языковыхъ мышленій /или даже не однимъ, а
нѣсколькими/; въ головахъ, начиненныхъ языковымъ
мышленіемъ нѣмецкимъ и однимъ изъ славянскихъ /напр.
лужицкимъ, польскимъ, чешскимъ и т.п./ и т.д.

Благодаря насажденію въ однѣхъ и тѣхъ же го-
ловахъ двухъ и даже больше языковыхъ мышленій про-
исходитъ такъ называемое смѣшеніе языковъ, т.е.
ихъ взаимодѣйствіе и вліяніе другъ на друга. Надо
же вѣдь согласиться, что какъ все языковое, какъ
все, относящееся къ рѣчи человѣческой, такъ и смѣ-
шеніе языковъ вершится не гдѣ-то въ воздухѣ, а
только путемъ языкового общенія и въ отдѣльныхъ
человѣческихъ головахъ.

Глава 10.

Транскрипція.

§ 118. Ср. прежде всего Б.-де-К. Зад.№№ 293,
32-135.

Приблизительная передача по принятому мною
способу, нѣкоторыхъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ
Б.-де-К. Зад.

..0. Nâtó ščúkâ v móře. Stop (štob)
..ráš ńs dřěmál.

..3. Jăzîmk (jězímk) bǝs kâsťej.

..5. Fsákǝj (vsákǝj) svěrčok znaj svoj šestak

..7. Pjan xrăbřimčă a přâspimča-
svímnjím bâjimčâ.

249. Zə rěkoj nə gåré lez (lěs) zělónəj šumit; pəd gåròj zə rěkoj xutåróčək ståjimt. F (v) tom lěsú səlåvěj grómká pěsnim påjòt, məlådája vdåvá af (v) xutåróčkě žimvót. Ср.Б.-де-К.Зад.№ 135.

250. Abrăstát' (əbråstát') mim stánəm šérstju i xåt' smóžəm rót råskrimt', no uš (už) étəmu åtvérstju nə pimdóca gəvårimt'.

252. Mim pjom is čåšim bətija žakrítsəm (z zakrimtəmim) ačåmim, zlåtimje əmačimf (əmačimv) kråja svåjimmilm žě slězåmim. Kågdá že pəlět (pəréd) smértju z glás (s glaz) påváska (pávəz) ůpådåjst (ůpådåjst) i fsó (vsó), što əbál'sə nas, s påváskəj (s påvázkəj) əščezást (imščezájst), tagdá mim vídəm, što pustá (što pustá) bimlá zlåtája čáša, što v něj nåpitək biml měčta, i što åná ně nåšá.

Еще примѣры „Транскрипціи": вьюга - vjuga, судья - sudjá, судя - súdá, гостя - góstá, гостья - góstja, съемка - sjómka, падежъ - pådéš /padéž/, падежъ - pådóš /pådóž/, падёшь - pådóš, поэтъ - påét, поётъ - påjót, пою - påjú, даю - dåjú, даёмъ - dåjóm, заёмъ - zåjóm, ель - jeĺ, ёлка - jólka, ее, ея - jějó, съ нея - s nějó.

Глава II.

Семасіологизація и морфологизація.

§ 119. Съ точки зрѣнія языкового мышленія и снованнаго на немъ научнаго языковѣднаго /лингвистическаго/ мышленія, фонемы и вообще всѣ произносительно-слуховые элементы не имѣютъ сами по себѣ никакого значенія. Они становятся языковыми цѣнностями и могутъ быть разсматриваемы лингвистически только тогда, когда входятъ въ составъ всесторонне живыхъ языковыхъ элементовъ, каковыми являются морфемы, ассоціируемыя какъ съ семасіологическими, такъ и съ морфологическими представленіями.

Возьмемъ гомонимное, т.е. двояко-толкуемое, слово

вожу,

входящее въ составъ русскаго языкового мышленія. Можемъ ли мы фонемы и болѣе дробные произносительно-слуховые элементы, входящіе въ составъ первой морфемы этого гомонима, считать, съ точки зрѣнія ассоціацій съ семасіологическими и морфологическими представленіями, вполнѣ тожественными во всѣхъ случаяхъ возникновенія въ нашей психикѣ этого гомонима?

Одно только произнесеніе вожу не даетъ намъ полной опредѣленности. Правда, ассоціаціи съ представленіями морфологическими достаточно опредѣляются. Опредѣляются тоже семасіологическія представленія I-го лица „наст.вр." глагола; но все таки не

достаетъ главнаго, центральнаго семасіологическаго представленія. Это представленіе можетъ опредѣляться прежде всего ассоціацией по смежности, т.е. или контекстомъ, въ связи съ другими словами, или же на почвѣ взаимнаго общенія между участниками даннаго языкового коллектива, на почвѣ соціальнаго обмѣна съ помощью русскаго языка. Оно можетъ опредѣляться „переводомъ съ другого языка". Затѣмъ оно можетъ опредѣляться посредствомъ ассоціаціи по сходству: или произвольно, по внутреннему побужденію говорящаго, или же въ связи съ совокупностью рѣчи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ это опредѣляется альтернаціями или чередованіями: vå̌ž-ú // vód'-i-, vód'-ut, vå̊d'-i'- (вожу//води-, водятъ, води-) есть одно, а vå̊ž-ú // vóz'-i-, vóz'-ut, vå̊z'-i'- (вожу//вози-, возятъ, вози -) есть другое.

Съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія ассоціацій съ семасіологическими и морфологическими представленіями, съ точки зрѣнія семасіологизаціи и морфологизаціи, съ точки зрѣнія альтернацій, съ точки зрѣнія этимологіи въ области одного и того же языкового мышленія, въ русскомъ языковомъ мышленіи имѣются три фонемы :

ž // g (ж//г) , напр. могу / може-
ž // z' (ж//зи) , напр. вожу / вози-
ž // d' (ж//ди) , напр. вожу / води-

§ 120. Съ точки зрѣнія корреспонденцій или соотвѣтствій въ разныхъ славянскихъ языковыхъ мы-

ěніяхъ, съ точки зрѣнія многоязычнаго этимологи-
ческаго родства, но опять таки съ точки зрѣнія се-
масіологизаціи и морфологизаціи, имѣемъ въ русскомъ
языковомъ мышленіи два ž и два č :

1/ Общеславянское ž , т.е. ź , альтерни-
рующее въ русскомъ или съ g , или съ ź

2/ специально русское ž , альтернирующее съ
di и съ žd

ž // di // žd ...

1-му ž соотвѣтствуетъ во всѣхъ славянскихъ
языковыхъ мышленіяхъ тоже ž или же его своеобраз-
ный вторичный замѣститель:

2-му ž соотвѣтствуютъ смотря по отдѣльнымъ
славянскимъ языковымъ мышленіямъ, въ др.-цсл. и въ
болгарскомъ žd , въ сербо-хорватскомъ đ / d' /
или ǯ / dž / или j , въ словинскомъ j , въ
польскомъ и словацкомъ ʒ / dz /, въ чешскомъ
z и т.д.

1/ Общеслав. č , т.е. č , альтернирующее
въ русскомъ съ k ,

č // k , (ч//к) , напр. пеку/печо-;

2/ специально русское č , альтернирующее
съ ti и съ šč .

č // ti // šč , напр. свѣчу, свѣти-/-свѣщ-.

1-му ___ соотвѣтствуетъ во всѣхъ славянскихъ
языковыхъ мышленіяхъ тоже фонема č или же ея
своеобразный вторичный замѣститель;

2-му č соотвѣтствуетъ, смотря по языковой
области, въ др.цсл. и въ болг. št , въ сербо -

хорватскомъ ţ /t'/ или ć /ts'/, въ сло-
винскомъ č, въ польскомъ, словацкомъ, чешском
c и т.д..

См. §§ III,II2.

§ I2I. Фонема s славянскихъ языковыхъ мы-
леній /въ русскомъ s, s'/, смотря по ея нали-
ности то въ тѣхъ, то въ другихъ морфемахъ, значит
съ точки зрѣнія ея морфологизаціи и семасіологиза-
ціи, соотвѣтствуетъ двумъ разнымъ фонемамъ предп-
лагаемаго праарiоевропейскаго состоянія:

I/ s /др.-индійское или санскритское s
съ измѣненіями; греческое или s, или h, инач
„spiritus asper", или „нуль"; латинское s
или r; германское s съ измѣненіями; литовск
s /, напр.: сон, сын, сад, сидѣть, сухой....;

2/ k /др.-инд. ç; греч. и лат. k;
герм. h; лит. š /, напр.: срам / соромъ, сол
порося, десять ...

Вообще вся такъ называемая „сравнительная
матика" и всякія этимологическія сближенія и пр
положенія были бы совершенно невозможны, если б
они не покоились на сознательномъ или хотя бы
внѣсознательномъ предположеніи морфологизаціи и
масiологизаціи фонемъ и прочихъ болѣе дробныхъ
износительно-слуховыхъ элементовъ.

Ср. Б.-де-К. Зад. 23I - 239.

§ I22. Въ русскомъ языковомъ мышленіи морф
гизованы по преимуществу:

I/ различіе слоговыхъ фонемъ /гласныхъ и

по степени силы произношенія, т.е. по акценту-ударе-нію;

2/ различіе среднеязычности / „мягкости"/ и не-среднеязычности / „твердости"/ при согласныхъ.

Наличность подобной морфологизаціи въ nes- // ńeś- (несу, несутъ / несё-, неси), ved- // véd'- (веду, ведутъ / ведё, веди), zav- // žav - (зову, зовутъ / зовё, зови) ....была когда то поводомъ замѣны прежнихъ ṕek- // ṕec- пеку .../ пеци , śek- // śec- (сѣку.../ сѣци), pomog- // pomož- (помогу.../ помози) ber'eg- // b'eŕež (берегу.../ березли)... новыми ṕek- // ṕek- /пеки/, śek - // śek'- /сѣки/, pomog- // pomog'- /помоги/, b'eŕeg- // b'eŕeǵ - /береги/...., и затѣмъ, въ болѣе позднее время, поводомъ появленія вм. ṕek- // peč - /печо-/, śek - // śeč - /сѣчо-/, b'eŕeg- // b'eŕež - /бережо-/... новыхъ ṕek- // ṕek- /пекё-/, śek- // śek- /сѣкё-/, b'eŕeg- // b'eŕeǵ- /берегё/.....

Ср. §§ 62, 63, 64, 79, 109, 112, 115.

§ 123. При семасіологическомъ различеніи такихъ словъ какъ сад / зад, там / дам, кора / гора, суд / зуд, пал / бал ... семасіологизовано представленіе различія разныхъ способовъ работы голосовыхъ связокъ: разъ раскрытіе связокъ и отсутствіе звонкости, другой разъ сближеніе и напряженіе голосовыхъ связокъ вмѣстѣ съ дрожаніемъ, производящимъ впечатлѣніе звонкости.

При семасіологическомъ различеніи словъ быть / мыть, баба / мама, дядя / няня, дам / нам.... семасіологизовано представленіе различія поднятія мягкаго неба, закрывающаго воздуху доступъ въ нос[ъ] и опущенія мягкаго неба съ пропускомъ воздуха въ носъ.

При семасіологическомъ различеніи словъ том / там, дом / дам, нос / нас ..., сад / суд, зад / зуд..., пал / пыл, бал / был ... семасіологизовано представленіе различія разныхъ укладовъ полости рта, обусловливающихъ впечатлѣніе то того, то другого гласнаго звука и вмѣстѣ съ тѣмъ храненіе въ психическомъ вмѣстилищѣ всѣхъ нашихъ представленій двухъ различныхъ фонемъ, соотвѣтствующихъ ихъ произносительно-слуховымъ обнаруживаніямъ.

§ 124. И семасіологизація и морфологизація отражаются, само собою, тоже въ писанно-зрительномъ языкѣ или въ написаніяхъ словъ. Но въ связи съ различною дѣлимостью на дальше неразложимые э[ле]менты, ассоціаціи, связанныя съ семасіологизаціей и морфологизаціей, происходятъ въ писанно-зрительномъ языкѣ иначе, нежели въ языкѣ произносительно-слуховомъ: Въ написаніяхъ мы имѣемъ, при семасіологизаціи, различіе цѣльныхъ недѣлимыхъ графемъ (сад / зад, там / дам ...), и это именно различіе семасіологизуется. При морфологизаціи же или тоже имѣется различіе цѣльныхъ графемъ (ходить / хаживать, носить / нашивать..., ток / точить, тревога / тревожить..., рука / ручка, нога / ножк[а]

или же сами данныя графемы, напримѣръ, въ русскомъ, сообразно съ свойствомъ русской графики /см. § 93/, могутъ оставаться безъ измѣненія, такъ какъ морфологическое различіе опредѣляется слѣдующей графемой (несу / несет, веду / ведет, зову / зовет...).

Между тѣмъ въ произносительно-слуховомъ языкѣ семасіологизуются и морфологизуются не цѣльныя, недѣлимыя фонемы, а только ихъ болѣе дробные произносительно-слуховые элементы / кинемы, акусмы, кинакемы/, какъ ихъ составныя части.

§ 125. Произносительно-слуховые элементы для того, чтобы стать дѣйствительными цѣнностями произносительно-слухового языка, только семасіологизуются и морфологизуются. Между тѣмъ писанно-зрительные элементы, входя въ составъ языкового мышленія, должны не только семасіологизоваться и морфологизоваться, т.е. ассоціироваться съ представленіями семасіологическими и морфологическими, но первымъ долгомъ фонетизоваться, т.е. ассоціироваться съ представленіями произносительно-слуховыми.

Затѣмъ всѣ эти психическіе сцѣпленія, всѣ эти ассоціаціи, ведущія къ фонетизаціи, семасіологизаціи и морфологизаціи, какъ въ области письма или писанно-зрительнаго языка, такъ и въ области языка произносительно-слухового, являются частными представленіями общаго процесса <u>соціализаціи</u> или <u>обобществленія</u>. Ибо языкъ, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ, имѣетъ только тогда цѣну, когда служитъ цѣлямъ взаимнаго общенія между людьми.

§ 126. Алфавитъ и „графика" /см. §§ 40-42,
64,84,85-92,92-95/, какъ комплексы живыхъ состав-
ныхъ частей или элементовъ языкового мышленія,ос-
новываются на фонетизаціи писанно-зрительныхъ эле-
ментовъ и ихъ сочетаній. Правописаніе же или орфо-
графія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова /см. §§ 40-
84,92/ связана тоже съ семасіологизаціей и морфо-
логизаціей. Напр.:

род / рот, просьба.....

Передаваемое по традиціи различеніе е и ѣ
поддерживается прежде всего ихъ морфологизаціей
(въ морѣ / въ море ...) и семасіологизаціей
(есть / ѣсть ...., ели / ѣли...., день / тѣнь ..)

Различіе написаній міръ и миръ основывается
на семасіологизаціи въ данномъ случаѣ различія меж-
ду і и и.

§ 127. Примѣненіе понятія морфологизаціи про-
износительно-слуховыхъ элементовъ и ихъ сочетаній
позволяетъ намъ разобраться въ нѣкоторыхъ чисто
фонетическихъ вопросахъ.

Такъ напр. имъ устраняется спорный вопросъ о
различеніи фонемъ или „звуковъ" мгновенныхъ и дли-
тельныхъ. Внѣ языка, во внѣшнемъ мірѣ, въ области
явленій природы, произносимое можетъ длиться без
перерыва, длиться безформенно и не пропорціональ-
но. Въ человѣческомъ же членораздѣльномъ языкѣ мор-
фологизуемая временная длина фонемы колеблется меж-
ду опредѣленнымъ минимумомъ и максимумомъ. Перехо-
дя за такой максимумъ, она становится чѣмъ-то вн...

языковымъ, чѣмъ-то могущимъ быть разсматриваемымъ въ механикѣ, въ акустикѣ и въ физикѣ, но чѣмъ-то совершенно чуждымъ психо-соціальной сущности языкового мышленія, ибо въ немъ уже не морфологизованнымъ.

Именно къ этой эторонѣ морфологизаціи произносительно слуховыхъ элементовъ я бы считалъ умѣстнымъ примѣнять термины „членораздѣльность" или „артикуляція".

Умѣлое примѣненіе понятія относительной семасіологизаціи и морфологизаціи, равно какъ и связанной съ ними соціализаціи крайне важно при надлежащемъ освѣщеніи вопроса т.наз. „звуковыхъ законовъ".

Въ области же писанно-зрительнаго языка необходимо принимать въ соображеніе дѣйствіе ассоціацій или психическихъ сцѣпленій, подходящихъ подъ понятіе фонетизаціи, семасіологизаціи, морфологизаціи и, конечно, соціализаціи, какъ при научномъ разборѣ отношеній между письмомъ и языкомъ, такъ и при практическомъ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся „реформы правописанія".

Г л а в а I2.

Морфологическая ассимиляція / „аналогія"/ и семасіологическая ассимиляція /„народная этимологія", „народное словопроизводство", осмысленіе./

§ I28. Уже въ §§ I06-I09, по поводу замѣны

формы din-e формою din-i и, затѣмъ, фор[мы] dń-e и dń-i формою dń-a, было указано на такія измѣненія „фонемъ", на которыя нельзя никакъ смотрѣть какъ на простые, совершающіес[я] въ исторіи племенного языка, фонетическіе или про[]износительно-слуховые переходы, но которыя надо объяснять тѣмъ, что данныя фонемы или составляют[ъ] въ данномъ мѣстѣ особый морфологическій элементъ или цѣльную морфему /какъ, напримѣръ, - e, - i, - a въ названныхъ падежныхъ формахъ существите[ль]ной основы din-, dn- // d'en // don/, или же входятъ въ составъ многофонемной морфемы /въ родѣ, напримѣръ, морфемъ vod-, ńes..., - ut, - ami, -ov и т.п./.

§ 129. Языковое мышленіе, равно какъ и его обнаруживаніе и восприниманіе, представляютъ изъ себя не простую репродукцію или воспроизведеніе усвоеннаго, въ родѣ того, какъ это имѣетъ мѣсто [съ] фонографомъ или грамофономъ, повторяющимъ съ без[у]коризненною точностью нанесенные на него слѣды ак[у]стическихъ „впечатлѣній", а, вмѣстѣ съ репродукціей, тоже продукцію или производство, состоящее въ новомъ, самостоятельномъ сочетаніи усвоенных[ъ] индивидуальною психикой элементовъ языкового мышленія. Это и есть постоянное, безпрерывное „творчество", свойственное мобилизаціи языковыхъ представленій въ ихъ совокупности, все равно, обнаруживаются ли они произносительнымъ способомъ и во[сп]ринимаются ли путемъ слуха /акустически/, или [...]

нѣтъ. Происходитъ же это творчество не только въ области синтаксиса, т. е. при сочетаніи готовыхъ словъ во фразы и предложенія, но тоже при сочетаніи морфемъ въ слова.

Есть, правда, отдѣльныя формы словъ или синтагмы только воспроизводимыя въ своемъ цѣльномъ составѣ, и именно благодаря частотѣ употребленія, чѣмъ онѣ врѣзываются въ память и повторяются чисто автоматически. Таковы, напримѣръ, формы „склоненія" личныхъ мѣстоименій (я/меня/мнѣ/мною и т. п.), формы склоненія часто употребительныхъ именъ вообще /названія родства, нѣкоторыхъ частей тѣла и т.п./, формы спряженія часто употребляемыхъ глаголовъ /въ родѣ ѣсть, дать, быть, хотѣть и т.п./. Однимъ словомъ, разныя т.наз. „неправильности" въ построеніи ассоціируемыхъ семасіологически языковыхъ цѣлыхъ.

Но за то громадное большинство формъ возникаетъ въ нашей психикѣ благодаря не только простому воспроизведенію усвоеннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ производства, творчества, путемъ рѣшенія своеобразной пропорціи.

Получивъ, напримѣръ, образецъ типа спряженія глаголовъ въ родѣ веду/ведешь/ведетъ/ведемъ/ведете/ведутъ ....., намъ достаточно знать двѣ формы, напримѣръ, отъ глагола несу, несемъ, чтобы вполнѣ „правильно" дополнить „творческимъ" способомъ все остальное: несешь, несетъ, несете.

несутъ. [ведy, ведемъ]: [ведешь, ведетъ, ведете, ведутъ] = [несу: несемъ]: x

x = несешь, несетъ, несете, несутъ.

Здѣсь ассоціація по сходству способствуетъ правильной ассоціаціи по смежности, а въ основѣ всего этого лежитъ, между прочимъ, наличность въ языковомъ мышленіи психофонетическихъ альтернацій или корреляцій.

На этомъ основываются встрѣчаемыя въ заурядныхъ грамматикахъ правила и предписанія объ образованіи однихъ формъ отъ другихъ. Обыкновенно, однакожъ, сочинители подобныхъ правилъ и предписаній совершенно не понимаютъ сущности языковыхъ ассоціацій.

§ 130. Итакъ мы видимъ, что „морфологическая ассимиляція" является безпрерывнымъ процессомъ, способствующимъ психической мобилизаціи /съ обнаруживаніемъ и восприниманіемъ или же безъ этихъ соціальныхъ процессовъ/ морфологическихъ цѣлыхъ или синтагмъ, свойственныхъ данному племенному языку или данному коллективно-индивидуальному мышленію.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ случается, что частное языковое творчество, называемое „морфологическою ассимиляціей", ведетъ не къ воспроизводству привычныхъ морфологическихъ цѣлыхъ, а къ созданію новыхъ по другимъ, болѣе сильнымъ и преобладающимъ, морфологическимъ типамъ.

Доказательствомъ же реально-психическаго су-

ществованія и переносимости не только цѣльныхъ словъ, но и отдѣльныхъ морфемъ являются обмолвки, происходящія благодаря перестановкамъ или „неправильнымъ" сочетаніямъ по смежности. Примѣръ:

брык-ами ног-аетъ, морг-ами глаз-аетъ и верт-омъ хвост-и́тъ

вм. ногами брыкаетъ, глазами моргаетъ и хвостомъ вертитъ.

Вмѣсто свойственнаго такимъ „перестановкамъ" своеобразнаго психическаго сцѣпленія или ассоціаціи морфемъ по смежности, въ области морфологической ассоціаціи въ строгомъ смыслѣ этого слова мы замѣчаемъ проявленіе ассоціаціи по сходству и распространеніе болѣе сильныхъ по чему-либо, господствующихъ типовъ на типы менѣе сильные, пережиточные.

§ 131. Кромѣ морфемъ, состоящихъ изъ опредѣленной произносительно-слуховой величины, мы должны принять непремѣнно тоже морфемы „нулевыя", т.е. лишенныя всякаго произносительно-слухового состава, и тѣмъ не менѣе ассоціируемыя съ извѣстными семасіологическими и морфологическими представленіями.

Такъ напримѣръ, слова домъ, столъ, возъ, прудъ, конь, край..., не смотря на йхъ видимую одноморфемность, надо непремѣнно считать двухморфемными, т.е. состоящими изъ основы опредѣленной произносительно-слуховой величины и изъ окончанія „нуль": dom-o, stol-o, voz-o, prud-o,

koń-o, kraj-o....,

где **o** символизуетъ собою морфему „нуль".

Въ морфемахъ dóm-a, stol-á, vóz-a, prud-á, koń-á, kráj-a... представленіе „родительнаго" падежа ед.ч. ассоціируется съ морфемою á или a, въ выше названныхъ же формахъ dom, stol ...... представленіе именит.пад.ед.ч.ассоціировано съ морфемою „нуль".

Въ формахъ vod-á, śťen-á, koz-á,..., ŕimb-[illegible] ńimv-a, šéj-a.... съ морфемами á или a ассоціируется представленіе именит. пад. ед.ч. женскаго рода; представленіе же того же падежа и числа, но мужского рода, ассоціировано въ словахъ dom, stol .... съ морфемою „нуль".

Въ русскихъ глагольныхъ формахъ ńeś-ó-t, v́ed'-ó-t, zav-ó-t..., v́el- 't..., xód'-i-t..., въ украинскихъ /малорусскихъ/ xód-i-t', nósi-t'..., представленіе 3-го лица ед.ч. ассоціировано съ опредѣленнымъ произносительно-слуховымъ составомъ морфемы -t или -t'; въ польскомъ же ńeś-e (niesie), v́eź-e (wiedzie), zve (zwie), xoź-i-(chodzi), nośi (nosi)..., въ украинскихъ ńes-e, v́ed-e.... то же представленіе ассоціировано съ морфемою „нуль".

Если вмѣсто прежнихъ русскихъ род.пад.ед.ч. ḿest- /мѣст/, d́el- /дѣл/.... появляются ḿest-óv /мѣстов/, d́el-óv /дѣлов/..., то нельзя утверждать, что раньше одночленное, одноморфем-

ное слово становится двучленнымъ, двуморфемнымъ, а только слѣдуетъ сказать, что морфема окончанія „нуль" замѣнена морфемою - óv , при сохраненіи прежней двучленности или двуморфемности.

§ 132. Укажемъ теперь нѣсколько случаевъ морфологической ассимиляціи, поведшей къ возникновенію новаго состава морфологическихъ цѣлыхъ или синтагмъ, благодаря подведенію ихъ подъ болѣе сильные, преобладающіе морфологическіе типы.

Въ прежнемъ русскомъ языкѣ дат. и мѣст.пад. ед.ч. отъ словъ жен.род.

струя, земля, свѣча, душа, межа, овца....., шея, воля, дача, лужа, ноша.... былъ: struj-i', zeml'-i', sveč-i, duš-i', mež-i', ovc-i...., šéj-i, vól'-i, dáč-i, lúž-i, nóš-i....,

мѣстн. же пад. ед.ч. отъ словъ муж.р.

конь, корабль, отецъ, конецъ, падежъ......, мѣсяцъ, мужъ, плачъ, край... былъ: koń-i', korabl'-i', otc-i', konc-i', padéž-i'...., mésac-i, múž-i', pláč-i, kráj-i....

Это окончаніе i или i' /соотвѣтствующее праславянскому ī , т.е. i долгому, др.-цсл. и /, а не e или e' /соотвѣтст. праслав. ē, т.е. e долгому, др. цсл. ѣ, „ять"/, находилось въ причинной связи съ послѣдними согласными основы, восходящими къ среднеязычнымъ / „мягкимъ"/.

Но затѣмъ и эти формы подверглись воздѣйствію болѣе частыхъ и, вслѣдствіе этого, въ своей совокупности болѣе сильныхъ и притягивающихъ формъ,

въ которыхъ основы оканчивались первоначально согласными, никогда не проходившими черезъ среднеязычность, въ родѣ

vod-é, stén-é,..., ryb-é (rimb-e), nív-e...,
stol-é, prud-é..., vóz-e, nós-e.....

Такимъ образомъ вмѣсто выше названныхъ получились:

struj-é, zeml'-é, svéč-é, duš-é, mež-é,
ovc-é...., šéj-e, vól'-e, dáč-e, lúž-e... nóš-e
koń-é, korabl'-é, otc-é, konc-é, padež-é...
mésac-e, múž-e, pláč-e, kráj-e....

Здѣсь мы видимъ сохраненіе прежняго вида основы, но за то замѣну одного окончанія другимъ окончаніемъ.

Хотя, однакожъ, два прежде различныхъ типа склоненія уоднообразились теперь по окончанію но они все таки не отожествились. Отношеніе между основами разныхъ падежей, съ точки зрѣнія морфологизованнаго различія среднеязычности и несреднеязычности, у нихъ неодинаковы:

Типъ склоненія, которому искони было свойственно окончаніе e или é /ѣ, „ять"/, представляетъ теперь психофонетическую альтернацію послѣднихъ согласныхъ основы. Съ окончаніемъ e связана среднеязычность этой послѣдней согласной основы; передъ всѣми же остальными окончаніями, со включеніемъ „нуля", мы замѣчаемъ несреднеязычность /„твердость"/ этой послѣдней согласной основы:

vod'- // vod-, st'en- // st'en-,
r'im b'- // r'imb-, n'im v'- // n'imv- ....

Новому же типу, возникшему благодаря ассимиляціонному воздѣйствію того типа, т.е. благодаря замѣнѣ окончанія *i* или *i'* окончаніемъ *e* или *e'*, чужда эти психофонетическая альтернація или корреляція со стороны среднеязычности. Послѣдняя согласная основы остается здѣсь во всѣхъ падежахъ одною и тою же:

j-, l'-, n'-, r'-, č-, š-, ž-, c-.....

§ 133. Другого рода исторію разсказываютъ намъ формы тѣхъ же падежей отъ словъ

рука, нога, соха..., скука, въюга, утѣха...
волкъ, рогъ, духъ ....

Раньше были свойственны русскому языковому мышленію формы:

ruc-é /руцѣ/, noź-é /нозѣ/, sóś-é /сосѣ/..
skúc-e /скуцѣ/, v'júź-e /вьюзѣ/, utéś-e /утѣсѣ/....
vólc-e /вольцѣ/, róź-e /розѣ/, dúś-e /дусѣ/....

Затѣмъ, подъ вліяніемъ господствующаго типа, въ которомъ послѣднимъ согласнымъ основы была свойственна морфологизація различія одного только произносительно-слухового элемента несреднеязычности /„твердости"/ или же среднеязычности /„мягкости"/, съ сохраненіемъ въ остальномъ все тѣхъ же произносительно-слуховыхъ элементовъ, т.е. подъ вліяніемъ типа съ послѣднимъ согласнымъ основы локализаціи

или губной, или же переднеязычной:

tolp- // tolṕ- (толпа/толпѣ),
řimb- // řimb́- (рыба/рыбѣ),
sum- // sum- (сума/сумѣ),
ňimv- // ňimv́- (нива/нивѣ),
plát- // plát'- (плата/платѣ),
vod- // vod'- (вода/водѣ),
žen- // žen'- (жена/женѣ),
kos- // kos'- (коса/косѣ),
koz- // koź- (коза/козѣ),
smol- // smol'- (смола/смолѣ),
nor- // nor'- (нора/норѣ),

. . . .

pop- // pop'- (попъ / попа / попѣ),
dúb- // dúb- (дубъ / дуба / дубѣ),
dimm- // dimm- (дымъ / дыма / дымѣ),
přimzimv- // přimzimv- (призывъ/призыва/призывѣ)
břát- // břát'- (братъ / брата / братѣ),
sud- // sud'- (судъ / суда / судѣ),
stán- // stán'- (станъ / стана / станѣ)
nós- // nós'- (носъ / носа / носѣ),
vóz- // vóz'- (возъ / воза / возѣ),
kol- // kol'- (колъ / кола / колѣ),
vóř- // vóř'- (воръ / вора / ворѣ).

. . . .

такая же морфологизація была проведена и въ основахъ, оканчивающихся заднеязычными согласными, съ устраненіемъ прежняго слишкомъ большого произносительно слухового разстоянія:

k - // c -, g - // ž -, x - // š -.

Такимъ образомъ вм. выше названныхъ появились ..., согласованныя съ общегосподствующимъ типомъ: ...k-e /рукѣ/, nog-e /ногѣ/, sox-e /сохѣ/..., ...k-e/скукѣ/, vjug-e /вьюгѣ/, utex-e/утѣхѣ/... ...k-e/волкѣ/, rog-e /рогѣ/, dux-e /духѣ/....

Въ отличіе отъ случая, разсмотрѣннаго въ ...2, здѣсь имѣемъ не замѣну одного окончанія ...мъ окончаніемъ, а замѣну одного вида основы ...мъ ея видомъ, подходящимъ подъ общегоспод-...щій типъ.

Кромѣ того, въ § 132 мы видѣли все таки сох-...ніе различія типовъ, съ точки зрѣнія то мѣняе-..., то немѣняемости согласной основы; здѣсь же ...татируемъ полное отожествленіе морфологиче-... типовъ.

§ 134 Въ русскомъ языковомъ мышленіи преж-... временъ вмѣсто формъ повелительнаго /жела-...аго/ наклоненія pec-i, sec-i, sterez-i..., ...даря, съ одной стороны, тѣсной связи съ ...-u, pek-ut, sek-u, sek-ut, stereg-u, stereg-ut ...угой же, наличности типа психологическихъ ...еній nes-u/nes-i, ved-u/ved-i, zov-u/...-i ...., появились формы pek-i /пеки/, ...-i/сѣки/, stereg-i /стереги/...., наслѣ-...ая по нынѣшнее время.

Точно такъ же по образцу отношеній nes-u/nes-o-, ...-u/ved-o-, zov-u/zov-o-...., гдѣ мор-...тизовано одно только различіе по дальше не-

разлагаемому произносительно-слуховому элементу среднеязычности /"мягкости"/ или несреднеязычности /"твердости"/, съ сохраненіемъ одинаковости всѣхъ остальныхъ элементовъ, появляются отношенія: ṕek-ú/ṕek-ó- (ṕek-o-š, ṕek-ó-t...) śek-ú/śek-ó-, b́eŕeg-ú-(b́eŕeg-ó-š, b́eŕeg-o-t....) вмѣсто отношеній ṕek-ú/ṕeč-ó- (печошь, печ... śek-ú/śeč-ó-(сѣчошь, сѣчотъ ....) b́eŕeg-ú/ b́eŕež-ó- (бережошь, бережотъ..)., гдѣ между фонемами k и č, g и ž слишкомъ большое разстояніе съ точки зрѣнія морфологизаціи, свойственной господствующему типу морфологическихъ отношеній въ этой частной области.

§ 135. Свойственныя "акающимъ" русскимъ говорамъ глагольныя формы ṕlåt́-i- (ṕlåt́-i-š, ṕl... i-t....) śåd́-i-, på-dóŕ-i-.... вм. plå... (платишь, платитъ....) śád́-i- /садишь, садитъ... pådáŕ-i- /подаришь, подаритъ..../ обязаны своимъ происхожденіемъ какъ бы рѣшенію своеобразной пропорціи:

$$\left\{\begin{matrix} xåd́\text{-}í\text{-} : xåž\text{-}ú : \underline{xód\text{-}i\text{-}} \\ nås\text{-}i : nåš\text{-}ú : \underline{nóś\text{-}i\text{-}} \end{matrix}\right\} =$$

$$\dots\dots\dots\dots\dots\dots\dots\dots$$

$$= \left\{\begin{matrix} plåt́\text{-}í\text{-} : plåč\text{-}ú : \underline{x} \\ såd́\text{-}í\text{-} : såž\text{-}ú : \underline{x} \\ dåŕ\text{-}í\text{-} : dåŕ\text{-}ú : \underline{x} \end{matrix}\right\}$$

x = plót'-i-, sód'-i-, dóŕ-i-.

Вмѣсто же t'rát'-i-, gád'-i-, lád'-i-. трати-, гади-, лади-/ нигдѣ не встрѣчаемъ t'rót'-i-, ód'-i-, lód'-i-.

Затѣмъ, подобнаго же рода рѣшеніемъ своеоб-зныхъ пропорцій:

ńes-ú : ńeś-ó- : ńeś-i : ńes-l-á : <u>ńos-</u> }
v́ez-ú : v́eź-ó- : v́eź-i : v́ez-l-á : <u>v́oz</u> } =
....
= t'res-ú : t'reś-ó- : t'reś-i : t'res-l-á : <u>x</u> ;

{ṕek-ú : ṕek-l-á .... : <u>ṕok</u> }
{t'ek-ú : t'ek-l-á .... : <u>t'ok</u> } =
....
{b'eg-ú : b'eg-l-á .... : <u>x</u> }
{ṕeg-ú : ṕeg-l-á .... : <u>x</u> }

ъясняется появленіе формъ

<u>t'ŕos</u> вм. <u>t'ŕas</u> /трясъ/,
<u>-b'og</u> вм. <u>-b'eg</u> /убѣгъ, убѣжалъ/,
-ṕŕog (za ṕŕog) вм. -ṕŕag /zaṕŕag, запрягъ/.

§ 136. Всѣ подобнаго рода замѣны, - конечно, лько въ тотъ моментъ, когда онѣ совершаются въ видуальныхъ психикахъ, - подводятся подъ поня- „аналогіи" или <u>морфологической ассимиляціи</u> орфологическаго уодноображенія/.

При этомъ не можетъ быть рѣчи о замѣнѣ одно- „звука" другимъ, одной фонемы другою. Здѣсь ъ видъ цѣльной морфемы замѣняется другимъ ея

видомъ, болѣе подходящимъ подъ преобладающіе и господствующіе типы морфологическихъ отношеній. Все это, конечно, благодаря морфологизаціи извѣстныхъ произносительно-слуховыхъ элементовъ.

§ 137. Нѣсколько другого рода процессъ представляетъ семасіологическая ассимиляція или т.н. "народная этимологія", "народное словопроизводство", т.е. осмысленіе словъ, неясныхъ въ своемъ морфологическомъ составѣ, лишенныхъ семасіологической ассоціаціи съ другими словами и вообще обособленныхъ, изолированныхъ. А между тѣмъ семасіологическая ассоціація или просто семасіологизація является насущною потребностью каждаго слова въ его цѣломъ и въ его морфологическихъ элементахъ.

Вслѣдствіе этого семасіологическая ассимиляція или семасіологическое уподобленіе задѣваетъ прежде всего слова, входящія въ данное языковое мышленіе со стороны, слова заимствуемыя, слова чужія. Но этотъ ассимиляціонный процессъ не ограничивается одними только заимствованными словами. Онъ касается всѣхъ безъ исключенія словъ непонятныхъ или мало понятныхъ, какого бы они происхожденія ни были съ точки зрѣнія объективной исторіи племенного языка. Здѣсь рѣшаетъ одно только субъективное отношеніе даннаго лица, для котораго то или другое слово лишено семасіологическихъ ассоціацій. Стало-быть, семасіологической ассимиляціи, съ измѣненіемъ ли произносительно-слухового состава, или же безъ таковаго измѣненія, под-

вергаются и слова иноязычнаго происхожденія или заимствуемыя, и слова исконно свои, но потерявшія семасіологическую связь съ другими словами, однимъ словомъ языковыя сироты, усыновляемыя тою или другою семасіологическою семьею.

§ 138. Непонятное въ своемъ составѣ слово ḿeb́el' /мебель/, благодаря прежде всего „мягкости" и вслѣдствіе этого ослабленію локализованной губной работы въ первой согласной фонемѣ, замѣняется словомъ ńeb́el' /небель/, разлагаемымъ морфологически на двѣ морфемы опредѣленнаго произносительно-слухового состава, ńé-b́el', ассоціируемыя семасіологически съ ńe /не/ и b́el // b́el' /бѣл-/, не говоря о третьей морфемѣ, морфемѣ „нуль" окончанія.

Нѣчто подобное происходитъ со словами:

ŕékrut /рекрутъ/ ⇒ ńé-krut,
egźekutor /экзекуторъ/ ⇒ śek-útor,
astronom /астрономъ/ ⇒ vastŕ-o-nóm
monopól'ja /монополья/, monopol'ka /монополька/ ⇒ nov-ŏ-pól'-j-a, nov-o-pol'-k-a,
или же vin-o-pól'-j-a, vin-o-pól'-k-a;
ŕežimm /режимъ/ ⇒ ṕim-zimm...
ďiŕižabl' /дирижабль/ ⇒ ďimŕim-žab-a
или ďeŕ-i-žáb-a...

§ 139. Сопоставляя слово муравей съ соотвѣтствующими ему словами другихъ славянскихъ языковыхъ мышленій и даже съ вошедшимъ въ русское языковое мышленіе церковнославянскимъ словомъ

мравіе , мы должны для этого слова предположить такой произносительно-слуховой составъ, писанно-зрительное изображеніе котораго, по правиламъ ру-скаго правописанія, было бы моровей .

Ср. градъ / городъ, здоров- / здрав-, прах- порохъ, ворот- / врат-..... ⁄см. § 110⁄ .

Но, по „законамъ" фонетическаго или произно-сительно-слухового построенія русскихъ словъ, со стороны ударенія и разныхъ уровней выразительно-сти русскихъ гласныхъ /§ 79/, это слово должно бы-ло обнаружиться какъ

mərávʹej,

съ совершенно ослабленнымъ, лишеннымъ всякой вы-разительности гласнымъ въ первомъ слогѣ.

Къ тому же это слово, со стороны семасіологи-ческихъ ассоціацій, являлось вполнѣ обособленнымъ. Не было словъ ему „родственныхъ" съ яснымъ, ибо ударенным, гласнымъ О въ первомъ слогѣ, въ ро-дѣ того, какъ для vərátʹitʹ /воротить/ имѣет-ся vórət /воротъ/. Слѣдовательно, оно лег-ко могло сдѣлаться семасіологической добычей сл-близкихъ по произносительно-слуховому составу и совсѣмъ чуждыхъ по семасіологическимъ ассоціаціямъ.

Такимъ ассимилирующимъ и притягивающимъ сл-mərávʹej словомъ явилось muráva /мурава/ первомъ слогѣ котораго имѣется самая устойчивая гласная фонема u , сохраняющая и на низшемъ у-нѣ свою обособленность. Посредствующимъ же сема-логическимъ звеномъ было смутное представленіе,

равей ходитъ по муравѣ.

§ I40. Произносительно-слуховую или фонетическую аналогію къ семасіологической ассимиляціи

məravéj ⇒ muravéj.

едставляетъ въ области морфологической ассимиляціи замѣна морфемы 3 лица множ.числа -ət -ят, -ат/ морфемою -ut:

stójət /стоятъ/, strójət /строятъ/,
kóṕət /копятъ/, xóďət /ходятъ/,
nóśət /носятъ/, víďət /видятъ/,
pómńət /помнятъ/.....
⇒ stój-ut, strój-ut, kóṕ-ut,
óď-ut, nóś-ut, víď-ut, pómń-ut...

Вмѣсто же véľ-át /велятъ/, brań-át ранятъ/, viś-át /висятъ/, gráź-át /гро-ъ/, kŕič-át /кричатъ/...... нигдѣ не встрѣемъ véľ-út, brań-út, viś-út, áź-út, kŕič-út ...

§ I4I. При морфологической ассимиляціи / "аналогіи"/ расчлененіе слова на морфемы готово, по части ассоціацій съ представленіями семасіологически или по части семасіологизаціи все въ порядкѣ, и лько одна вполнѣ опредѣленная морфема /со включеемъ морфемы "нуль"/ замѣняется другою:

sín-u ⇒ sín-a /сына/,
ďel-óm ⇒ ďel-ám /дѣламъ/,
góśť-i ⇒ góśť-a /гостя/,
-e ⇒ dn-i, dń-e или dń-i ⇒ dń-a /дня/,
ťéť-a ⇒ ťóť-a /тетя/,

b'er'éz-e ⇄ b'er'óz-e /берез...
p'eć-i' ⇄ p'ek'-i' /пеки...
p'eč-ó-t /печотъ/ ⇄ p'ek-ó-t
plát'-i-t /платитъ/ ⇄ plót'-i-t
t'r'as /трясъ/ ⇄ t'r'os......

Народное же осмысленіе или семасіологиче... ассимиляція оживляетъ малопонятное и непріуро... ное къ наличнымъ группамъ словъ слово черезъ ... щеніе ему кое какъ осмысленной морфологическо... лимости:

m'éb'el' /мебель/ ⇄ n'é-b'el'
r'ékrut /рекрутъ/ ⇄ n'é-krut
egz'ekútor /экзекуторъ/ ⇄ s'ek-útor
r'ežím /режимъ/ ⇄ p'r'i-žim
r'evol'v'ér /револьверъ/ ⇄ r'ebr-o-dó...
d'emokrát /демократъ/ ⇄ dom-o-kr...
morov'éj ⇄ mərâv'ej ⇄ murâv'ej /мурав...

Глава 13.

Дополнительная.

§ 142. А. Различеніе понятій.

Необходимо строго различать понятія и не ... шивать понятій изъ разныхъ областей нашего м... нія: мышленія языкового, мышленія языковѣдна... лингвистическаго и мышленія вообще. М.пр.

1. Ассоціацію по смежности, по сосѣдств... рядамъ отличать отъ ассоціаціи по сходству, ... памъ. Ср. §§ 43-46.

2. Письмо или писанно-зрительный языкъ отличать отъ языка произносительно-слухового или отъ языка /рѣчи человѣческой/ въ строгомъ смыслѣ этого го слова.

См. Б.-де-К. Отч.

3. Въ самомъ писанно-зрительномъ языкѣ отличать его элементы, основанные на ассоціаціяхъ съ представленіями произносительно-слуховыми, отъ элементовъ, опредѣляемыхъ ассоціацiей съ представленіями морфологическими и семасіологическими.

Письмо „звуковое" отличать отъ письма идеографическаго.

4. Произносительно-слуховую сторону языкового мышленія, языкового обнаруживанія и языкового воспринимания отличать отъ стороны морфологическаго расчлененія и отъ стороны ассоціацій семасіологическаго характера.

5. Реально-психическое существованіе и безпрерывную продолжаемость индивидуальнаго языкового мышленія отличать отъ преходящаго обнаруживанія языковыхъ представленій, отъ воспринимания того, что при этомъ происходитъ во внѣшнемъ, внѣязыковомъ мірѣ и, наконецъ, отъ возбужденія этимъ путемъ соотвѣтственныхъ ассоціацій въ психикахъ воспринимающихъ.

6. Лично-психическую сторону языка отличать отъ его стороны соціальной, общественной.

7. Антропологическую сторону произносительно

Лит. Юделевича, Владимірская 13.

слухового языка, какъ характеристическій признакъ человѣческаго рода, въ отличіе отъ прочихъ животныхъ, отличать отъ его стороны, ассоціируемой съ семасіологическими и морфологическими представленіями.

§ 143. 8. Объективное языковое мышленіе, происходящее въ душевномъ, психическомъ мірѣ точно такъ же, какъ пищевареніе или же кровообращеніе происходитъ въ мірѣ физіологическомъ, отличать отъ научнаго языковѣднаго /лингвистическаго/ мышленія, происходящаго, правда, тоже въ мірѣ психическомъ, но при непремѣнномъ условіи научнаго освѣщенія и научной цѣлесообразности.

„Введеніе въ языковѣдѣніе", какъ подготовительная дисциплина для занятій лингвистическими вопросами, должно преслѣдовать двѣ задачи:

1/ пріучить осознавать языковое мышленіе и наблюдать его обнаруживаніе и воспринимание;

2/ ознакомить съ методами и задачами языковѣднаго /лингвистическаго/ мышленія и вообще насадить его основные элементы въ головахъ слушателей или же читателей.

9. Въ связи съ этимъ надо отличать причинность индивидуальную, психически-физіологическую, въ связи, съ одной стороны, съ постоянно происходящими соціальными процессами взаимнаго общенія, подражанія и преемственности, съ другой же стороны въ связи съ законами физическаго міра, отъ причинности исторической.

10. Въ связи съ этимъ надо различать въ общемъ двоякую морфологическую дѣлимость языкового мышленія /т.е. рѣчи человѣческой/ или его разложеніе на дальше недѣлимые морфологическіе элементы /морфемы/. Напримѣръ, русскія слова овца, самка, танецъ, человѣкъ, чинъ, читать, цѣна, острый, мудрый, пестрый, мѣна, обуть, взять, вынуть, общій, простой и т.д. иначе распадаются на морфемы съ точки зрѣнія простого языкового мышленія даннаго времени, а иначе при свѣтѣ лингвистическаго мышленія, основывающагося на сравненіи языковъ и на исторіи языка вообще.

11. Точно такъ же иначе укладываются альтернаціи морфемъ въ простомъ языковомъ мышленіи, а иначе въ умѣ человѣка, знакомаго съ исторіей языка и сравнивающаго какъ настоящее съ прошлымъ, такъ и разные „родственные" языки.

Въ русскихъ словахъ вожу / возить...., ражу / разить...., вожу / водить, хожу / ходить.... простое языковое мышленіе опредѣляетъ альтернаціи

ž // z, ž // d,

лингвистическое же мышленіе:

z // zi, z // di.

§ 144. Б. Терминологія. Объясненіе нѣкоторыхъ терминовъ.

1. Термины, касающіеся отношенія между письмомъ и языкомъ или между языкомъ писанно-зрительнымъ и языкомъ произносительно-слуховымъ.

Фонема - соединеніе нѣсколькихъ дальше нераз

ложимыхъ произносительно-слуховыхъ элементовъ /кинемъ, акусмъ, кинакемъ/ въ одно единое цѣлое благодаря одновременности всѣхъ соотвѣтствующихъ работъ и ихъ частныхъ результатовъ.

Кинема - съ точки зрѣнія языкового мышленія, дальше неразложимый произносительный или фонаціонный элементъ, напр. представленіе работы губъ, представленіе работы мягкаго неба, представленіе работу средней части языка и т.д..

Акусма - съ точки зрѣнія языкового мышленія, дальше неразложимый акустическій или слуховой /аудиціонный/ элементъ, напр. представленіе мгновеннаго шума, получаемаго отъ взрыва между сжатыми произносительными органами, представленіе акустическаго результата работы губъ вообще, представленіе носового резонанса и т.д.

Кинакема - соединенное представленіе кинемы и акусмы въ тѣхъ случаяхъ, когда благодаря кинемѣ получается и акусма. Напр.кинема губъ вмѣстѣ съ губнымъ акустическимъ оттѣнкомъ составляетъ кинакему губности; но кинема сжатія или смычки органовъ исключаетъ въ данный моментъ акусму, получаемую только въ моментъ взрыва, какъ прекращенія смычки. Стало-быть, въ первомъ случаѣ,при кинакемѣ, кинема и акусма находятся въ отношеніи совмѣстности, во второмъ же случаѣ онѣ другъ друга исключаютъ. Точно такъ же можно говорить о кинакемѣ дрожанія голосовыхъ связокъ гортани; но между кинемою работы мягкаго неба и акусмою носо-

вого резонанса мы констатируемъ отношеніе взаимнаго исключенія: когда мягкое небо работаетъ, т.е. поднимается и закрываетъ воздуху входъ въ носовыя полости, нѣтъ акусмы носового резонанса, и ÷/ наоборотъ.

Звукъ языка - акустическій результатъ мгновеннаго, преходящаго обнаруживанія существующей въ индивидуальной психикѣ фонемы.

„Мягкость" и „твердость" согласныхъ. См. §§ 59, 63, 70, 92, 93 - 95. Предостерегаю передъ соблазномъ смѣшивать „мягкость" согласныхъ и вообще „фонемъ" съ мягкимъ небомъ. Фактически существующее мягкое небо, мягкость котораго опредѣляется осязаніемъ, не имѣетъ никакого отношенія къ переносному, метафорическому примѣненію термина „мягкость" къ обозначенію одного изъ составныхъ элементовъ извѣстнаго рода фонемъ.

Графема - представленіе простѣйшаго, дальше недѣлимаго элемента письма или писанно-зрительнаго языка.

Буква - остающійся во внѣшнемъ мірѣ оптическій результатъ обнаруживанія существующей въ индивидуальной психикѣ графемы.

Морфема - дальше недѣлимый, дальше неразложимый морфологическій элементъ языкового мышленія. Этотъ терминъ является родовымъ, объединяю-

---

÷/ На термины „кинема", „акусма", „кинакема" можно пока не обращать вниманія.

цимъ для частныхъ, видовыхъ понятій въ родѣ корень, префиксъ, суфиксъ, окончаніе и т.п.. Считать подобный терминъ лишнимъ это тоже самое, что считать лишнимъ объединяющій терминъ „дерево" и довольствоваться частными названіями: „дубъ", „береза", „ель", „ива" и т.д..

Хотя дальше неразложимымъ живымъ морфологическимъ элементовъ является морфема, ассоціируемая въ своемъ цѣломъ съ извѣстною группою морфологическихъ и семасіологическихъ представленій, но тѣмъ не менѣе, какъ указано въ §§ II9 - I27, и отдѣльные входящіе въ составъ произносительно-слухового цѣлаго недѣлимой морфемы произносительно-слуховые элементы /кинемы, акусмы, кинакемы/ /до нуля включительно/ и ихъ сочетанія могутъ семасіологизоваться и морфологизоваться.

Синтагма - слово, какъ морфологическій элементъ болѣе сложнаго морфологическаго цѣлаго, т.е. фразы или предложенія.

См. еще §§ 7,8,II,I3,I6,36,39 и Б.-де-К.Отн. § I45,2.

Другіе термины.

Иннервація - нервное возбужденіе мускула, заставляющее его сокращаться и вообще двигаться.

Рифма - созвучіе произносительно-слуховыхъ концовъ словъ, начиная съ извѣстнаго мѣста, обыкновенно съ акцентованной /ударенной/ гласной фонемы.

Ритмъ - извѣстный распорядокъ произноситель-

но-слуховыхъ частей рѣчи /слоговъ, произносимыхъ словъ и т.п./, производящій впечатлѣніе правильно, періодически повторяющихся повышеній и пониженій, усиленій и ослабленій, удлиненій и сокращеній /долготъ и краткостей/.

Аллитерація - сочетаніе словъ, созвучныхъ не по своему произносительно-слуховому концу, какъ въ рифмѣ, а только по своему началу, т.е. словъ, начинающихся съ одинаковыхъ согласныхъ или съ одних только гласныхъ. Напр. поп Павелъ пытался...

Рифма, ритмъ и аллитерація подходятъ всѣ вмѣстѣ подъ понятіе ассонаціи или созвучности, обусловленной тѣмъ, что слова и выраженія ассоціируются, путемъ ассоціаціи по сходству, не только по одинаковымъ морфологическимъ элементамъ, но тоже по своему произносительно-слуховому составу.

§ 146. Гомонимы - одинаковыя по данному составу цѣлыя, подлежащія различному толкованію, т. е. ассоціируемыя съ различными группами инородних представленій.

Такъ напр. произносимыя русскія слова dam, våžu, veli, plač, rot, mir .... гомонимны, ибо они, при ассоціаціи съ представленіями семасіологическими и морфологическими различно толкуются.

da-m (дамъ) / дать, дашь..... и
dam (дамъ) / дама женщина ....
våž-u (вожу) : 1)/возить, 2) /водить;
veĺ-i (вели) / велѣть, и
veĺ-i вели / велъ, вести, веду .....
plač плач : 1) существ. плачъ; 2/ 2 л.

повелит. плачь;

rot : 1) rot / rta (ротъ, рта); 2) rot (rod) / róda (родъ, рода) .....

Какъ видимъ, различное семасіологическое толкованіе сопряжено очень часто съ различною морфологическою дѣлимостью: da-m / dam-; v́el'-i' / v́e-l'-i'.....

Затѣмъ, это различное семасіологическое толкованіе можетъ отражаться въ написаніи: плачъ / плачь; ротъ / родъ ...., миръ / міръ ....

Гомонимныя написанія гости, полка, сучка, сестры, бороды, пугала ...., при ассоціаціи съ семасіологическими, морфологическими и, наконецъ, фонетическими /произносительно-слуховыми/ представленіями, толкуются различно: gós't'-i | gås't'-i', pól-k-a | pålk-á, súč-k-a | suč-k-á, sestr-ím | sóstr-im, bъråd-ím | bórъd..., pug-ъ-l-a | pug-å-l-á | pug-á-l-a.

Гомонимными являются русскія графемы или представленія буквъ, толкуемыя различно путемъ ассоціацій съ представленіями не только произносительно-слуховыми, но тоже семасіологическими и морфологическими. Напр.

г : гора, нога...., господь, бога, благо...., того, добраго .....

е : ель, елка, падежъ / падежъ (падёжъ), смерть, смертный, мертвый....,

вообще всѣ графемы гласныхъ, ввиду ихъ мѣны, сообразно съ ударяемостью слова, по разнымъ уро-

ниямъ, да кромѣ того графемы согласныхъ /кромѣ ч, ш, ж, щ, ц/, благодаря тому, что онѣ не указываютъ всѣхъ свойствъ фонемы и опредѣляются окончательно, въ этомъ отношеніи, только слѣдующею графемою: ла / ля, бы / би, су / сю, то / те .... См. §§ 92, 93.

§ 147. Наоборотъ, синонимы это различныя по составу цѣлыя, черезъ ассоціацію съ инородными представленіями получающія сходное /но не вполнѣ одинаковое/ толкованіе. Таковы напр. слова лгать и врать, прыгать и скакать, говорить и болтать и указывать, шалить и играть и веселиться и гулять, юноша и молодой человѣкъ, балъ и пиръ.....

Понятіе синонимности, примѣняемое къ различнымъ произношеніямъ, толкуемымъ черезъ написаніе, къ различнымъ написаніямъ, толкуемымъ черезъ произношеніе, къ различнымъ графемамъ, ассоціируемымъ съ одинаковыми произносительно-слуховыми представленіями, понятіе синонимности во всѣхъ такихъ случаяхъ видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что здѣсь уже имѣемъ дѣло не со сходствомъ, а съ одинаковостью, тожественностью толкованія. Такъ напр.

произносимыя pad'éš и pad'óš, n'ébo и n'óbo ...... получаютъ въ написаніи одинаковое толкованіе: падежъ, небо;

написанныя ротъ и родъ, есть и ѣсть, миръ и міръ.... получаютъ въ произношеніи одно толкованіе: rot, jést, m'ir.....

Въ этомъ смыслѣ синонимны графемы: е и ѳ, и

и i, е и ѣ....

§ 148. Гаплологія /haplologia/ - означа- етъ обнаруженіе только одинъ разъ того, что долж[но] бы собственно повториться, т.е. обнаружиться под[ъ]рядъ два раза, такъ какъ оно принадлежитъ одинак[о]во и предшествующему и слѣдующему цѣлому. Такъ на[пр.] въ дрцсл. ПРИТИ графема И перваго слог[а] подходитъ подъ это понятіе: если закрыть, т.е. уст[ра]нить съ поля сознанія, конечное ТИ, получится предлогъ ПРИ; если же закрыть начальное ПР, получится глаголъ ИТИ. Въ словѣ трагикомич-скій слогъ ко принадлежитъ одинаково двумъ ча-стямъ этого сложнаго слова: закрывъ мическій, по-лучаемъ трагико; закрывъ же траги, получаемъ ко-мическій. Полный составъ этого слова долженъ бы быть: трагико-комическій.

Факультативность - возможность появиться, [но] не необходимость. Вообще человѣку, пріобщенному посредствомъ языка къ тому или другому человѣче-скому коллективу и носящему въ своей головѣ извѣ[ст]ное языковое мышленіе, свойственна факультативн[ость] обнаруживанія этого языкового мышленія: онъ може[тъ] говорить /а если грамотенъ, то и писать/, но онъ можетъ этого и не дѣлать.

То же самое касается отдѣльныхъ языковыхъ [эле]ментовъ. Окончанію творит. пад. ед. ч. жен. рода - oju - / -ою, -ею/ свойственна въ языково[мъ] мышленіи грамотнаго русскаго и конечная фонема -[u], но она можетъ вовсе не обнаруживаться, такъ что

дитъ во внѣшній міръ и воспринимается только oj (женою / женой, рыбою / рыбой)...., конеч-, съ свойственнымъ ослабленіемъ на низшемъ уров- произношенія, т.е. при неударяемости.

Слова бабушка, здравствуйте ... мыслятся въ оемъ полномъ произносительно-слуховомъ составѣ; нѣкоторые, слабѣе самесіологизованные и слабѣе рфологизованные элементы могутъ вовсе не обна- живаться, такъ что обыкновенно воспринимается что такое, что, по свойственнымъ русскому язы- вому мышленію ассоціаціямъ произносительно-слу- выхъ представленій съ представленіями писанно- тельными, должно получить въ написаніи обликъ: шка, здрасте ....

Факультативность констатируется и въ области сьма, именно при сокращеніяхъ. Въ нашей психикѣ етъ полный писанно-зрительный обликъ такихъ въ и выраженій, какъ можетъ быть, бывшій, такъ ъ, такъ называемый, сего года ...., а однакожъ ъ полное написаніе является только факультатив- ъ, и мы довольствуемся сокращеніями: м.б., т. , т.н., с.г..

Этой факультативности обязаны своимъ проис- жденіемъ т.н. „титлы", примѣняемые въ памятни- ъ письма къ написанію словъ часто употребляе- ъ и легко воспроизводимыхъ даже при сокращен- ъ написаніи.

Глава 14.

Объяснительная и дополнительная
/частью вмѣсто „Предисловія"/.

§ 149. Эти литографированныя лекціи были составлены первымъ изданіемъ еще въ 1908 г. на скорую руку и, такъ сказать, подъ давленіемъ со стороны слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Поэтому онѣ вышли весьма неудовлетворительными. Многое въ нихъ не досказано, не развито какъ слѣдуетъ; за то на другіе вопросы потрачено, можетъ быть, даже слишкомъ много времени.

Затѣмъ онѣ переиздавались нѣсколько разъ почти безъ всякихъ измѣненій. Я ихъ не хотѣлъ больше издавать, мечтая о составленіи книги по „введенію въ языковѣдѣніе", обработанной какъ слѣдуетъ и удовлетворяющей прежде всего меня самого. Къ сожалѣнію, обстоятельства и условія моей жизни таковы, что они парализуютъ мою научную дѣятельность и заставляютъ меня отказываться отъ такой роскоши, какъ составленіе и обнародованіе настоящихъ научныхъ сочиненій. Такъ я и ограничиваюсь до сихъ поръ одними только мечтами и благими намѣреніями.

Въ интересахъ сдающихъ экзаменъ по „введенію въ языковѣдѣніе", я долженъ переиздавать эти лекціи. Переиздаю же я ихъ, въ сравненіи съ первоначальной редакціей въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Съ I-ой главы по 9-ую главу включительно /§§ I-[illegible] я сохранилъ первоначальную редакцію, съ незначи-

ми лишъ измѣненіями, сокращеніями и прибавленія-
.

Но затѣмъ, начиная съ 4-го изданія, я приба-
лъ нѣсколько новыхъ главъ, 10-13 /§§ 118-148/,
итая ихъ желательными какъ для приготовляющихся
экзамену по „введенію въ языковѣдѣніе", такъ и
я желающихъ расширить свой кругозоръ въ области
ыковѣдѣнія вообще.

Глава 10-я /§ 118/ имѣетъ въ виду чисто прак-
ческую цѣль, дать образцы того, какъ слѣдуетъ
равляться съ задачею „транскрипціи", требуемой
 экзаменующихся.

Двѣ слѣдующія главы, 11-я /§§ 119-127/ и 12-я
128-141/, даютъ сжатое изложеніе лингвистиче-
ихъ вопросовъ первостепенной важности, вопросовъ,
ѣтовъ по которымъ можно требовать и отъ экзаме-
щихся по „введенію въ языковѣдѣніе".

Полагаю, что и 13-я глава /§§ 142-148/ окажет-
нелишней и поможетъ разбираться въ нѣкоторыхъ
стностяхъ изложенія лекцій. Она является какъ бы
лечeніемъ изъ „Энциклопедическаго словаря" /но
ько не въ алфавитномъ порядкѣ/.

ечно, и эти главы, и даже предшествующія слѣду-
другъ за другомъ не въ надлежащемъ порядкѣ. Если
я составлялъ книгу по этому предмету, и порядокъ
въ и изложеніе многихъ частностей приняли бы
гой видъ, болѣе соотвѣтствующій методологиче-
мъ требованіямъ.

---

§ 150. Въ связи съ этимъ „курсомъ" находится и составленный мною:

<u>Сборникъ задачъ</u> по "введенію въ языковѣдѣніе" по преимуществу примѣнительно къ русскому языку. С.Петербургъ 1912.

„Сборникъ задачъ" является собственно главнымъ руководствомъ какъ при основательномъ изученіи предмета, такъ и при подготовленіи къ экзамену.

Въ „Сборникѣ задачъ" можно считать лишними или, по крайней мѣрѣ, не обязательными для экзамена слѣдующіе №№ /хотя, впрочемъ, они содержать въ себѣ большею частью общеобязательное/:

45 - 54, 56 - 58, 59 - 60, 65, 94, 95 - 96, I36 - I37, I42, I44, I66 /только послѣдній абзацъ/, I84, 215 /вторая половина/, 224, 229, 230, 23I, 238; 293, 306, 307, 3I9, 326, 327, 334.

Затѣмъ, слѣдуетъ помнить, что въ „Сборникѣ задачъ" № 28 имѣетъ непосредственное отношеніе ко всѣмъ предшествующимъ №№-мъ, I-27, равно какъ и къ слѣдующимъ №№-амъ того же отдѣла, 29 - 38, и тѣсно съ ними связанъ; №№ - I7I и I70 составляютъ одно цѣлое, равно какъ и №№ I89 и I90.

Кромѣ того надо имѣть въ виду то, что сказано въ самомъ „Сборникѣ задачъ", въ „Послѣсловіи" на стр. 9I - 93.

Необходимымъ пополненіемъ моего „Курса" и прежде всего главы 8-ой /§§ 84 - 95/, является моя книжка

Объ отношенiи русскаго письма къ русскому язы-
у. Изд. журнала „Обновленiе школы" С.Петербургъ
912.

§ 151. Само собою разумѣется, что можно поль-
оваться тоже общими сочиненiями по языковѣдѣнiю,
оименованными въ „Объясненiи сокращенiй и знаковъ"
§ 154/, т.е. сочиненiями В. А. Богородицкаго,
. В. Крушевскаго, Д. Н. Кудрявскаго, С. М. Куль-
акина, В. К. Поржезинскаго, Э. Рихтеръ, А. И. Том-
она, Д. Н. Ушакова, М. Р. Фасмера /только лито-
рафированный курсъ/. Существуетъ литографирован-
ый курсъ по „введенiю въ языковѣдѣнiе" С. К. Бу-
ича, но мнѣ не пришлось съ нимъ ознакомиться.

По нѣкоторымъ изъ этихъ сочиненiй можно попол-
ить отдѣлы общаго языковѣдѣнiя, пропущенные въ
емъ собственномъ курсѣ.

Указанiе, какъ пользоваться этими „лекцiями".

§ 152. Желательно, конечно, прочтенiе и созна-
льное, критическое усвоенiе всего здѣсь изложен-
го, и еще болѣе желательно умѣнiе примѣнять свое
нимание къ рѣшенiю конкретныхъ задачъ, помѣщен-
ыхъ м. пр. въ Б.-де-К. Зад.. Но, съ практической
чки зрѣнiя, надо имѣть въ виду лицъ, смотрящихъ
эти „Лекцiи" только какъ на пособiе, облегчаю-
имъ отбытiе экзаменацiонной повинности. Для та-
ихъ лицъ даются слѣдующiя указанiя:

Къ „историчкамъ", обязаннымъ сдавать „дополни-
льный экзаменъ" тоже по „веденiю въ языковѣдѣнiе",

предъявляются минимальныя требованія:

усвоить себѣ пониманіе отношенія между письмомъ и языкомъ, въ связи съ этимъ умѣніе пользоваться „научною транскрипціей" при письменной передачѣ произносимыхъ русскихъ словъ, затѣмъ умѣніе дѣлить слова на фонемы и морфемы, умѣніе разобраться въ таблицахъ русскихъ фонемъ согласныхъ и гласныхъ, умѣніе разлагать фонемы на далѣе недѣлимые произносительно-слуховые элементы, умѣніе рѣшать задачи изъ „Б.-де-К. Зад.", касающіяся ассоціаціонныхъ связей между русскими графемами и русскими фонемами, пониманіе ученія объ альтернаціяхъ или чередованіяхъ и рѣшеніе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ относящихся сюда задачъ.

Во всякомъ случаѣ и „историчкамъ" рекомендуется, въ дополненіе къ „курсу", проштудировать мою книжку „Б.-де-К. Отн.".

При полныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ „филологичкамъ" разныхъ толковъ, надо собственно прочесть, понять и усвоить основательно весь курсъ, хотя, конечно, можно сосредоточиться лишь на нѣкоторыхъ отдѣлахъ, ограничиваясь относительно другихъ только общимъ пониманіемъ сущности содержащихся въ нихъ вопросовъ. У кого нѣтъ вовсе математическихъ способностей, тотъ освобождается отъ знакомства съ „формулой русской графики" /§§ 93-95/ и отъ рѣшенія № 122 въ „Б.-де-К. Зад.".

Совѣты, къ руководству для всѣхъ.

I/ Не осиливать себя, т.е. не гоняться за недостижимымъ, въ тѣхъ мѣстахъ курса, которыя должны быть недоступны пониманію уже по тому одному, что въ головѣ нѣтъ подходящаго матеріала, т.е. знанія не-русскаго языка /точнѣе, не-русскаго языкового мышленія/, изъ котораго приводятся примѣры /хотя я вообще не-русскими языками не злоупотребляю/. Такъ напримѣръ, въ § I4 можно оставить безъ вниманія примѣры изъ писанно-зрительнаго языкового мышленія польскаго, нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, въ связи съ соотвѣтствующимъ мышленіемъ произносительно-слуховымъ, если изучающій не имѣетъ объ нихъ никакого понятія.

2/ Никогда не зубрить безсмысленно, не заучивать наизусть, а только стремиться къ пониманію, къ пониманію и еще разъ къ пониманію. Если чего либо не понимаете, оставьте безъ изученія до тѣхъ поръ, пока не получите объясненія или отъ понявшаго, или же отъ автора этихъ „Лекцій".

3/ Прежде чѣмъ приступить къ чтенію „Лекцій", надо исправить „описки" /опечатки/, если таковыя окажутся.

---

§ I53. Какъ уже сказано, чтеніе одного курса я считаю недостаточнымъ. Необходима провѣрка знанія и пониманія путемъ рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ Б.-де-К.Зад.

Для облегченія укажу, съ какими §§-ами курса

равно какъ и книжки „Б.-де-К.Отв." находятся въ связи отдѣльные №№ этого „Сборника задачъ".

Б.-де-К. Зад. Часть I. №№	Б.-де-К. Вв. §§	Б.-де-К.Отв. §§
А. I - 38.	5 - 30, 96	
Б. 39 - 44.	5, 6, 7.	
В. 45 - 58.	I6, 85, 87, 9I, I42.	I - 35.
Г. 59 - 62.	7, 8, 3I - 39,40 -42,43-44, 87, 88.	36, 84, 90 - 99.
Д. 63 - 94.	I7 - 26, 45-46, 47 - 53, 54 - 83, 89.	I3, 4I, 49, 67, 74 - 77, 85.
Е.I.95-II0.	9, I0,I5, I7, I8, 20, 29, 30, 33, 40 - 42, 56, 84, 85 - 92.	I - 35, 36 - 6I,I0I-I08.

Б.-де-К. Зад.	Б.-де-К. Вв.	Б.-де-К. Отв.
Часть I. №№	§§	§§
Е.II.III-I22.	64, 84, 92 - 95.	36, 62 - 73.
Е.III.I23-I3I.	40-42,84,92.	36, 74 - 89.
Е.IV.I32-I45.	35 - 38, 56, 59, II8.	66, 9I.
Е.V. I46-I48.	6.	92 - I00.
Ж. I49 - I69.	96 - II7.	22 - 27, 50, 99.
З. I70 - I84.	62, 63, 64, 79,I09,II2, II5,II6,II9-I27.	36.
И. I85 - I86.		
I. I87 - I88.		

Б.-де-К. Зад.	Б.-де-К. Вв.	Б.-де-К. Отн.
Часть I. №№	§§	§§.
К. I89 - 230.	I06,I07,I28-I4I.	
Л. 23I - 239.	II3-II7,I2I.	

Часть II. №№

293 - 302 - тѣ же §§, что для Д. 63 - 94. Е. 95 - I45.

303 - 308 - тѣ же §§, что для Г. 59 - 62. Е. 95 - I45.

309 - 3I0 - тѣ же §§, что для В. 45 - 58.

3II - 3I4 - тѣ же §§, что для Д. 63 - 94. Е. 95 - II0, I23 - I3I.

3I5 - 320 - тѣ же §§, что для Г. 59 - 62.

32I - 326, 328 - тѣ же §§, что для Ж.I49 - I69.

327 - Б.-де-К. Вв. §§ I46 - I47.

329 - 332, - тѣ же §§, что для К.I89 - 230.

333 - тѣ же §§, что для Л. 23I - 239.

334 - тѣ же §§, что для Е. 95-I3I, I.45-58.

335 - тѣ же §§, что для З. 170 - 184.

336 - 337 - тѣ же §§, что для В.45-58.

§ 154. Объясненіе сокращеній и знаковъ. Заглавія книгъ, статей и литографированныхъ изданій.

Б.-де-К. Вв. = И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ: Введеніе въ языковѣдѣніе /этотъ литографированный курсъ/.

Б.-де-К. Отн.= И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ: Объ отношеніе русскаго письма къ русскому языку. Изд. журнала „Обновленіе школы". С.Петербургъ 1912 г.

Б.-де-К. Зад.= И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ: Сборникъ задачъ по „введенію въ языковѣдѣніе", по преимуществу примѣнительно къ русскому языку. С.Петербургъ 1912.

Б.-де-К. Яз. = И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ: 1/ Языкознаніе. 2/ Языкъ и языки. /Энциклоп.Словарь Брокгауза и Ефрона. Спб.XLI. 1904/.

Бог. Гр.^{3} = В. А. Богородицкій: Общій курсъ русской грамматики. Изд. 3-е, значит. дополн..Казань, 1911.

Бог. Л.^{2} = В. А. Богородицкій: Лекціи по общему языковѣдѣнію. Изд. 2-ое. Казань. 1915.

Бог. Оч.^{3} = В. А. Богородицкій:Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Изд.3-е,пересм.и испр. Казань. 1910.

Бул. Лек. = С. К. Буличъ: Лекціи по сравнительно-исторической фонетикѣ русскаго и старосла-

вянскаго языковъ. Выпускъ I и II. С.Петербургъ. 1903. На правахъ рукописи.

Бул. Энц. = Статьи С. К. Булича въ „Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза и Ефрона."

Круш. Оч. = Очеркъ науки о языкѣ. Н. Крушевскаго. Казань. 1883.

Кудр. Вв. = Д. Н. Кудрявскій: Введеніе въ языковѣдѣніе. Юрьевъ /Дерптъ/. 1912.

Кульб. Яз. = С. М. Кульбакинъ: Языкъ и языки. /Популярный очеркъ/. Москва. 1911.

Порж. Вв. = Введеніе въ языковѣдѣніе. Пособіе къ лекціямъ В. Поржезинскаго. Изд. 2-е. Москва. 1907.

Порж.Элем. = Проф. В. Поржезинскій: Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. Пособіе для старшихъ классовъ средней школы. Москва. 1910.

Рихт. = Э. Рихтеръ: Какъ мы говоримъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Л.В.Щербы. Спб. 1913. /Библіотека знанія/.

Томс. Яз.[2] = А. И. Томсонъ: Общее языковѣдѣніе. Второе перераб.и дополн.изд.,Одесса.1910.

Уш. Вв. = Д. Н. Ушаковъ: Краткое введеніе въ науку о языкѣ. Москва. 1913.

Фасм. Яз. = Лекціи по Языкознанію чит. М.Р. Фасмеромъ въ 1912/13 г. на II к. сл.-ист.отд.Императ.Женск.Педагогич.Института /Литографированный курсъ/.

Другiя сокращенiя и условныя знаки.

* Звѣздочка - ставится передъ письменнымъ изображенiемъ возсозданной или предположенной /гипотетической/ формы.

| - рядомъ.

|| - знакъ альтернацiи или чередованiя.

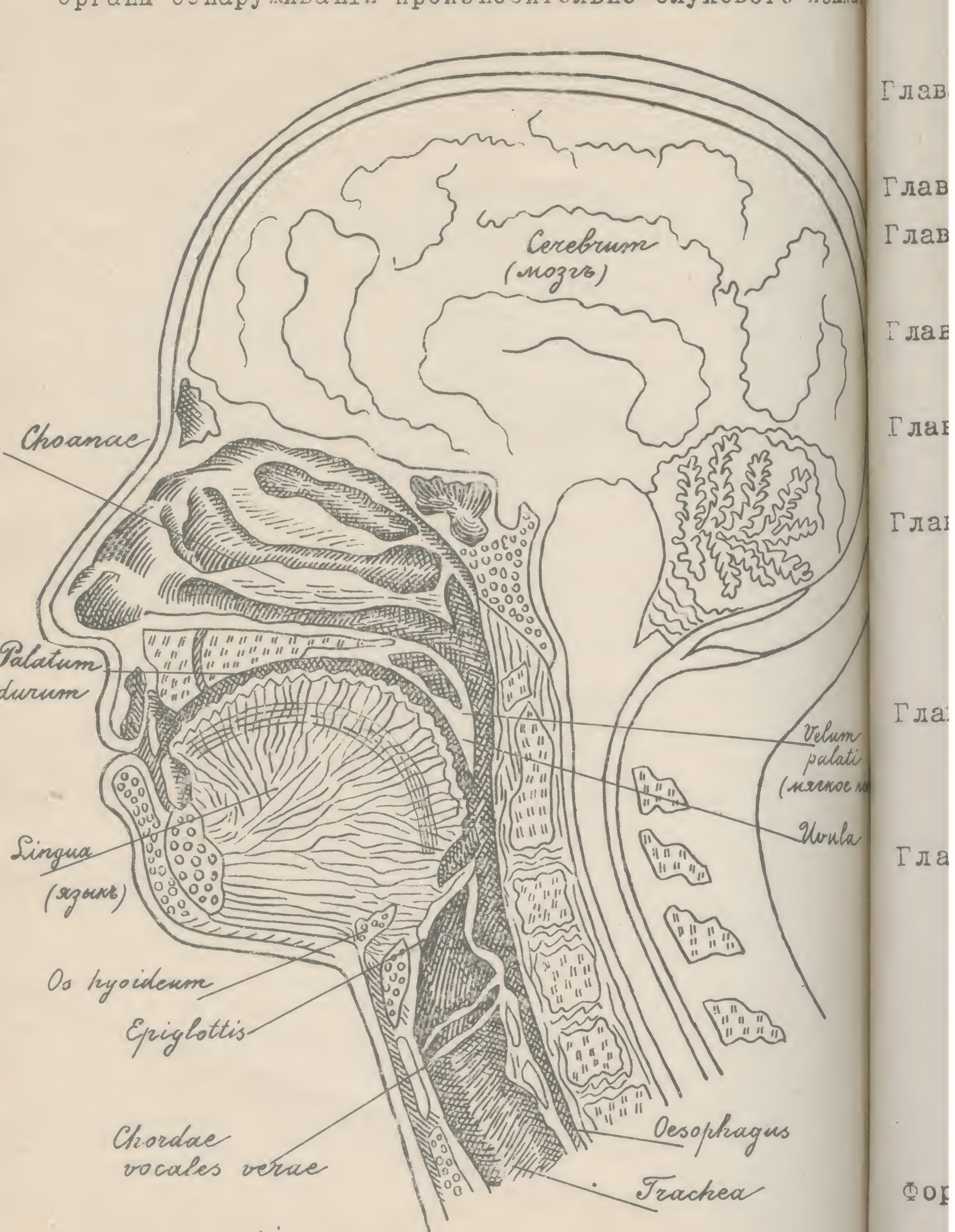
≠ - знакъ корреспонденцiи или соотвѣтствiя въ двухъ языковыхъ мышленiяхъ.

⟹ - знакъ историческаго перехода: то, письменное изображенiе чего стоитъ передъ этимъ знакомъ, перешло исторически въ то, изображенiе чего поставлено послѣ этого знака.-

:::::::::::

Вертикальный сагиттальный разрѣзъ головы и шеи.

Органы обнаруживанія произносительно-слухового языка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

О П Е Ч А Т К И.

стр.	строка.	вмѣсто:	должно быть:
5	6 сн.	быдто бы	будто бы
9	9 сн.	водáтахъ	водáтах
0	6 сн.	вод-ы́	вод-ы̀
"	5 сн.	вод-ы́	во̀д-ы̀
"	"	водѣ	водѣ́
I	13 сн.	... одинъ	...., оцинъ
3	2 сн.	существуюшимъ	сущэствующимъ. А
		существуетъ	существуетъ
20	13 св.	Написаніе	Написанія
24	3 св.	je ('l)	je ('e)
"	6 сн.	сближенія (j)	сближенія (j,')
25	7 сн.	свѣдѣнія"	"свѣдѣнія"
30	14 св.	м, н являются	м, н, являются
"	15 св.	неносовые	неносовыми .
40	10 св.	нашихъ, т.е.	нашихъ, – т.е.
"	"	а вообще	но и вообще
46	7 сн.	вызываемыхъ	называемыхъ
50	2 сн.	vyčub'əš	výčub'əš
57	10 сн.	того; не	того; не
58	10 св.	того съ г	того съ г
"	11 сн.	написано	написано
60	10 сн.	k-avo	k-ăvó
68	9 сн.	м, н, при	м, н; при
70	10 сн.	языкъ, губы	языкъ, губы
71	5-6 св.	кончика языка	кончика языка

79	9 св.	языкъ	знакъ
82	I0 сн.	o, a, b	o, a, e
85	2 сн.	im мыслится	im :мыслится
87	9 св.	ср. § 6	ср. § 76.
90	I сн.	ʒ, ʒ'	ʒ, ǯ
92	II св.	слвдующемъ	слѣдующемъ
"	I6 св.	g gʰ r	g, gʰ ř
"	I7 св.	ʒ ʒʰ	ǯ ǯʰ
97	2 сн.	p > ᵇp > b'm	p > ᵇp' > b'm
I0I	I4 сн.	o a e	o a e
I02	II сн.	[ʒ']	[, ǯ'],
I03	I0 св.	minimstr	mimnimstr
II2	7 св.	этиха фонемъ	этихъ фонемъ
"	I4 св.	согля́да́тай и гляди́	согля́да́тай и гляди́
II3	I св.	символомъ ʒ	символомъ ʒ,
II5	7 св.	фонема u	фонема u
II7	I5-I6 св.	ареографію	орѳографію
II8	I сн.	элементовъ и	элементовъ/ и
I20	2 св.	"ижица"/	/ "ижица"/
"	II св.	ять"	"ять"
I26	5 св.	фонема	фонема p
"	6 св.	фонема	фонема p'
"	I3 сн.	арѳографіи	орѳографіи
I28	2 св.	элементы	эквиваленты
I39	I св.	/тихъ	/этихъ
"	I2 св.	тѣмъ	этимъ
I4I	9 сн.	/дня/Фонема a	/дня/.Фонема

4	9 сн.	фонемы, x	фонемы, z
5	I3 сн.	Mien	chien
6	I4-I3 сн.	⇒ dńe ⇒ dńa] ⇒ 0	⇒ dń-e ⇒ dń-i] ⇒ dń-a.
7	8 сн.	dn-a	dń-a
	I сн.	kámeń-a и	kámeń-a и kámń-a,
9	8 сн.	внѣязыковыми се- масiологическими	внѣязыковыми, се- масiологическими
0	4 сн.	//noś...); /k// č	//noś....); k // č
I	2-3 св.	//b'ereź-); уда- ряемость	//b'ereź-); ударяемость
	4 св.	t'ŕáx-imv-a-t'...)	t'ŕáx-imv-a-t') и т.д.
2	6 св.	breg-	bŕeg-
3	4 св.	-ŕe -l'e	-ŕe-, -l'e-
	6 св.	-ere-	-eŕe-
	9 св.	церковно-слав,	церковно-слав.
	I4 св.	rov	rov-
	I5 св.	roz	roz-
	2 сн.	šd	žd.
54	9 сн.	voloč - (волочу	voroč- (ворочу
"	8 сн.	-uč-	-uč-
56	5-6 св.	посредничавшiя	посредничившiя
"	I0-9 сн.	Maleur	chaleur
"	5 сн.	cambiare	cambiare),
"	I сн.	Métif	chétif
60	I4 сн.	со своей	съ своей
"	I0 сн.	mož	mož-

I60	I сн.	/ищетъ/.	/ищетъ/.....
I63	7 св.	Ψęhτęη	Ψęήτęη
I64	3-4 св.	walt-/wal-ten-	walt-/wal-ten
I65	6 сн.	stop	štop
"	2 сн.	P'jan	P'ján
"	I сн.	bajimcå	bajimcå
I66	2 св.	šuŕnit	šuŕnint
"	4 св.	pésnim	pésńim
"	I0 св.	pjom	pjóm
"	II св.	acåmim	åcåmim
"	I2 св.	kråja	kråjá
"	I0 сн.	měčta	měčtá
"	7 сн.	g'osta	góśta
"	3 сн.	påjot	påjót
I68	I4 сн.	ŕož-i-, ŕož-ut	ŕóž-i-, ŕóž-ut
"	5 сн.	z ‖ g	ž ‖ g
"	3 сн.	z ‖ d'i,	ž ‖ d'i
I69	7 св.	или съ źo	или съ źi ž ‖ źi
"	I3 св.	соотвѣтствуютъ	соотвѣтствуютъ,
		смотря	смотря
I7I	7 св.	веде	ведё-
"	8 св.	žåv -	zåv-
"	"	зовё	зовё-
"	I0 св.	/пеци	/пеци)
"	II сн.	śek-//śek-	śek-//śek-
I74	I св.	"графика"	"графика" /фоне-графія/
"	5-6 св.	орео графія	ореографія /ио-фемографія/

75	6 св.	эторонѣ	сторонѣ
76	I св.	формою	формъ
	I4 св.	-ami	-ámi
0	I3 сн.	vél'- t	vél'-i-t
	2 сн.	mestoov	mést-óv
I	I4 св.	svеč-i	svéč-i
3	6 св.	эти	эта
5	3 св.	типомъ,	типомъ
	4 св.	/рукѣ/	/рукѣ/,
	9 сн.	sek-u, seč-ut	śek-ú, śek-út
	"	stéreg-ú steregút	stéreg-ú, stéreg-út ...,
	6 сн.	pek-í	pék-í
	5 сн.	stéreg-í	stéreg-í
7	8 св.	hez-í	véz-í
2	2 сн.	прочоходству	по сходству
6	9 св.	работу	работы
7	I3-I2 сн.	составныхъ ныхъ	составныхъ
8	8 св.	элементовъ	элементомъ
	9-8 сн.	§ I45.2 Другіе термины	§ I45. 2. Другіе термины.
9	7 сн.	морфологическими	морфологически-ми,
	2 сн.	вели	/вели/
	I сн.	плач	/плач/
3	3 св.	свойственнымъ	свойственнымъ русскому языку
	7 св.	самесіологическими	семасіологическими